Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Цао Цзяци

ПОСЛОВИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ-НАЗВАНИЕМ НАСЕКОМОГО В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА ФОНЕ КИТАЙСКОЙ): ЛИНГВОКУЛЬТУРОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Специальность 10.02.01 — русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Зиновьева Е.И.

Санкт-Петербург
2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ 11

1.1. Паремиологическая картина мира как часть языковой картины мира 11

1.1.1. Понятие «языковая картина мира» и основные направления изучения языковой картины мира 11

1.1.2. Соотношение терминов «паремия», «пословица», «поговорка» в русской лингвистике 18

1.1.3. Содержание термина «пословица» в китайской лингвистике 26

1.2. Изучение паремий в научной литературе 31

1.2.1. Структура и вариантность пословиц 32

1.2.2. Оппозиции в составе пословиц. Пословичные биномы 36

1.2.3. Основные направления изучения паремий 39

1.2.4. Лингвокультурологический аспект изучения паремий 42

1.3. Представление пословиц в словаре лингвокультурологического типа ... 49

1.3.1. Пословицы в традиционной русской паремиографии. Анализ словарей 49

1.3.2. Лингвокультурография как направление исследований. Классификация словарей лингвокультурологического типа 53

Выводы 58

ГЛАВА 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ С КОМПОНЕНТОМ-НАЗВАНИЕМ НАСЕКОМОГО НА ФОНЕ КИТАЙСКИХ АНАЛОГОВ 61

2.1. Характеристика материала и методика исследования 61

2.2. Лингвокультурологический анализ пословиц с компонентом-названием насекомого 65

2.2.1. *Муха* 65

2.2.2. *Пчела* 86
2.2.3. *Комар* 98
2.2.4. *Блоха* 109
2.2.5. *Вошь* 120
2.2.6. *Жук* 134
2.3. Макро и микро- структура лингвокультурологического словаря пословиц с компонентом-названием насекомого 144
Выводы 150
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 160
СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ИСТОЧНИКОВ 178
СПИСОК ЭЛЕКТРОННЫХ ИСТОЧНИКОВ 182
ПРИЛОЖЕНИЯ 183
Приложение № 1. Список установок культуры, вербализованных в русских и китайских пословицах 183
Приложение № 2. Список установок культуры, вербализованных только в русских пословицах 184
Приложение № 3. Список установок культуры, вербализованных только в китайских пословицах 186
Приложение № 4. Тематическая классификация ассоциатов китайских респондентов на стимулы – наименования насекомых 188
Приложение № 5. Русские пословицы в «Национальном корпусе русского языка» 203
Приложение № 6. Китайские пословицы в «Национальном корпусе китайского языка» 204
Приложение № 7. Образцы словарных статей 205

ВВЕДЕНИЕ

Данное диссертационное исследование посвящено лингвокультурологическому и лексикографическому изучению русских пословиц с компонентом-названием насекомого на фоне китайского языка.

Актуальность данного исследования обусловлена, во-первых, его включенностью в проблематику современной парадигмы научных лингвистических исследований; тем, что оно находится в рамках одной из наиболее активно разрабатываемых в настоящее время научных дисциплин – лингвокультурологии, и в частности, одного из основных направлений этой дисциплины – паремиологического. Во-вторых, пословицы с компонентом-названием насекомого используются в речи, в произведениях художественной литературы, обладают высоким оценочным потенциалом, отраженные в них установки культуры имеют чрезвычайную важность. В-третьих, представляет интерес изучение русских пословиц с компонентом-названием насекомого на фоне типологически отличающегося языка – китайского, что позволит выявить культурно-языковые особенности русских единиц. В-четвертых, на данный момент существует небольшое количество исследований, посвященных изучению пословиц с компонентом-названием насекомого в русской языковой картине мира, а подобные исследования на фоне китайского языка отсутствуют.

В качестве **объекта исследования** выступают русские и китайские пословицы с компонентом-названием насекомого.

Предмет исследования – лингвокультурологический потенциал русских пословиц с компонентом-названием насекомого и принципы их описания в лингвокультурологическом словаре.

Гипотеза данного исследования заключается в том, что пословицы с компонентом-названием насекомого в русской лингвокультуре имеют свои характерные особенности, проявляющиеся в их номинативной плотности, яркой образности, оценочности и амбивалентности, а восприятие носителями русского языка вербализованных в них установок культуры определяется

национально-маркированным стереотипным представлением, существующим в русском языковом сознании. Выявление сходств и различий в выбранном фрагменте русской пословичной картины мира на фоне китайской поможет предотвратить неудачи в межкультурной коммуникации, а результаты исследования послужат базой для разработки принципов описания и создания учебного лингвокультурологического словаря русских пословиц, ориентированного на китайских учащихся.

Цель данной работы: выявить национально-культурную специфику пословиц с компонентом-названием насекомого в русской языковой картине мира на фоне китайской для дальнейшей презентации русских единиц в учебном словаре.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач:**

1) описать теоретическую базу исследования;

2) определить лингвистический статус пословицы в русском и китайском языках для решения вопроса о принципиальной возможности описания русских единиц на фоне китайских;

3) осуществить полную выборку пословиц с компонентом-названием насекомого из словарей русских и китайских пословиц;

4) классифицировать отобранные русские и китайские пословицы по компоненту-наименованию насекомого;

5) разработать алгоритм лингвокультурологического анализа пословиц русского языка на фоне пословиц китайского языка;

6) провести лингвокультурологический анализ пословиц с наиболее частотным компонентом-названием насекомого в русской языковой картине мира на фоне китайской;

7) определить макро- и микроструктуру лингвокультурологического словаря русских пословиц с компонентом-названием насекомого, ориентированного на китайского адресата.

Методы и приёмы исследования: приём сплошной выборки материала из лексикографических источников, приём частичной выборки

иллюстративных контекстов из «Национального корпуса русского языка», «Национального корпуса китайского языка», интернет-источников, метод лингвокультурологического анализа, методы компонентного и дистрибутивного анализа, описательный и сопоставительный методы, приемы стилистической характеристики и количественных подсчетов.

Материалом исследования послужили данные, извлеченные из «Большого словаря русских пословиц» (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. 2010), «Большого словаря китайских пословиц» (Вэнь Дуаньчжэн 2011), а также двуязычных и толковых словарей русского и китайского языков, иллюстративные контексты «Национального корпуса русского языка», «Национального корпуса китайского языка», интернет-источников.

Теоретико-методологическую базу диссертационного исследования составили:

– труды по лингвокультурологии: В.Н. Телия 1996, 2006; В.В. Воробьев 1997, В.А. Маслова 2001, В.В. Красных 2002, Н.Ф. Алефиренко 2010, Е.И. Зиновьева 2016, Ю Жуцзе, Чжоу Чжэньхэ 1985, Н.О. Лосский 1990, Шэнь Сяолун 1990, Ши Ювэй 1991, Сун Юнпэй и Дуань Мули 1993, Чэнь Цзяньминь, Тань Чжимин 1993 и др.

– работы в области изучения языковой картины мира: Г.А. Брутян 1973, В.Н. Телия 1988, Ю.Д. Апресян 1995, Е.С. Яковлева 1996, Е.С. Кубрякова 1999, А.Д. Шмелев 2002, О.А. Корнилов 2003, А.А. Зализняк 2005, Ю.Д. Апресян 2006, Н.Ф. Алефиренко 2010, В.Е. Еремеев 2012, Е.И. Зиновьева и О.В. Абыякая 2014, Шэнь Сяолун 1990, Ян Сичан, Ву Гохуа 2000, Пэн Вэньчжао 2002, Ян Хайюнь и Тань Линь 2003, Хуайнань-цзы 2004, Тань Аошуан 2004, Цзюе Чжао и Тяньде Хуан 2014 и др.

– труды, посвященные изучению русских и китайских пословиц: В.И. Даль 1879, А.А. Потебня 1930, В.П. Аникин 1957, В.П. Жуков 1966, Л.А. Морозова 1972, В.И. Постовалова 1988, Л.М. Васильев 1990, Ж.Ш. Апекова 1996, В.Н. Телия 1996, О.А. Дмитриева 1997, З.К. Тарланов

1999, О.Г. Дубровская 2000, В.В. Жданова 2000, В.А. Маслова 2001, Е.М. Абышева 2008, Е.И. Селиверстова 2009, Н.Ф. Алефиренко 2009, В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина и Е.К. Николаева 2010, Р.Р. Замалетдинов 2010, О.В. Ломакина 2012, 2018, М.П. Афанасьева 2015, Е.В. Иванова 2017, Майя Младенович 2018, Хо Сюйдун 1956, Бан Шугуй 1980, Дуань Пин 1980, Ду Цзюньсяо и Ван Сии 1981, Люй Шусян 1989, Вэнь Дуаньчжен 2004, 2011, Фу Хуайцин 2004, У Вэй 2013 и др.

– работы в области фразеографии, учебной лексикографии и лингвокультурографии: В.П. Жуков 1966, П.Н. Денисов 1978, В.И. Даль 1879, Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова 1985, В.В. Морковкин 1988, О.И. Блинова 1993, Н.А. Лукьянова 1996, В.А. Маслова 2001, А.В. Жуков 2003, 2015, В.Н. Телия 2006, В.И. Зимин и А.С. Спирин 2006, Е.И. Зиновьева 2010, 2016, В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина и Е.К. Николаева 2010, Люй Шусян 1989, Вэнь Дуаньчжэн 2011, Пи Цзянькунь 2014 и др.

На защиту выносятся следующие **положения:**

1. Для проведения лингвокультурологического анализа паремий русского языка на фоне китайского целесообразно придерживаться алгоритма анализа, включающего последовательность нескольких этапов:

– выделение общих и лакунарных установок культуры, вербализованных в пословицах с компонентом-названием насекомого в двух языках;

– выявление стереотипного представления о насекомом, зафиксированного в плане выражения пословиц;

– выделение пословичных биномов;

– верификация выявленного стереотипного представления о насекомом по результатам ассоциативного эксперимента с целью установления корреляции «пословичного портрета насекомого» с представлением о нем в языковом сознании носителей языка, объяснения мотивированности установок культуры;

– анализ особенностей употребления рассматриваемых пословиц в

современных текстах художественной литературы, периодической печати, в интернет-пространстве для выявления их частотности в разных типах дискурса, особенностей их семантики, синтагматических связей и прагматического компонента значения;

– обобщение полученных результатов, выявление сходств и национально-культурных особенностей русских пословиц на фоне китайских.

2. Пословичные портреты насекомых, выражающих стереотипное представление носителей языка, имеют больше сходств, чем различий, что обусловлено их вербализацией в плане выражения паремий, объективирующем универсальные наблюдения человека за насекомыми.

3. Большинство вербализованных в пословицах с компонентами-наименованиями насекомых установок культуры имеет больше различий, чем сходств в рассматриваемом фрагменте паремиологической картины мира русского и китайского языков, что обусловлено различиями в истории двух народов, особенностями менталитета, жизненной философии, иерархией приоритетов в системе ценностей.

4. Культурно-языковые особенности пословиц с компонентом-названием насекомого в русской языковой картине мира на фоне китайской заключаются в наличии большего числа лакунарных относительно китайского языка установок культуры; использовании отличающихся пословичных биномов, реализующих большее число логико-семантических связей; в преимущественном употреблении пословиц русского языка в художественном дискурсе; в наличии в составе русских пословиц названий национальных реалий, имен собственных, стилистически окрашенных единиц.

5. Словарная статья учебного лингвокультурологического словаря русских пословиц, предназначенного для носителей китайского языка – студентов-филологов, владеющих русским языком на уровне B2-C1, должна учитывать результаты предварительно проведенного

лингвокультурологического анализа. Словарная статья должна включать 4 обязательные зоны: заголовочную единицу; ее описательное толкование; ситуации употребления; выявленные ментальные установки русской культуры; а также 5 факультативных зон: семантизацию потенциально незнакомых слов; русские пословицы, выражающие ту же культурную установку, что и заголовочная единица; сведения об особенностях употребления паремии в современных текстах; синонимичные единицы; аналоги в китайском языке.

Научная новизна исследования заключается в лингвокультурологическом аспекте исследования пословиц с компонентом-названием насекомого в русском языке на фоне китайского. Впервые также предпринимается лингвокультурографическое описание русских пословиц с компонентом-названием насекомого, ориентированное на адресата-носителя китайского языка.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно может внести вклад в дальнейшую разработку методологии лингвокультурологического изучения паремий одного языка на фоне другого; выводы и результаты, полученные в настоящем диссертационном исследовании, могут способствовать дальнейшему развитию лингвокультурографического направления исследований.

Практическая значимость исследования определяется тем, что результаты исследования могут быть использованы в преподавании русского языка как иностранного, в лекционных курсах по паремиологии, лингвокультурологии, теории и практике перевода, лингвострановедению и культурологии, а также в лексикографической практике при составлении учебных словарей.

Структура работы: диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списков использованной литературы, словарей и источников и их условных обозначений, электронных источников, семи приложений. Во введении определены актуальность, объект и предмет, гипотеза, цель, задачи,

методы исследования, материал исследования, новизна, теоретическая и практическая значимость работы, сформулированы положения, выносимые на защиту.

В первой главе рассмотрены основные проблемы лингвокультурологии, раскрыто содержание основных терминов «*языковая картина мира*», «*паремиологическая картина мира*», «*пословица*», «*поговорка*», «*паремия*», охарактеризованы особенности русских и китайских пословиц, проанализированы вопросы изучения паремий в научной литературе. Кроме того, в этой главе рассматриваются принципы лексикографического описания паремий.

Вторая глава посвящена лингвокультурологическому анализу русских паремий на фоне китайских. Дана общая характеристика и классификация исследуемого материала, представлен алгоритм анализа, проведен лингвокультурологический анализ наиболее объемных групп пословиц в двух языках, описаны параметры представления русских пословиц в словаре, адресованном китайскому читателю, разработана модель словарной статьи.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ

1.1. Паремиологическая картина мира как часть языковой картины мира

1.1.1. Понятие «языковая картина мира» и основные направления изучения языковой картины мира

Языковая картина мира – одно из основных понятий лингвокультурологии. В настоящее время лингвокультурология уже сложилась как самостоятельная научная дисциплина, представленная трудами таких исследователей, как В.Н. Телия, В.В. Воробьев, В.А. Маслова, В.В. Красных, Е.И. Зиновьева, Е.Е. Юрков, Н.И. Толстой, Н.Ф. Алефиренко, Ю.С. Степанов и многие др. В рамках этого научного направления написано большое количество монографий, кандидатских и докторских диссертаций, статей, изданы словари.

В своем исследовании в качестве рабочей мы будем придерживаться дефиниции, предложенной Е.И. Зиновьевой, согласно которой *лингвокультурология* – это «лингвистическая филологическая наука, которая исследует различные способы представления знаний о мире носителей того или иного языка через изучение языковых единиц разных уровней, речевой деятельности, речевого поведения, дискурса. Это должно позволить дать такое описание этих объектов, которое во всей полноте раскрывало бы значение анализируемых единиц, его оттенки, коннотации и ассоциации, отражающие сознание носителей языка» (Зиновьева 2016: 12). В данном определении импонирует то, что автор говорит *об изучении языковых единиц разных уровней*, что позволяет сделать объектом анализа интересующие нас паремии. Паремии *представляют знания* и ментальные установки *носителей языка о мире*, возникшие в отдаленные от нас хронологические периоды и в

большей своей части сохраняющиеся в лингвокультуре до настоящего времени, тем самым отражая интересующую нас национальную картину мира. И, наконец, данное определение было выбрано в связи с тем, что наше исследование паремий направлено на выявление и *описание их значений, коннотаций и ассоциаций*, связанных с интересующими нас компонентами пословиц.

В Китае основоположниками «文化语言学» (*лингвокультурологии*) считаются китайские лингвисты Ю Жуцзе и Чжоу Чжэньхэ, написавшие в 1985 году статью «Диалект и китайская культура» (Ю Жуцзе, Чжоу Чжэньхэ 1985). В рамках лингвокультурологии в Китае работают такие ученые, как Шэнь Сяолун (1990), Ши Ювэй (1991), Сун Юнпэй и Дуань Мули (1993), Чэнь Цзяньминь и Тань Чжимин (1993), Чжу Ваньцзинь (1985) и др. Китайские лингвисты рассматривают и определяют *лингвокультурологию* с различных точек зрения: как науку, которая исследует взаимосвязь между языком и культурой (Чжан Гунбу 1989: 125); как науку, объясняющую языковые явления, связанные с культурным фоном (Ю Жуцзе 1995: 217-218); как культурную психологию (Чэнь Цзяньминь 1989: 81). В трудах китайских лингвистов отмечается изоморфизм языка и культуры – школа «двунаправленной взаимосвязанной лингвокультурологии» (Ю Жуцзе 1989), особенности социального общения на основе взаимосвязи языка и культуры – школа «социально-общественной лингвокультурологии» (Чэнь Цзяньминь 1987), всесторонняя обусловленность функций системы китайского языка культурой (Шэнь Сяолун 1990). В целом можно констатировать сходство взглядов российских и китайских исследователей на лингвокультурологию.

Термин «*картина мира*» появился первоначально в рамках физики. Одним из первых его предложил Г. Герц в конце XIX- начале XX века. С 60-х годов XX века проблему картины мира рассматривали в рамках семиотики (Лотман, Успенский 1971), и только затем – в рамках лингвистики (Иванов, Топоров 1965).

В.П. Руднев в своей книге «Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты» пишет о том, что «картина мира – система интуитивных представлений о реальности» (Руднев 1997: 1). В.П. Руднев отмечает, что можно выделить, описать или реконструировать картину мира нации, социальной и профессиональной группы и отдельной личности (Руднев 1997: 1). В данном исследовании нас будет интересовать русская национальная картина мира, вербализованная в пословицах, на фоне аналогичного фрагмента китайской картины мира.

Г.А. Брутян справедливо, на наш взгляд, разделяет концептуальную и языковую картины мира. *Концептуальная картина мира* (ККМ) включает в себя «не только знание, которое выступает как результат мыслительного отражения действительности, но и итог чувственного познания». А *языковая картина мира* (ЯКМ) – «это вся информация о внешнем и внутреннем мире, закрепленная средствами живых, разговорных языков» (Брутян 1973: 108). Исследователь отмечает, что центр ККМ представляет собой информацию, данную в понятиях, а в ЯКМ главное – это знание, которое закреплено в словах и словосочетаниях конкретных разговорных языков (Брутян 1973: 108). ККМ богаче ЯКМ, так как она включает в себя разные типы мышления, в том числе и невербальные. ЯКМ содержит «слова, словоизменительные и словообразовательные формативы и синтаксические конструкции» (Зиновьева 2016: 27).

Выделяют научную и наивную картину мира. *Наивная картина мира* отличается от научной тем, что она отражает обыденное сознание человека. Нас будет интересовать наивная картина мира, отразившаяся в пословицах.

К определению термина «*языковая картина мира*» обращались многие русские лингвисты (см., например, Моисеева 1998: 3; Мифы народов мира 1982, II: 161; Урысон 1998: 3; Касевич 1996: 179; Словарь социолингвистических терминов 2006: 359; Ковшова, Гудков 2017: 143 и многие др.).

Ю.Д. Апресян справедливо считает, что каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира. Выражаемые в нем значения складываются в «некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка <…> Свойственный языку способ отражения взгляда на мир отчасти универсален, отчасти национально специфичен, поэтому носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков» (Апресян 1995: 39). В связи с этим в качестве рабочего в данном исследовании считаем целесообразным принять определение ЯКМ, предложенное Е.С. Яковлевой, понимающей под этим термином зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности. ЯКМ – это «своего рода мировидение через призму языка» (Яковлева 1996: 47). Анализируемые нами паремии схематично отображают восприятие действительности народом-носителем языка.

А.Д. Шмелев указывает на различные конфигурации смыслов, характерные для национального взгляда на мир (Шмелев 2002: 46-47). Представляется, что в интересующих нас пословицах русского и китайского народов национальная специфичность как раз обусловлена именно различной комбинацией идей, при наличии общего эти различные сочетания смыслов, разная расстановка акцентов и формируют национальный взгляд на мир.

В.Е. Еремеев считает, что традиционная китайская картина мира «была в большей степени направлена на подчеркивание целостности сущего. В ней не было разделения на идеальное и материальное, принятого в европейской культуре, начиная от Платона, а только выделялись разнонаправленные оси по принципу ян-инь – активное-пассивное, явное-скрытое, полное-пустое и проч. В таких координатах выстраивались определения сущностных свойств мироздания, которое мыслилось китайцами как живой организм, все члены которого взаимосвязаны, занимая определенное положение в иерархии

целого» (Еремеев 2012: 63). В книге «Хуайнань-цзы» (II в. до н.э.) говорится, что «небо и земля, пространство и время (то есть космос) – одно человеческое тело, посреди шести сторон все управляется как в человеке» (Хуайнань-цзы 2004: 131). В китайском мире-организме каждая часть-орган – живая и связанная со всеми остальными часть. При этом можно видеть эволюционистский характер модели мира китайцев (Еремеев 2012: 63).

Тань Аошуан отмечает, что китайская модель мира является совокупностью пространства, времени, семантики размера, значимости чисел в концептуализации мира китайцами. Она включает в себя этические идеалы конфуцианцев, помогает определить локализацию интеллектуального и эмоционального чувств в китайской наивной картине мира (Тань Аошуан 2004: 7).

На определения термина 语言世界图景 «*языковая картина мира*» (ЯКМ), предлагаемые китайскими лингвистами, большое влияние оказали такие русские лингвисты, как А.А. Уфимцева, Б.А. Серебренников, В.В. Воробьёв, В.И. Постовалова, В.И. Телия, В.И. Моисеев, Е.С. Кубрякова, Е.С. Яковлева, Ю.Н. Караулов и др. Дефиницию термина предлагают многие китайские лингвисты: Ян Шичжан, Ву Гохуа, Ян Сичан, Пэн Вэньчжао, Тань Линь, Шэнь Сяолун, Ян Хайюнь и др. По мнению китайских ученых, ЯКМ – это когнитивная модель реальной картины мира и языковое воплощение разнообразия образа мира (Ян Шичжан, Ву Гохуа 2000: 37; Пэн Вэньчжао 2002: 263; Ян Хайюнь, Тань Линь 2003: 8). Таким образом, можно сделать вывод о том, что подходы к понятию «*языковая картина мира*» в русской и китайской лингвистике схожи, что позволяет нам рассматривать фрагмент русской языковой картины мира на фоне китайской.

Паремиологическая картина мира (ПКМ) – фрагмент языковой картины мира. В изучение русской паремиологической картины мира внесли огромный вклад многие лингвисты (А.А. Потебня 1930, В.П. Аникин 1957, В.П. Жуков 1966, В.И. Даль 1879, В.И. Постовалова 1988, Л.М. Васильев 1990, В.Н. Телия 1996, В.А. Маслова 2001, Л.Б. Савенкова 2002, Е.В. Бабаева,

2002, Е.В. Иванова 2006, О.Н. Натхо 2008, И.М. Балова и М.Ч. Кремшокалова 2009, В.М. Мокиенко 2010, Р.Р. Замалетдинов 2010, Д.Б. Кумахова 2011, М.А. Серегина 2012, Г.А. Лисицына 2015, О.В. Ломакина 2018 и др.).

В.И. Постовалова считает, что ПКМ представлена общепринятыми стереотипами, выражающими свойства мира в сознании человека (Постовалова 1988: 9). Л.М. Васильев отмечает, что каждый народ имеет свою собственную ПКМ, она единственна и неповторима. В основе ПКМ лежат категории, которые представлены внеязыковой действительностью в содержательных разделенных сущностях: «для языковой модели – семантические модели языка, а для когнитивной модели – это когнитивные (понятийные) категории». По мнению Л.М. Васильева, семантические категории отражены в определенных языковых средствах, имеют дополнительное смысловое содержание (Васильев 1990: 138). О.Н. Натхо обращает внимание на когнитивные категории ПКМ, он отмечает, что когнитивные категории ПКМ содержат знания человека, которые ориентированы на закономерности окружающего мира. Воплощение ПКМ обусловлено культурологическим и лингвистическим факторами (Натхо 2008: 38).

По Г.А. Лисицыной, ПКМ отражает мир человека, содержит оценку, выраженную в паремиологических суждениях (Лисицына 2015: 387). Д.Б. Кумахова также отмечает, что ПКМ имеет этическую и рационалистическую оценки, которые связаны со шкалой ценностей в лингвокультуре каждого этноса, и с предпочтениями, которые обусловлены практической целесообразностью. Также автор подчеркивает, что в ПКМ оценка занимает важное место, она выступает как антропологическая категория, представляет собой основное средство выражения аксиологических установок народов в материальной и духовной культурах (Кумахова 2011: 6).

В статье «Конструирование картины мира и паремиологический фонд языка» Р.Р. Замалетдинов пишет, что ПКМ отражает лингвокультурные

константы и специфику мышления человека, большинство паремиологических единиц выражает человеческую нравственность, определяет содержание разных понятий с точки зрения этнического мировоззрения. Фонд паремиологических единиц содержит основные стереотипы сознания народа, стандарты и нормы поведения и идеалы. Паремиологический фонд является источником информации о народном менталитете и особенностях культуры. Р.Р. Замалетдинов подчеркивает методологические установки на основе лингвокультурологического анализа: «признание паремиологического фонда национального языка в качестве важнейшего средства аккумулирования и трансляции культурного опыта народа; согласие с концептуальным единством паремиологического пространства языка как областью вербализации важнейших срезов национальной языковой картины мира; учет важности паремий в выявлении специфики ценностной окрашенности национальной языковой картины мира» (Замалетдинов 2010).

ПКМ – инвариантная часть языковой картины мира, которая содержит обобщённую, культурную информацию и стереотипные представления о мире. ПКМ является совокупностью социально-культурного опыта народа. Паремия ориентирует на верную оценку события, выражает ситуации, которые объёмно и полифонично представлены разнообразием компромиссных оценок и обобщающих выводов. Она сообщает о стереотипном видении определенной ситуации в соответствии с национальным менталитетом. ПКМ имеет специфические черты, сохраняющиеся во внутренней форме паремий. ПКМ выступает как результат непосредственного восприятия мира, его осмысления и действительного познания. Она возникает в сознании народа и обусловлена исторически, основываясь на концептосфере. Поэтому ПКМ содержит концептуальное знание о действительности и ментальные стереотипы (Серегина 2012).

М.А. Серегина отмечает, что в рамках когнитивного подхода (от себя добавим, что и лингвокультурологического тоже – Цао Цзяци) ПКМ позволяет: 1) классифицировать элементы действительности; 2) анализировать действительность: объяснять причину явлений и событий, прогнозировать развитие и последствие явлений и событий; 3) выступать как совокупность чувственного и рационального опыта народа (Серегина 2012).

Поскольку объектом исследования в данной работе являются пословицы, единицы, входящие в паремиологическую картину мира, обратимся к содержанию термина «*пословица*» и его отличиям от смежных терминов.

1.1.2. Соотношение терминов «паремия», «пословица», «поговорка» в русской лингвистике

Термин «*паремия*» используется как родовой по отношению к терминам «*пословица*», «*поговорк*а», «*пословично-поговорочные выражения*», *загадк*и и *приметы*. Все исследователи сходятся в признании значимости паремий для изучения сознания народа, культурных ценностей и предпочтений, однако до настоящего времени нет единого, удовлетворяющего всех исследователей, определения паремий. *Паремии* признаются вербально выраженными стереотипами национального сознания; мини-текстами, представляющими малый жанр фольклора; афоризмами. Эти единицы, по мнению исследователей, являются объектом междисциплинарного исследования.

Так, В.А. Маслова определяет *паремии* как «словесно выраженные «стереотипы народного сознания»» (Маслова 2001: 43). Е.В. Бабаева, рассматривая термин «*паремия*» в аспекте лингвокультурологии, также отмечает, что в лингвокультурологии фонд паремиологических единиц представляет большой интерес, поскольку паремии позволяют реконструировать важные стереотипы массового национального сознания. Изучение паремий помогает выявить культурно обусловленный компонент языковых значений и когнитивные механизмы формирования культурных

стереотипов. Паремиологические единицы отражают и передают опыт народа, представляют собой кристаллизацию этнического мировоззрения. Кроме того, в фонде паремий находят явные выражения предпочтения, которые связаны с ценностной доминантой культуры (Бабаева 2002: 28).

И.М. Балова и М.Ч. Кремшокалова рассматривают *паремии* как мини-тексты, произведения народного творчества, малые жанры фольклора. *Паремия* имеет сложную природу, она понимается как объект изучения различных областей науки (философии, лингвистики, культурологии и др.) (Балова, Кремшокалова 2009).

Паремии определяются и как афоризмы фольклорного происхождения, которые характеризуются устойчивостью, воспроизводимостью и имеют прецедентный характер, они отличаются вариативностью комбинированной формы и смыслового содержания в пределах первоначальной семантико-прагматической константы (Семененко 2012).

Языковой статус паремий в русской лингвистике остается предметом дискуссий. Главным вопросом остается включение / не включение паремий в состав фразеологизмов.

Одни исследователи придерживаются широкого понимания фразеологии и включают пословицы в состав фразеологизмов (Л.А. Булаховский 1952, И.Е. Аничков 1964, В.Л. Архангельский 1964, С.Г. Гаврин 1969, Г.Л. Пермяков 1968, Н.М. Шанский 1996, А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский 2008 и др.), другие же исключают пословицы из состава фразеологизмов (А.А. Потебня 1930, Б.А. Ларин 1956, М.Т. Тагиев 1970, А.М. Бабкин 1970, Ю.А. Гвоздарев 1977, А.И. Молотков 1977, С.И. Ожегов 1989, В.Н. Телия 1996, Н.Н. Семененко 2012 и др.).

Сторонники включения пословиц в состав фразеологизмов приводят, в частности, следующие доводы: В.Л. Архангельский отмечает, что пословицы воспроизводимы по традиции, организованы по конструкциям словосочетаний или предложений. Сочетавшиеся элементы пословицы имеют единое значение, устойчивое отношение между означаемыми

(Архангельский 1964: 103-104). С.Г. Гаврин указывает на общие признаки пословиц и фразеологизмов: воспроизводимость в речи, семантическая целостность, общеупотребительность, постоянство компонентного состава и грамматической формы (Гаврин 1969: 25). Н.М. Шанский считает, что пословицы и поговорки можно классифицировать как один из разрядов фразеологизмов ввиду наличия у них логико-семантической особенности, воспроизводимости и сверхсловности (Шанский 1996).

Противники отнесения паремий к фразеологизмам аргументируют свою точку зрения следующим образом: А.А. Потебня видит различие между пословицами и фразеологизмами в том, что пословица – знак отношений между понятиями, а фразеологическая единица – знак понятия. Следует отметить, что А.А. Потебня одним из первых предположил, что в русском языке фразеологические единицы возникают на основе пословиц (Потебня 1930: 98-99). М.М. Копыленко считает, что афоризмы и пословицы отличаются от фразеологизмов, но они являются одним из источников фразеологических единиц. А крылатые слова и поговорки следует включать в состав фразеологии (Копыленко 1965: 69-70). В.Н. Телия указывает, что в отличие от фразеологизмов пословицы обладают законченностью, предикативностью (модальностью и временем), имеют признак синтаксически разложимых составных единиц (Телия 1996). А.И. Молотков считает, что пословицы отличаются от фразеологизмов своей синтаксической законченностью, грамматически оформленным суждением (Молотков 1977: 16). И.М. Балова и М.Ч. Кремшокалова отличают пословицы от фразеологизмов, так как первые имеют форму – предложение, выражают суждение, опыт жизни народа. Кроме того, пословицы невозможно идентифицировать с помощью слов-синонимов. Исследователи также полагают, что пословицы и поговорки отличаются от смежных языковых единиц поэтическими функциями (Балова, Кремшокалова 2009).

В нашем исследовании мы опираемся на точку зрения Е.И. Селиверстовой, справедливо утверждающей, что паремии отличаются от

фразеологизмов законченностью, дидактичностью, синтаксической структурой, принципами речевого выбора и условиями контекстуального включения и функционирования в тексте, особой прагматической направленностью, эвфоническим оформлением, определенными парадигматическими и синтагматическими отношениями между компонентами (Селиверстова 2017: 25).

Одним из спорных вопросов русской лингвистики остается также содержание терминов «*пословица*» и «*поговорка*».

Одни лингвисты считают, что иногда половицы и поговорки трудно дифференцировать, между ними не существует резкой границы (например, В.П. Адрианова-Перетц 1957, В.П. Фелицына 1964), другие же четко различают пословицы и поговорки (В.И. Даль 1879, М.А. Рыбникова 1961, В.П. Жуков 1966, Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова 1985, А.А. Потебня 1990, Л.Б. Савенкова 2002, И.М. Балова и М.Ч. Кремшокалова 2009, В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева 2010 и др.).

1) Пословицы и поговорки не имеют четкой границы. В.П. Фелицына считает, что пословицы и поговорки не всегда имеют четкую грань, поскольку между ними присутствует явная общность, поговорки часто являются частью пословиц (Фелицына 1964: 203).

2) На основании следующих критериев различают пословицы и поговорки:

— переносное – прямое значение. В.П. Адрианова-Перетц отмечает, что «поговорка возникает под впечатлением единичного факта, но с течением времени также приобретает переносный смысл, хотя и не столь широкий, как пословица» (Адрианова-Перетц 1957: 5). Известный лингвист и лексикограф В.П. Жуков определяет пословицы как краткие народные изречения, они обладают одновременно прямым и переносным планом, либо только переносным, а поговорки – изречения, которые воспринимают буквально, т.е. они имеют только прямой план (*Деньги – дело наживное, Коса – девичья краса*). Автор выделяет также промежуточные единицы – пословично-поговорочные выражения, в составе которых часть слов имеет прямой смысл,

а часть – переносный (*Пьяному море по колено*) (Жуков 1966: 11). Л.Б. Савенкова в своей докторской диссертации определяет пословицы и поговорки как устойчивые в языке и воспроизводимые в речи анонимные обобщающие изречения, они имеют цель – дидактичность. Однако, в отличие от поговорок, пословицы имеют переносное значение (Савенкова 2002: 96).

— дидактичность пословиц в отличие от поговорок. По мнению В.И. Даля, *пословица* – это «коротенькая притча, суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности», *поговорка* же – «окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения» (Даль 1879: 10-11). В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» поговорка определяется как «образное, иносказательное выражение, метко определяющее какое-либо жизненное явление, лаконичное по форме, в отличие от пословицы, не заключающее в себе прямого поучительного смысла, с чем часто связана синтаксическая незаконченность» (Розенталь, Теленкова 1985: 289).

— часть/целое (поговорка как часть пословицы или другой более крупной единицы). А.А. Потебня считает, что поговорки относятся к пословицам как часть к целому: поговорки относятся к пословицам как эмблемы к басням. Поговорки похожи на эмблемы, которые имеют поэтический (иносказательный) образ, они содержат сцепление лиц и действий или один элемент из этого сцепления (отдельно взятое лицо, качество, действие). А.А. Потебня объясняет разницу между пословицами и поговорками с позиций их смысла: суждение, отраженное в пословицах, обладает обобщающим, синтезирующим смыслом, а поговорки как элемент, остаток, сгущение пословиц или басен, судят только в конкретном случае (Потебня 1990: 108-109). М.А. Рыбникова определяет пословицы как словесный организм, а поговорки как «заготовки» выразительной речи, которые обладают экспрессивностью. Поговорки характеризуют явление косвенным путем, бодрят, смешат, повышают реакцию слушателя / читателя (Рыбникова

1961). И.М. Балова и М.Ч. Кремшокалова различают пословицы и поговорки по выполняемым функциям. Пословица может употребляться изолированно. Поговорка же должна включаться в состав превосходящей ее по объему речевой единицы (Балова, Кремшокалова 2009).

— синтаксическая структура. В.П. Жуков считает пословицы законченными предложениями. Также, Л.Б. Савенкова подчеркивает, что основное различие между пословицами и поговорками проявляется в том, что по представляемому значению в пословицах заключается суждение, в поговорках – понятие, по синтаксическим структурам пословицы – это предложения, поговорки – фрагменты предложений (Савенкова 2002: 67).

— фразеологизм (поговорка) / не фразеологизм (пословица). В своем исследовании мы будем придерживаться точки зрения В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной и Е.К. Николаевой, которые определяют пословицу «как логически законченное образное или безобразное изречение афористического характера, имеющее назидательный смысл и характеризующееся особой ритмической и фонетической организацией». Поговорки эти исследователи считают фразеологизмами в узком смысле слова (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 5).

В научной литературе по паремиологии отмечаются следующие важные характеристики пословиц.

И.М. Снегирев считает, что русские пословицы обозначают модели ситуаций конкретными образами, отражают общие законы человеческого бытия, жизненный опыт народа, исторические события и лица, старинные решения и приговоры, судебные обычаи, «изречения из Священного Писания и Божественной службы», высказывания международных писателей, пословицы чужих стран, острые ответы и шутки, народную психологию и культуру этноса. Пословицы характеризуются оценочностью, дидактичностью, воспроизводимостью, выразительностью, краткостью. Исследователь отмечает, что пословицы не относятся ни к лицу, ни к обстоятельству, а только к месту и времени. С точки зрения лексического и

грамматического состава, в пословицах часто «встречаются из разных эпох древние и вышедшие из употребления слова, областные и смешанные формы славянских форм с русскими, церковных с народными, старых с новыми». Также существует ряд грамматических особенностей, которые проявляются в использовании отличных от современных форм прилагательных, управляемых существительных, инфинитива, кроме того, по И.М. Снегиреву, в русских пословицах активно используются бессоюзные предложения различной грамматической семантики (Снегирев 1831). Связь пословицы с ситуацией отмечает и Л.Б. Савенкова, которая обращает внимание на синтаксические структуры паремий, она рассматривает пословицы как знаки ситуаций, которые обладают предикативностью и номинативностью. Пословица выступает как изолированное предложение, и компонент предложения. С точки зрения семиотики, паремии характеризуются как «двуединая сущность, устойчивое материально-идеальное единство означаемого и означающего», которое отражает отдельный фрагмент внеязыковой реальности. В связи с этим пословицы выступают как вторичные языковые знаки с элементами иконизма, означающие модель ситуаций и отношения между реалиями (Савенкова 2002: 96).

Г.Л. Пермяков считает, что пословицы выражают постоянное правило, обычай, служат своего рода рекомендацией для всех и каждого (Пермяков 1968: 16).

В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» русского языка отмечается, что пословицы обычно характеризуются особым ритмико-интонационным и фонетическим оформлением (параллелизм построения, стихотворный размер, звуковые повторы, рифма и т. п.)» (Розенталь, Теленкова 1985: 304). Особое внимание на рифму в пословицах обращают и Н.Ф. Алефиренко и О.Е. Семененко. Исследователи считают, что рифма является важнейшим условием запоминаемости и воспроизводимости пословиц, также важен и ритм, оформляющий высказывание, возводящий ее на уровень поэтического произведения. Идеальным вариантом пословиц

является наличие рифмы и ритма, которые задают пословицам особый лад. Например: *Люди рады лету, а пчелы (пчела) – цвету* (Алефиренко, Семененко 2009: 250).

В сборнике «Русские народные загадки, пословицы, поговорки» указывается на краткость (лаконичность) пословиц (Русские народные загадки, пословицы, поговорки 1990). Н.Ф. Алефиренко и О.Е. Семененко, рассматривая форму и содержание пословиц, также отмечают, что одним из основных свойств пословиц является лаконичность формы при емкости содержания (Алефиренко, Семененко 2009: 250).

Н.М. Шанский акцентирует внимание на устойчивости пословиц, которые «воспроизводятся коммуникантами из памяти как целые готовые единицы» (Шанский 1996: 23).

Е.И. Селиверстова отмечает, что пословицы являются сложным логическим, семиотическим целым, обладающим лексико-семантическими и структурными закономерностями (Селиверстова 2009: 5).

Обобщая приведенные точки зрения, можно выделить следующие характеристики пословицы:

1. Пословица – модель ситуации;

2. Пословица – результат мышления по аналогии;

3. Пословица дидактична;

4. Пословица – это семиотическое целое, обладающее лексико-семантическими и структурными закономерностями;

5. Пословица представляет собой законченное суждение;

6. Пословица может употребляться изолированно, самостоятельно;

7. Пословица устойчива, воспроизводима в речи;

8. Пословица отличается особым ритмико-интонационным и фонетическим оформлением;

9. Пословица лаконична по форме.

Перейдем к рассмотрению языкового статуса пословиц в китайской лингвистике.

1.1.3. Содержание термина «пословица» в китайской лингвистике

В китайском языке *яньюй* (пословицы) произошли из устной речи народа, имеют многовековую историю. В Китае пословицы появились еще в рабовладельческом обществе. В период Доциньской эпохи (***до 221 г. до н.э.***) в книге *«Шаншу»* Чжоу Гун впервые дает определение пословиц, он отмечает, что «*пословица* – народное высказывание» (Чжоу Гун **500 до н.э.**). В период Чуньцю (**770-476/403 гг. до н.э.**) и Сражающихся царств (**476/403-221 гг. до н.э**.), чтобы экспрессивно, эмоционально выражать собственное мнение перед императорами, чиновники использовали многие народные пословицы, песни, басни и рассказы в своей речи. В то время в книге «*Цзочжуань*» Цзо Цюмин говорит, что «*пословицы* – слова о народном обычае» (Цзо Цюмин **403-386 до н.э.**), потом в **121 году** в первом словаре китайских иероглифов «*Шовэнь Цзецзы*» Сюй Шэнь отмечает, что «*пословица* – слух» (Сюй Шэнь 121). Во время царствования династий Сун (**420-479 гг.**), Юань (**1280-1367 гг.**), Мин (**1368-1644 гг.**), Цин (**1644-1911 гг.**) даже появились сборники китайских пословиц, например, «*Тунсубянь*», «*Хэняньлу*», «*Гуяоянь*», кроме того, пословицы часто были украшением в художественных текстах, таких как «*Хунлунмэн*», «*Шуйхучжуан*», «*Жулиньвайши*» и т.д.

В настоящее время пословицы (яньюй) изучают многие китайские лингвисты, такие, как Хо Сюйдун, Бан Шугуй, Ван Сии, Вэнь Дуаньчжэн, Дуань Пин, Ду Цзюньсяо и др.

Бан Шугуй отмечает, что *пословицы* – это «общеупотребительные, лаконичные и глубокие по смыслу единицы, они являются сгустком мудрости народа. Пословицы широко используются не только в устной речи, но и в книжной. По структуре пословицы обычно являются сложными предложениями»[1] (Ван Шугуй 1980). Дуань Пин добавляет, что пословицы имеют особое ритмико-интонационное и фонетическое оформление. Китайские пословицы он рассматривает как жанр китайской народной

[1] Здесь и далее перевод автора – Цао Цзяци.

литературы, они тесно связаны с жизнью народа (Дуань Пин 1980: 90). Ду Цзюньсяо и Ван Сии считают, что пословицы употребляются только в устной речи (Ду Цзюньсяо, Ван Сии 1981: 13). Люй Шусян указывает на важную особенность пословиц – массовость (Люй Шусян 1989: 3).

В «*Большом словаре пословиц*» Вэнь Дуаньчжен говорит, что пословицы в китайском языке представляют собой семантические и синтаксические единства, обладают неоднозначностью, иносказательностью, двусмысленностью. «Пословицы часто делятся на две части, иногда их части представляют собой параллельные конструкции. Типичным для них является отсутствие личных местоимений (обобщенный характер), отсутствие лексических повторов. Китайские народные пословицы всегда экспрессивны, в их структуре всегда можно выделить различные формы иносказательной образности (сравнение, метафора, олицетворение). Они употребляются главным образом в устном общении, а также в литературно-художественном стиле, передавая особенности речи персонажа» (Вэнь Дуаньчжен 2004: 1). Кроме того, Вэнь Дуаньчжен отмечает, что: 1) множество пословиц имеет глубокий философский смысл, представляют собой выражение мудрости китайской нации; 2) некоторые пословицы выражают традиционные идеи китайской нации, касаются разных сторон жизни; 3) другие пословицы представляют собой итог практики и опыта народа, опыта представителей разных профессий, выполняют функции передачи опыта и обучения (Вэнь Дуаньчжен 2004: 1).

Кроме того, Вэнь Дуаньчжен считает, что китайские пословицы делятся на два типа по своей структуре: параллельная и непараллельная конструкции (Вэнь Дуаньчжен 2004: 1) например, параллельная конструкция: *狗咬吕洞宾，不识好人心*(*gou yao lv dong bin,bu shi hao ren xin: Собака кусает Люй Дунбиня*[1] *– не узнает человека с добрым сердцем,*

[1]Люй Дунбинь – один из восьми бессмертных даоского пантеона.

непараллельная конструкция: *狗眼看人低 (gou yan kan ren di: В глазах собаки все люди низки* (Вэнь Дуаньчжен 2004: 2).

Пословицы китайского языка образуют разветвленную систему. Вэнь Дуаньчжен предлагает следующую классификацию пословиц по содержанию (Вэнь Дуаньчжэн 2011:10):

Схема №.1. Система китайских пословиц

Обобщая приведенные точки зрения, можно выделить следующие характеристики китайской пословицы: 1) пословица – лаконична по форме; 2) пословица может быть параллельной и непараллельной конструкцией; 3) пословица имеет особое ритмико-интонационное и фонетическое оформление; 4) пословица – обобщенная, общепонятная, экспрессивная, иносказательная, двуплановая единица; 5) пословица отражает разум, чувства, практическую деятельность и опыт народа; 6) пословица выполняет дидактическую функцию; 7) пословица часто употребляется в устном общении, а также в литературно-художественном стиле; 8) пословицы делятся на общественные и природные.

Для наглядности сходные и различительные признаки русских и китайских пословиц можно представить в следующей таблице.

Таблица №.1. Сходные и различительные признаки русских и китайских пословиц

Признаки пословиц	**Русские пословицы**	**Китайские пословицы**
особое ритмико-интонационное оформление	+	+
параллельная и непараллельная фонетическая конструкция	+	+
Обобщенность	+	+
Номинативность	+	–
Устойчивость	+	+
Законченность	+	+
Лаконичность и компактность	+	+
Наличие параллельной и непараллельной синтаксической конструкции	+	+
Структура бессоюзного предложения	+	–
..односоставное предложение	+	+
..двусоставное предложение	+	+
Устный и литературно-художественный стили, но чаще в устном общении	+	+
Наличие сравнения, метафоры, олицетворения	+	+
«Встречаются из разных эпох древние и вышедшие из употребления слова, областные и смешанные формы славянских форм с русскими, церковных с народными, старых с новыми» (Снегирев 1831-1834)	+	–
Использование отличных от современных форм прилагательных, управляемых существительных, инфинитива	+	–
законченность мысли	+	+
Общеупотребительность	+	+
широкая массовость	+	+
Вневременность	+	+
Обобщенность	+	+
Емкость	+	+
Выразительность	+	+
Оценочность	+	+
Воспроизводимость	+	+
Информированность	+	+
Суждение	+	+
Дидактичность	+	+
Назидательность	+	+
Семантическая целостность	+	+
Законы человеческого бытия	+	+
Итог практики и опыта народа	+	+
Исторические события и лица	+	+

Старинные решения и приговоры	+	+
Выражают народную психологию и культуру этноса	+	+
Разнообразные мысли	+	+
Глубокомысленность	+	+
Одновременно прямой и переносный план, либо только переносный	+	+
Из религиозных текстов	+	+
Происхождение из басни или сказки, из мирового фонда языковой символики	+	+
Древние и новые	+	+
Частные/местные и общие	+	+
Отечественные и заимствованные	+	+
Фамильные и общественные	+	+
Городские и деревенские	+	+
Философские	+	+
Сатирические и хвалебные	+	+
Производственные: агрономические, лесохозяйственные, животноводческие, рыбохозяйственные, пословицы других отраслей производства	–	+
Метеорологические	–	+
Бытовые	–	+

Итак, в целом, русские и китайские пословицы имеют больше общего. Б**о**льшая разница между пословицами обеих стран проявляется в их содержании. В отличие от природных китайских пословиц, общественные пословицы отличаются явной назидательностью, например, общественные пословицы: *莫学蜘蛛各牵网，要学蜜蜂共采花(mo xue zhi zhu ge qian wang，yao xue mi feng gong cai hua) Не учись у паука, который ткет паутину сам; Учись у пчел, которые собирают мед вместе*, ср. природную пословицу: *蜜蜂不出工，有雨在夜中（mi feng bu chu gong，you yu zai ye zhong）Если пчелы не вылетят из гнезда, то ночью будет дождь*.

Можно сделать вывод о том, что по фонетическому, синтаксическому, стилистическому оформлению, а также по семантике китайские общественные пословицы подобны русским пословицам, а китайские природные пословицы соответствуют приметам русского народа.

Русские народные приметы – это устойчивые народные изречения, которые имеют структуру предложения. Приметы содержат предсказание

определенных будущих событий и явлений на основании имеющихся данных (Иванова 2005: 6).

В данной работе мы рассматриваем только общие единицы в русской и китайской языковых картинах мира – русские пословицы и китайские общественные пословицы.

1.2. Изучение паремий в научной литературе

На чрезвычайную емкость, внутреннюю сложность и неоднозначность паремий обращают внимание исследователи, работающие в области традиционной лингвистики, фольклора, когнитивной лингвистики. Пословицами активно занимаются паремиологи, фольклористы, а также лингвисты, рассматривающие пословицы как тексты (Касарес 1958: 215). Пословицы отражают знание о мире и человеке, в них сохраняются фольклорные идеи о происхождении мира (Dundes 1972: 96, 103), эти паремии заключают в себе художественный и поэтический образы (Григас 1978: 141).

С точки зрения Н.Ф. Алефиренко, по содержанию и функциям пословицы похожи на лирическую поэзию, это краткие афористические формулы для выражения отношения народа к разным явлениям в повседневной жизни (Алефиренко 2000: 22).

Г.Л. Пермяков относит *паремии* к фольклору. В книге «От поговорки до сказки» исследователь рассматривает фольклорные тексты с точки зрения их внешней (композиционной) структуры, основного смысла (или логической структуры), предметно-образного содержания (или в плане реалий) (Пермяков 1988: 59). Ученый выделяет три признака внешней и три признака внутренней структуры паремий. По внешней структуре паремии делятся на фразовые и сверхфразовые. *Фразовые паремии* – это совокупность пословиц, поговорок, народных афоризмов и т.д., которые относятся к различным типам предложений. В состав фразовых паремий входят замкнутые единицы (пословицы, народные афоризмы и др., которые

клишированы от начала до конца) и незамкнутые единицы (присловья, поговорки и т.д., которые состоят из постоянных и переменных членов). *Сверхфразовые паремии* состоят из изречений в виде монологической сценки и изречений в форме диалога (Пермяков 1988: 95). По внутренней структуре паремии подразделяются на синтетические и аналитические. *Синтетические паремии* обладают многозначностью, к ним относятся пословицы, афоризмы, поговорки и т.д. *Аналитические паремии* лишены многозначности, они подразделяются на приметы, поверья, советы, пожелания и т.д. (там же: 98).

А. Тейлор пишет о том, что «пословица подводит итог ситуации» (Taylor 1975: 68). Г.Л. Пермяков справедливо отмечает, что паремии не только могут употребляться в различных ситуациях, но и обозначать определенные ситуации. Как и все фольклорные тексты, паремии имеют три выраженных, автономных структурных плана – лингвистическую (композиционную) структуру, логическую (семиотическую) структуру и реалии (Пермяков 1988: 83).

Остановимся подробнее на структуре паремий.

1.2.1. Структура и вариантность пословиц

В настоящее время паремиологи активно исследуют *вариантность пословиц*, появилось большое количество работ, которые посвящены вариантности паремий (В.П. Жуков 2007; М.П. Афанасьева 2015; Е.И. Селиверстова 2017 и многие др.).

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» *вариантность* (лат. varians – изменяющийся) понимается как «представление о разных способах выражения какой-либо языковой сущности, как об ее модификации, разновидности или как об отклонении от некоторой нормы; термин, характеризующий способ существования, функционирования и эволюции (исторического развития) единиц языка и языковой системы в целом» (Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 80-81).

Н.С. Валгина указывает, что языковая вариантность представляется показателем языковой избыточности, относится к движению и развитию

языка. «Убывание вариантов, как и появление новых, является непрекращающимся процессом – это следствие эволюционного развития языка» (Валгина 2001: 39).

В «Словаре русских пословиц и поговорок» В.П. Жуков впервые описал пословичные варианты (1966). Ученый отмечает, что пословицы обладают лексическими, формально-словообразовательными, лексико-грамматическими и структурными вариантами (Жуков 2007: 15). Лексические варианты соответствуют видоизменениям слов, которые проявляются в определенной синтаксической конструкции, не вносят смысловых оттенков в содержание пословичных текстов (Жуков 2007: 15). Например, в нашем материале: *За мухой не с обухом, за комаром не с кнутом*; *За мухой не с обухом, за комаром не с топором*. Формально-словообразовательные / формально-грамматические варианты также относятся к изменениям, которые не влияют на смысловое содержание пословиц (Жуков 2007: 15), например, в нашем материале: *Комар комара рождает, человек – человека*; *Комар комара родит, человек – человека*. Лексико-грамматические варианты пословиц относятся к одновременному видоизменению синтаксической конструкции и лексического состава, не вносящему оттенков в содержание пословиц (Жуков 2007: 15), например, в нашем материале: *Скоро блох ловят; Спешить хорошо лишь блох ловить.*

Структурные варианты образуются в результате видоизменения синтаксической конструкции, при этом сохраняются прежнее смысловое содержание и лексический состав пословиц (Жуков 2007: 15), например, в нашем материале: *За мухой (мухою) не с обухом; За мухой не угоняешься с обухом.*

Е.И. Селиверстова выделяет два основных направления исследования вариантности паремий в современной лингвистике: первое направление – это выявление факторов, которые влияют на сближение взаимозаменяемых компонентов пословиц, относящихся к окказиональной синонимии при лексическом варьировании (Кабанова 2008: 570). Второе направление

рассматривает бинарность в паремиях, предполагает характер связи между пословичными биномами (отдельными компонентами пословиц) (Селиверстова 2008: 266).

Пословицы часто имеют варианты, конкурирующие компоненты которых относятся к тождественности или близости лексико-семантического значения, т.е. состоят в отношениях полной или частичной синонимии (Селиверстова 2017: 61). По мнению Е.И. Селиверстовой, «как и языковые синонимы, чаще всего демонстрирующие – при совпадении концептуального значения – различия в сфере употребления, коннотациях, сочетаемости, семантической структуре слова как целого, эмоционально-экспрессивной окраске, оттенках концептуального значения, взаимозаменяемые компоненты пословичной единицы также нечасто обнаруживают отношения полной синонимии» (Селиверстова 2017: 62). В качестве таковых в нашем материале выступают следующие: *Подле пчелки – в медок, а подле жука – в дерьмо*; *Подле пчелки – в медок, (а) подле жука (жучка) – в навоз*.

С точки зрения Е.И. Селиверстовой, «традиционное понимание синонимов и вариантов предполагает не только семантическую близость, но и их морфологическую идентичность – принадлежность к одной части речи, в паремиях наблюдаются нарушения принципа частеречной однородности: субституты при лексических заменах могут относиться к разным частям речи, но это не вносит в пословичную единицу изменений семантического порядка» (Селиверстова 2009: 85).

Е.И. Селиверстова вводит новый термин «*смысловой конденсат*». Под смысловым конденсатом понимается кратко выраженная идея, заключенная в пословицах, передающая смысл в сжатом виде (Селиверстова 2008: 348-351). Например, в нашем материале: *Была бы изба, будут и тараканы*; *Избу сруби, а тараканы свою артель приведут*, смысловой конденсат – «тараканы – непременный атрибут жилища». Исследователь выделяет факторы, которые влияют на варьирование компонентов пословичной единицы: «наличие устойчивых бинарных сочетаний компонентов, принимающих на себя

основной семантический вес и поддерживающих активные структурно-семантические модели; наличие распространенных пословичных мотивов, наличие санкционированных и часто перевыражаемых пословичных идей и пословичного конденсата, аккумулирующего семантику многокомпонентного выражения в структуре из двух-трех компонентов» (Селиверстова 2008: 348-351).

В данной работе мы будем придерживаться основных положений теории вариантности паремий, предложенных Е.И. Селиверстовой.

Как и в русском языке, вариантность широко представлена в китайских пословицах, но в китайской лингвистике эта проблема не получила достаточного освещения. М.П. Афанасьева справедливо, на наш взгляд, отмечает, что «устойчивость переносно-образного значения пословицы преобладает над устойчивостью структуры, что в определенной степени делает возможным существование в китайском языке вариантов пословицы» (Афанасьева 2015).

Варианты являются узуально измененными формами пословиц. Лексические варианты компонентов пословицы могут выступать в форме глаголов-синонимов и существительных-синонимов, например, в нашем материале *臭肉引苍蝇 (Chou rou yin cang ying) Протухшее мясо приводит мух к себе*; *臭肉招苍蝇 (Chou rou zhao cang ying) Протухшее мясо призывает мух к себе*; *Где отвратительный запах, там собираются мухи; где козлиный запах, там собираются медведки и муравьи*.

Как отмечает в своей работе М.П. Афанасьева, в китайском языке широко представлены и варианты, и синонимы пословиц, «синонимы и варианты пословиц выполняют разнообразные смыслоразличительные и мотивные функции, т.е. с их помощью представляется возможным избежать повторов и тем самым уточнить признаки предмета, явления или действия, придать высказыванию экспрессивную окраску и, безусловно, украсить речь» (Афанасьева 2015).

Остановимся подробнее на рассмотрении вопроса об оппозициях в составе паремий и понятии «пословичный бином».

1.2.2. Оппозиции в составе пословиц. Пословичные биномы

Е.В. Иванова отмечает, что паремии обладают строгой упорядоченной системой концептов и их ассоциаций, делятся на «отрезки» смысла, которые «имеют значение не только для описания одной пословицы или группы пословиц, но и для реконструкции фрагментов и всей пословичной картины в целом» (Иванова 2002: 56). Е.В. Иванова выделяет меньшие, чем паремия, структуры, которые Е.И. Селиверстова называет устойчивыми парами компонентов паремии (Селиверстова 2017: 204).

Е.И. Селиверстова отмечает, что «паремия близка к структурирующим человеческую память пропозициям, представляющим собой особые пучки ассоциаций, связывающих элементарные представления или концепты. Однако пословичная единица (ПЕ) как пропозиция, допускает выделение в своей структуре двух и более концептов и связывающего их звена» (Селиверстова 2017: 204), например, в нашем материале: *Пастух рад лету, пчела – цвету, а сирота – привету*.

Бинарная оппозиция активно используется в ПЕ, является универсальным способом отражения окружающего мира, несет в себе специфику восприятия получаемой человеком информации (Селиверстова 2017: 205).

А. Дандис отмечает, что использование семантического сходства и различия, сравнения и/или противопоставления – характерное свойство паремий. В ПЕ присутствуют различные формы пословичных противопоставлений (Дандис 1978: 24-25). Например, в нашем материале: русская пословица – *С одного цветка пчела мед, а паук – отраву берут*; китайская пословица – *Ароматные цветы привлекают пчел, отвратительный запах призывает мух*. Очевидно, что сравнительные пары семантически спаянных компонентов это: в русской пословице *пчела – паук*,

мед – отрава; а в китайской пословице *ароматные цветы – отвратительный запах*, *пчела – муха*.

С точки зрения Е.И. Селиверстовой, «наблюдаемые в паремиологическом пространстве частотные лексические пары составляют важный элемент пословичной структуры, – пословичного образа, пословичного сообщения, архитектурной формулы пословицы. Они могут встретиться и в других фольклорных жанрах и сравнительно регулярно используются в составе разных пословичных выражений». Е.И. Селиверстова называет такие сочетания, составляющие семантическое ядро ПЕ, *паремийными биномами* (Селиверстова 2017: 206). Исследователь приводит развернутое определение термина «*бином*», она понимает бином как «устойчивый фрагмент пословичного текста, повторяющийся в различных пословицах, состоящий из двух контактно или дистантно расположенных элементов, обнаруживающих между собой устойчивые семантические (ассоциативные или иные) связи (иногда усиленные рифмо-ритмическим оформлением) и участвующие в создании образно-семантической (в случае безóбразных паремий — семантической) структуры ПЕ. В зависимости от пословицы бином допускает неоднозначную трактовку, но переосмысление при этом касается обязательно обоих компонентов» (Селиверстова 2017: 203).

В паремиях вербализуются оппозиции мыслей людей в результате обнаружения противоречия окружающего мира. Контраст относится к регулярным семантическим отношениям, реализующимся в пословицах (Селиверстова 2017: 209). С.Е. Никитина отмечает, что оппозиты – «один из типов статических отношений, типичных в целом для фольклорных текстов» (Никитина 1991: 119). Согласимся с Е.И. Селиверстовой, что типичные маркеры паремий – это острый контраст, ирония, парадокс, сравнение, рифма (Селиверстова 2017: 209).

Антонимы являются характерным знаком эстетического в пословице. В ПЕ антонимия выражает антонимические отношения между словами

абстрактной и конкретной семантики, словами, относящимися к разным частям речи, словами, близкими или далекими по словообразовательной структуре, словами, объединенными понятием времени, качества, цвета, движения и т. д. (Бондаренко 1977: 9-12). По мнению Л.А. Морозовой, благодаря антонимичности компонентов ПЕ обладает художественной формой, ПЕ ««облагораживает» предметы труда, ремесла, быта – всего того, с чем сталкивается человек в повседневной жизни» (Морозова 1972: 8).

Наиболее очевидные биномы составляют пары компонентов, которые являются словарными антонимами (Селиверстова 2017: 210). Например, в нашем материале: *купить – продать*, *живой – мертвый*, *свет – тьма, дешевый – дорогой* и т.д. Однако нельзя не согласиться, что паремийные биномы с противопоставленными отношениями не всегда совпадают с языковыми антонимами (Селиверстова 2017: 211). Например, бином *шмель – муха* в нашем материале: *Закон как (что) паутина: шмель проскочит (пробьется), а муха увязнет*; *Закон что тенета: шмель пролетит, а муха останется*; *Суд что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет*. «Весьма часто, полагаясь на языковую интуицию, можно с большой долей вероятности назвать те понятия, которые найдут свой оппозит в составе ПЕ: это качественные слова – «ядро» антонимии русского языка (*Живая собака лучше мертвого льва* <…>); это понятия, связанные с оценочной деятельностью говорящих, с социальной ориентацией на шкалу «добро – зло» (*Горька работа, да сладок хлеб* <…>); это пространственные, количественные и временные понятия (*Подальше положишь – поближе возьмешь* <…>); понятия, включающие гендерные признаки (*Баба с кромою, да дед с сумою*) и др.» (Селиверстова 2017: 211-212).

Е.И. Селиверстова подчеркивает следующие особенности паремийных биномов. В паремиях противопоставленные отношения выражаются с помощью биномов различной морфологической принадлежности – «в виде двух прилагательных, существительных, глаголов, наречий (*веселье – горе, веселиться – горевать, весело – горько, веселый – горький; говорить –*

делать и слово – дело)» (Селиверстова 2017: 226). В ПЕ разные части бинома могут создавать семантический контраст, реализующийся не обязательно одним биномом (Селиверстова 2017: 226). Например, в нашем материале: *мед – пчела*, *мед – муха*. Части конкурирующих биномов часто образуют новый самостоятельный бином, который относится к иным синонимическим отношениям (*богатый – бедный, богатый – убогий; бедный – убогий*) (Селиверстова 2017: 226). «Грамматическое оформление биномов ограничивает варьирование в их пределах (*велик – мал, великий – малый/маленький*)» (Селиверстова 2017: 227). ««Перекрещивающиеся», семантически близкие антонимические пары могут быть отмечены разным индексом активности (*вчера – сегодня, вчера – завтра*)» (Селиверстова 2017: 227).

Таким образом, при создании образности ПЕ биномы играют важную роль. Во второй главе диссертационного исследования нами будут рассматриваться разные пословичные биномы в составе паремий с компонентом-названием насекомого.

1.2.3. Основные направления изучения паремий

В.М. Мокиенко в **2010 г.** отметил, что «паремиологический бум в лингвистике, который фразеологи предсказывали 30 лет назад, превзошел все ожидания. Динамизация современного общества вызвала активизацию национального сознания, а с ним и интерес к такому малому жанру фольклора, как пословицы и поговорки» (Мокиенко 2010: 6). В **конце XX в.** паремии рассматривались как предмет лингвистического анализа, а не фольклорного (Койранская 2011: 257). Вклад в изучение паремий внесли такие зарубежные и русские лингвисты, как Эразм Роттердамский, Ян Амос Коменский, Вук Караджич, Ф.Л. Челаковский, В.И. Даль, М. Номис, И.И. Носович, Т.Г. Бочина, Н. Барли, Х. Вальтер, В.М. Мокиенко, Г.Л. Пермяков, Л.Б. Савенкова, Е.И. Селиверстова, Н.Н. Семененко, Г.М. Шипицина и др. (Мокиенко 2010).

Существуют два общепринятых основных направления исследования пословиц: первое направление развивается в странах континентальной Европы и России, исследует структурные и семиотические аспекты, логические отношения и семантику. Второе направление характерно для Великобритании и США, направлено на изучение роли пословиц в коммуникации и социальной жизни народов. Паремиологи обоих направлений стремятся дать определение пословиц, разграничить пословицы и близкие к ним единицы (Иванова 2002: 50-51).

В русской лингвистике *паремии* активно исследовались **с конца XIX в. до начала XX в.**, во-первых, в сопоставительном аспекте (Койранская 2011: 257). Многие паремии в разных языках сходны по значению и форме (см., например, работы Я. Лаутенбаха, И.П. Гольшух, И. Тимошенко, А.В. Кунина, Г.Л. Пермякова). Е.А. Койранская указывает, что среди русских паремиографических источников XIX в. выделяется «сборник И.П. Гольшух «Пословицы, поговорки и изречения, или народная мудрость на трех языках: русском, французском и немецком» (Гольшух 1888), в котором приведено сравнение паремий в русском, французском и немецком языках. И. Тимошенко, опираясь на сочинения философов древности, сравнивает русские паремии с поговорками и пословицами западноевропейских народов (Тимошенко 1897). Этот же принцип лег позднее в основу «Большого англо-русского фразеологического словаря» А.В. Кунина, в который составителем были включены английские пословицы (Кунин 1984). Г.Л. Пермяков долгие годы занимался проблемой национального и интернационального в паремиях и изложил свои взгляды во многих статьях и монографии (Пермяков 1988)» (Койранская 2011: 257).

Во-вторых, паремиологов всегда интересовал вопрос о разграничении паремий. (См. об этом выше, в разделе 1.1.2.).

Кроме разницы между пословицами и поговорками, паремиологи (Н.Ф. Алефиренко и О.Е. Семененко) интересуются различными аспектами формы, семантики и функционирования пословиц и поговорок.

Исследователи рассматривают диалектные особенности паремий, частотность употребления афоризмов, региональные варианты паремий, тематическую группировку пословиц и поговорок (Алефиренко, Семененко 2009: 317).

Исследование трансформаций пословиц и поговорок – одно из важных направлений в паремиологии. Как справедливо указывает Е.И. Селиверстова, пословицы часто употребляются в трансформированном виде, поэтому изучение трансформаций пословиц является актуальной задачей современной паремиологии (Селиверстова 2009). В последнее время многие исследователи изучали трансформированные структуры, которые проявились «как реакция на важные и необратимые перемены, произошедшие в экономической, политической, духовной жизни нации» (Селиверстова 2017; Бетехтина 1999). В. Мидер отмечает, что в публицистике и разговорной речи часто употребляются трансформированные пословицы, которые представляют собой яркий стилистический прием, придают речи особую окраску, делают ее более живой и выразительной, являются приемом языковой игры (Мидер 1998). По наблюдениям Е.А. Койранской, «комплексное и системное исследование трансформаций паремий представляется крайне актуальным. Всем этим и обусловлена необходимость лингвистической оценки пословичных преобразований, определения и выявления их структурных и семантических типов, изучения социокультурного фона, что в дальнейшем позволит прогнозировать развитие трансформационных процессов в сфере паремиологии» (Койранская 2011: 258).

Создание паремиологического минимума – особая проблема современной паремиографии. Данная проблема получила детальное исследование и развитие в работе группы современных лингвистов под руководством В.М. Мокиенко (Алефиренко, Семененко 2009: 321).

В своей книге «Мир в английских и русских пословицах» Е.В. Иванова выделяет четыре актуальных направления сопоставительного исследования паремий (Иванова 2002: 5):

1. Традиционное направление позволяет определить генетические и типологические черты сходства пословиц, описать пословичные эквиваленты, аналоги и безэквивалентные пословицы.

2. Социолингвистическое направление устанавливает отражаемые в пословицах черты сходства и различия в социальных условиях жизни человека.

3. В рамках лингвокультурологического направления описываются сходные и различные характеристики культуры, представленные в пословицах культурные концепты и символы, культурные универсалии.

4. Когнитивное направление выявляет закономерности постижения мира, отраженные в пословицах, для установления различий в видении мира, свойственных народам (Иванова 2002: 5).

Перейдем к рассмотрению лингвокультурологического направления изучения паремий.

1.2.4. Лингвокультурологический аспект изучения паремий

Пословицы – это лингвокультурологические единицы, во внутренней форме (или образном основании) которых запечатлено мировоззрение того или иного лингвокультурного сообщества. Миропонимание, отраженное в образном основании пословиц, отображает коллективные представления, которые формируются в процессе культурного освоения мира тем или иным этносом. «Именно система образов, закрепленных в пословицах, служит «нишей» для кумуляции культурно-национального опыта описываемых лингвокультурных обществ» (Дубровская 2000: 36).

Пословицы отражают реалии окружающего мира и основные концепты национальной и общечеловеческой культуры (Мокиенко 2010:13). В настоящее время паремиологи в рамках лингвокультурологического направления активно исследуют концепты, вербализованные в пословицах и

поговорках. По определению Н.Ф. Алефиренко и О.Е. Семененко, паремиологическая картина представляет собой фрагмент языковой картины мира, она связана с частью национальной концептосферы, которая обладает базовыми культурными ценностями (Алефиренко, Семененко 2009: 312). В.В. Жданова подчеркивает, что концепты имеют коннотативный, ассоциативный, культурный, мифологический смысл, они часто вербализуются в паремиях, употребляемых в речи (Жданова 2000).

Лингвокультурологический аспект описания пословиц реализуется в монолингвальном плане и в плане межъязыкового сопоставления. В настоящее время активно развивается интересующее нас сопоставительное лингвокультурологическое изучение паремий.

Так, О.А. Дмитриева в своей кандидатской диссертации «Культурно-языковые характеристики пословиц и афоризмов» рассматривает культурно-языковую специфику русских и французских пословиц и афоризмов. Автор отмечает, что пословицы – важное средство выражения культурных доминант в языке, пословицы «могут быть описаны посредством сопоставительного освещения культурных концептов – многомерных смысловых образований, включающих ценностный компонент» (Дмитриева 1997: 11). Предмет сопоставления культурно-языковых характеристик универсальных высказываний представляется общечеловеческими, этническими, групповыми и, применительно к авторским высказываниям, индивидуальными ценностями (там же). Культурный концепт – единица для сопоставления культурно-языковых различий, которые зафиксированы в содержании пословиц. Культурные концепты являются многомерными смысловыми образованиями, которые имеют «образное (фреймовое), понятийно-дефиниционное и ценностное измерения» (там же). «Ценностные предпочтения, выраженные в содержании пословиц, создают специфическую картину мира в русской культуре» (там же). Культурные доминанты, как справедливо отмечает автор, «устанавливаются по признаку количества ценностно-маркированных суждений; отсутствие или незначительное число

пословиц и афоризмов на определенную тему свидетельствует о неактуальности этой темы для ценностной картины мира данного народа» (там же).

Однако В.М. Мокиенко предостерегает от излишнего увлечения «национальной спецификой» при сопоставлении паремий разных языков. Ученый отмечает, что «просматривая многочисленные труды по лингвокультурологии, легко узреть те же самые концептные доминанты, которые интересовали паремиологов искони и были детально уложены в прокрустово ложе собраний пословиц и поговорок» (Мокиенко 2010: 14).

Лингвокультурологическое изучение паремий русского языка на фоне других языков на данный момент получило достаточное освещение (Ж.Ш. Апекова 1996, Е.В. Иванова 2003, Е.М. Абышева 2008, У Вэй 2013, Майя Младенович 2018 и др.). В том числе существуют работы, посвященные изучению русских паремий на фоне китайского языка в рамках лингвокультурологического направления (например, труды Ли Шули 2005; Чжэн Тао 2009; Пи Цзянькунь 2014; Юань Лиин 2016 и др.).

В связи с задачами нашей работы остановимся на данных исследованиях.

В статье «К вопросу об изучении русских пословиц, поговорок в китайской аудитории» Ли Шули рассматривает сходства и различия русских и китайских паремий. Автор выделяет русские и китайские пословицы, имеющие одинаковый смысл, но разную образность: *Одним выстрелом убить двух зайцев* (рус.) – *Одной стрелой убить двух орлов* (кит.), *Сидеть меж двух стульев* (рус.) – *Сидеть меж двух лодок* (кит.), *Два медведя в одной берлоге не живут* (рус.) – *Два тигра на одной горе не живут* (кит.). Ли Шули считает, что некоторые русские пословицы и поговорки не имеют соответствий в китайском языке, необходимо переводить такие паремии буквально, чтобы сохранить их языковые особенности, стилистическую окраску. Например: *Стреляного воробья на мякине не проведёшь (姜是老的辣). Золото не золото, если не побывало под молотом (千锤百炼出真金). У*

врача лечись, а у умного учись (看病请医生,学艺找能人). (Ли Шули 2005: 203).

Чжэн Тао рассматривает русскую и китайскую картины мира с точки зрения вербализации различных сфер: окружающего мира, истории, быта, религии, психологии: например, **Природная среда**. На разных территориях природа различна, и ее отражение в языке тоже различно. Китай имеет большую численность населения, древнюю историю, плодородную землю, богатые природные ресурсы, в разных местах есть свои достопримечательности и обычаи, поэтому появилось большое число пословиц, включающих национальные реалии, например, *桂林山水甲天下* (*Гуйлиньские[1] пейзажи − в Поднебесной первые*); *岳阳天下楼* (*Юэянская башня[2] известна в Поднебесной* и др.). Среди русских пословиц многие связаны с топонимом: например, *Москва не один день строилась*; *Москва слезам не верит*; *Кто в Москве не бывал, красоты не видал* и др. В отличие от русских пословиц, в китайских пословицах часто сравниваются известные люди с явлениями природы и национальными реалиями: например, *有眼不识泰山* (*Иметь глаза и не разглядеть горы Тайшань[3]*) (где гора Тайшань символизирует человека); *不到黄河不死心，不见棺材不落泪* (*Не прекращать, пока не дойдём до Хуанхэ[4]; Не проронит слезу, пока не увидит гроба*); *不到长城非好汉* (*Не сумевший достичь Великой стены не может считаться настоящим мужчиной*) и др. А в русском языке такие пословицы отсутствуют. Всем известно, что Россия имеет обширную территорию и богатые природные ресурсы, особенно лесные, поэтому жизнь русского народа тесно связана с лесами и деревьями, что отражено во многих русских пословицах: например, *Был бы лес, а дрова будут*; *Лес сечь – не жалеть*

[1] Гуйлинь – городской округ в Гуанси-Чжуанском автономном районе, КНР.
[2] Юэянская башня – известная башня, которая входит в число трёх великих башен южнее Янцзы, наряду с башней желтого журавля и теремом Тэнван.
[3] Тайшань – одна из пяти священных гор даосизма.
[4] Хуанхэ – река в Китае.

плеч; *Лес рубят – щепки летят* и т.д. По сравнению с Россией, в Китае лесов мало, это отражается в китайских пословицах: *多种树，护好林* (*Много сажать деревьев - хорошо защищать лес*)*; 树木成林，风调雨顺* (*Когда деревья становятся лесом, ветер мягок и дожди благоприятны*) и др. (Чжэн Тао 2009: 160).

В кандидатской диссертации «Оппозиция правда – ложь в паремиологическом пространстве русского языка (лингвокультурологический аспект)» (2014) Пи Цзянькунь проводит лингвокультурологический анализ русских паремий, выражающих оппозицию *правда-ложь*, на фоне их китайских аналогов. Исследователь выявляет совпадающие и лакунарные установки культуры, отраженные в русских и китайских паремиях, вербализующих оппозицию «правда – ложь». Установка культуры – одно из базовых понятий лингвокультурологии. Исследование установок культуры представляется чрезвычайно важным, так как установки культуры – «это своего рода идеалы, в соответствии с которыми личность квалифицируется как «достойная / недостойная» (Маслова 2001: 50). В.Н. Телия определяет установки культуры как «ментальные образцы, играющие роль прескрипций для жизненных практик, являющиеся продуктом взаимодействия двух и более индивидов» (Телия 1999: 18). Например, совпадающая установка культуры: **Правду невозможно победить** (*Правды не переспоришь* (рус.); *Сталь не согнуть, правда не позволит никому возразить* (кит.)), лакунарная установка культуры в русском языке: **Правда – проявление мудрости (***Правда – свет разума*), в китайском языке: **Способ обнаружения правды важнее, чем сама правда** (*Хорошие преподаватели учат студентов правде, а квалифицированные преподаватели обучают студентов способам обнаружения правды*). В результате исследования автором были сделаны следующие выводы: «основные культурные установки русской и китайской лингвокультур совпадают. Некоторые из них являются двойственными в обеих лингвокультурах. Большая часть установок русской лингвокультуры

является лакунарной в отношении китайского языка, ряд установок, вербализованных паремиями китайского языка, отсутствует в русском языке» (Пи Цзянькунь 2014: 119-120).

Юань Лиин в кандидатской диссертации «Русские пословицы о воспитанности/невоспитанности на фоне аналогичных паремий китайского языка (лингвокультурологический аспект)» рассматривает портрет пословичного воспитанного и невоспитанного человека, особое внимание обращается на отдельные стороны поведения человека – вежливость, терпимость, тактичность, скромность. Исследователь выделяет совпадающие и различающиеся установки, представленные в отобранных русских и китайских паремиях. Например, совпадающая установка: **Поклонись, проявляя вежливость и уважение к другим** (*Поклониться – голова не отвалится* (рус.); *Спрашивая дорогу, не поклонишься – проедешь двадцать лишних километров* (кит.)), отличающаяся установка в русском языке: **Уважая другого, помни о своем достоинстве** (*Человека уважай, но достоинства не теряй*), в китайском языке: **Улыбнись, чтобы проявить вежливость** (*Улыбающееся лицо привлекает гостей издалека*). В результате проведенного исследования автор пришел к следующим выводам: «почти половина выявленных установок (47%) совпадает, что говорит о значительном сходстве общих взглядов на культуру поведения человека в обществе; несовпадающие установки в равной степени (по 26,5%) распадаются на относящиеся к русской культуре и свойственные китайской культуре» (Юань Лиин 2016: 167).

Наименования насекомых уже являлись объектом изучения лингвистов. В диссертации Ю.А. Кривощаповой «Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении» рассматриваются названия насекомых в общенародном русском языке и русских народных говорах, а также семантические дериваты, образованные на базе энтомологической лексики, фразеологизмы, компонентами которых являются обозначения насекомых. Ю.А. Кривощапова придерживается следующего алгоритма

исследования: сначала она обращается к комплексу номинативных признаков: номинации по собственному признаку предмета (признаки, характеризующие объект по звуку, цвету, запаху, другие внешние особенности, особенности перемещения в пространстве, поведение насекомого); затем – к номинации по относительному признаку предмета (локативному и темпоральному признакам); после этого – к оценочной установке (негативному отношению человека к большинству насекомых). На следующем этапе работы автор выделяет зоологический, антропологический и хронологический концептуальные коды. Особое внимание уделяется следующим этнолингвистическим портретам насекомых: бабочка (мотылек), блоха, божья коровка, вошь, жук, комар, кузнечик (сверчок, медведка), муравей, муха, паук, пчела (оса). Автор отмечает критерии «особого» внимания языка и культуры к отдельным фрагментам объективной действительности: «в качестве первого критерия следует выделить степень вовлеченности/невовлеченности объекта в сценарий взаимодействия с человеком <…> Другим критерием может стать своего рода «антропоморфный» потенциал, присутствующий у некоторых насекомых» (Кривощапова 2007: 220).

Русские пословицы с компонентом-названием насекомого до настоящего времени не являлись объектом лингвокультурологического анализа на фоне китайских соответствий. Если установкам культуры, отраженным в пословицах с компонентом-названием зоонимов в целом, посвящено достаточное количество исследований (Се Цюцзюй 2007, Сюй Хаоин 2012, Плескачева 2014, Бичер Омер 2016 и др.), то установки культуры, отраженные в пословицах с компонентом-названием насекомого, не получили должного освещения ни в русской, ни в китайской лингвистике и лингвокультурологии. Своим исследованием мы надеемся восполнить этот пробел.

1.3. Представление пословиц в словаре лингвокультурологического типа

1.3.1. Пословицы в традиционной русской паремиографии. Анализ словарей

Пословицы всегда являются предметом особого внимания в словарях. В последние годы интерес к пословицам как отрасли лингвистики значительно возрос. Количество словарей пословиц активно увеличивается.

В русском языкознании паремиологическая традиция обладает богатой историей. *Русские пословицы* являются объектом лексикографии с XVIII в. В связи с тем, что исследователи не разграничивали термины «пословица» и «поговорка», в словарях эти единицы фиксировались не дифференцированно. К XIX в. были опубликованы словари В.И. Даля, М.И. Михельсона, П.К. Симони, И.М. Снегирева. В XX в. появились словари пословиц и поговорок В.П. Аникина, А.М. Жигулёва, В.П. Жукова, В.И. Зимина, М.А. Рыбниковой, А.И. Соболева, А.С. Спирина и др. Следует отметить, что самым значительным по объему на настоящий момент является «Большой словарь русских пословиц» (В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева 2010), включающий около 70 тыс. пословиц (Ломакина 2012: 65-66).

Г.Л. Пермяков предлагает пять типов порядка представления пословиц в словарях: «1) алфавитный – размещение по первому слову в алфавитном порядке, 2) лексический/энциклопедический – по опорным (стержневым) словам, 3) монографический – группировка единиц в хронологическом порядке или с учётом территориальной характеристики, 4) генетический – в соответствии с происхождением паремии, 5) тематический – распределение пословиц с учётом общности их семантики» (Пермяков 1988: 11-13). Л.Б. Савенкова подчеркивает, что классификация пословиц зависит от цели составителя – просветительской или научной (Савенкова 2002: 41-42).

О.В. Ломакина выделяет следующие принципы описания паремий в лексикографии русского языка: тематический принцип (Даль 1996; Зимин,

Спирин 2006; Мокиенко, Никитина 2011), алфавитный порядок (Аникин 1957, Жуков 1966, Михельсон 1997, Снегирёв 1995), монографический тип (Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII-XX вв. 1961), стержневой принцип (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010) (Ломакина 2011: 219).

При тематическом принципе паремиологические единицы объединяются по семантической общности, которая «происходит в силу сходства или общности функций обозначаемых словами предметов и процессов в одном и том же или разных языках. Подобные группы слов объединяются по чисто номинативной, а не сигнификативной стороне слова» (Уфимцева 2004: 133). В паремиях, составляющих тематическую группу, содержатся «представления народа о материальной культуре, ценностных ориентирах, они расширяют культурологическую информацию о репрезентируемом объекте» (Ломакина 2011: 219).

Сборник «Пословицы русского народа» (В.И. Даль 1862) – самое полное собрание малых жанров фольклора (около 30 тыс. единиц), в котором включаются не только пословицы, но и поговорки, приметы, присловья, скороговорки, загадки, прибаутки, функционирование которых относится к концу XVIII-XIX в. (Ломакина 2011: 219). Собранные единицы распределяются по 179 разделам, например, названия разделов, состоящих из одного слова («Закон», «Пища», «Праздник»); из двух слов-антонимов (Ум – Глупость), синонимов (Повод – Причина), из трех слов (Судьба – Терпение – Надежда). Как отмечает В.М. Мокиенко, «авторитет собрания В.И. Даля способствовал и тому, что доминирующим принципом организации такого материала в большинстве последующих словарей и сборников русских пословиц стал принцип тематический» (Мокиенко 2010: 6).

Пословицы в сборнике «Народная мудрость» (В.М. Мокиенко 2011) также расположены по тематическому принципу. В предисловии составитель словаря говорит, что «тематические доминанты являются эффективной реакцией на самые актуальные проблемы нашей жизни, её болевые точки и

идеалы» (Мокиенко 2011: 11). В сборнике выделяются 24 бинарных оппозиции, большинство из которых является антонимическими или взаимно дополняющими парами – обозначенями (Мокиенко 2011: 15). Например, «Добро и Зло», «Мужчина и Женщина», «Характер, Поведение, Привычки». Следует отметить, что в тематических группах пословичные статьи расположены в алфавитном порядке.

При алфавитном порядке пословичные статьи классифицируются по первым буквам паремий. Г.Л. Пермяков подчеркивает, что достоинство алфавитной системы – её простота (Пермяков 1988: 12). Однако, с точки зрения О.В. Ломакиной, представляющейся нам справедливой, «расположение в словаре паремий по алфавиту затрудняет поиск единицы. Прежде всего, это связано с наличием у неё вариантов: такой порядок следования паремий излишне формализован и заставляет описывать близкие, а иногда и тождественные варианты пословицы и поговорки в разных местах» (Ломакина 2011: 219). По алфавитному принципу построены словари: «Русские народные пословицы и поговорки» (И. Снегирев 1995), «Словарь русских пословиц и поговорок» (В.П. Жукова 1966), «Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор» (В.П. Аникин 1957).

При монографическом же принципе пословицы группируются по «пространственной или хронологической общности их собирания или по составителю» (Ломакина 2011: 220). По монографическому принципу построен сборник «Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII – XX вв.» (1961).

Следует согласиться с О.В. Ломакиной в том, что наиболее оправданный принцип – классификация пословиц по стержневому компоненту, что позволяет облегчать поиск нужной единицы. Как отмечают В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева, «стержневой принцип расположения материала не только позволяет быстро найти нужную пословицу и все ее смысловое «гнездо», но и демонстрирует во всей полноте

круг ассоциативных смысловых связей образной системы пословиц и их яркую вариантность» (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 2). Е.И. Селиверстова также считает, что «<…> Благодаря принципу объединения паремий вокруг каждого из её компонентов, исследователь получает интересную картину, позволяющую увидеть, как отдельные фрагменты пословицы становятся постоянными выразителями определённого семантического фрагмента, неким кодом, сближающим разные семантические сферы» (Селиверстова 2009: 53).

«Большой словарь русских пословиц» (БСРП) (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010) является первым в русской лексикографии паремиографическим сборником, построенным по стержневому принципу. Словарная статья БСРП состоит из стержневого слова и пословицы во всех зафиксированных формах с указанием лексикографического источника, года издания, номера страницы. Например:

МУХУ

МУХУ ♦ **И муху убить, так руки [надо] мыть** – *Раз. 1957*, *157*; *Ан. 1988*, *112* (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 571).

Кроме того, многие пословицы, включенные в БСРП, сопровождаются культурологическими и лексическими комментариями, которые позволяют понять глубинный смысл народной мудрости, отраженный в данных пословицах: например,

- толкование целой пословицы: пословицу *Рыбу, птицу и девицу берут руками* составители сопровождают следующим комментарием: «Говорится о том, что нужно добыть, завоевать и относиться с осторожностью и вниманием» (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 777),

- толкование непонятного современному читателю компонента: пословицу *Наянлив как (что) муха и стыда во лбу нет* сопровождают следующим комментарием: «Наянливый – наглый, нахальный, бесстыжий, навязчивый» (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 571).

Для паремиографа одной из самых больших трудностей является толкование пословиц и поговорок. В большинстве словарей пословиц и поговорок отсутствует детальное толкование каждой единицы. Исключением является «Словарь русских пословиц и поговорок» (1966) В.П. Жукова – первый опыт специального толкового словаря пословиц и поговорок.

В «Словаре русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова собрано 1200 наиболее употребительных в русской речи пословиц и поговорок. «Словарная статья содержит пословицу (или поговорку), стилистическую помету, толкование смысла и описание ситуации, в которой употребляется пословица. Пониманию смысла помогают цитаты из художественной литературы. При некоторых пословицах даны справки об их происхождении» (Жуков 2000: 4). В предлагаемом нами словаре будут даны определения значений пословиц и приведены ситуации их употребления.

В данной работе принимается точка зрения составителей БСРП, согласно которой при классификации пословиц наиболее оправданный принцип – стержневой. Результаты нашего исследования послужат базой для описания и создания учебного лингвокультурологического словаря русских пословиц, ориентированного на китайских учащихся и построенного по стрежневому принципу.

1.3.2. Лингвокультурография как направление исследований. Классификация словарей лингвокультурологического типа

Термин *лексикография* состоит из двух греческих слов: λεξικόν (словарь) и γράφω (пишу). «Слово *лексикография* употребляется в двух значениях, указывая на отрасль прикладного языкознания (составление словарей, совокупность словарей какого-либо языка), и на отрасль теоретического языкознания (наука о классификации и принципах составления словарей)» (ЛЭС 1990: 179). *Лексикография* является разделом языкознания, который занимается вопросами составления словарей и их изучения. Лексикография изучает семантическую структуру слов, их особенности и толкование (Розенталь, Теленкова, 1985: 118).

Лексикография понимается как часть филологии и общественная наука, которая «достигает той или иной степени совершенства в границах непрерывной национальной лексикографической традиции, которая, обогащаясь…сохраняет свою самобытность, свой национальный колорит, так как словари всегда разрабатываются применительно к какому-либо конкретному языку в конкретных исторических условиях его существования» (Денисов 1978: 32).

Современная лексикография – это «синтез филологии и культуры в широком смысле слова» (Новый большой англо-русский словарь 2001: 7). С точки зрения В.А. Масловой, лингвокультурная лексикография является одним из направлений лингвокультурологии, она активно развивается. Исследователь предполагает «необходимость выделения отдельной области теоретического исследования и практической разработки проблем, связанных с лексикографированием лингвокультуры – лингвокультурографию» (Маслова 2001: 29).

Лингвокультурография – относительно новая область лексикографии. Согласимся с Е.И. Зиновьевой, что лингвокультурография – это «направление лексикографии, в котором сочетаются лингвистические сведения с информацией об обозначаемых языковыми единицами культурных реалиях, а также фиксируются вербализованные представления, образы, ассоциативные связи, существующие в сознании носителей русского языка. Объектом описания в таких словарях являются различные языковые единицы, а также вербальные обозначения жестов, мимики, телодвижений, выражающие национальные культурно значимые реалии и/или репрезентирующие культурные концепты» (Зиновьева 2016: 39).

Н.А. Лукьянова справедливо полагает, что соотношение в словарях разных типов лингвистической и культурной информации может быть различным: «одни могут быть более лингвистичными, другие же более культурологичными» (Лукьянова 1996).

Н.А. Лукьянова также указывает, что «в традиционной оппозиции *лингвистические словари – энциклопедические словари* лингвокультурологические словари определяются как промежуточный тип, а лингвокультурография рассматривается как современный этап развития лингвоэнциклопедической лексикографии» (Лукьянова 2005-б: 28).

Мы согласны с Н.А. Лукьяновой в том, что «современные лингвокультурологические словари охватывают своим описанием различные фрагменты русской языковой картины мира, а также дают представление о языковой модели мира в целом в рамках той концепции, которой следует автор конкретного словаря» (Лукьянова 2005-а: 324).

По мнению О.И. Блиновой, лингвокультурологические словари охватывают максимальное количество материала, объединяют разные характеристики слов: семантические, энциклопедические, этнографические и др. (Блинова 1993).

Н.А. Лукьянова отмечает следующие словари, которые должны включаться в корпус современных российских лингвокультурологических словарей: «1) Этимологические, историко-этимологические словари-исследования и ономастиконы (направлены на вскрытие глубинных, исходных/прототипических понятий и образов); 2) Идиостилистические словари (словари языка писателей, поэтические словари, словари выразительных средств – эпитетов, метафор, сравнений); 3) Переводные двуязычные словари «ложных друзей переводчика»; 4) Лингвострановедческие словари; 5) Словари агнонимов; 6) Словари, единицы которых отражают реалии русской истории, культуры и быта в диахронном аспекте; 7) Словари, входящие в область современного широкого культурного контекста и имеющие различные сферы использования: словари, описывающие лексику, связанную с определённой областью культуры; словари, фиксирующие и описывающие концепты современной русской культуры; 8) Словари языка жестов» (Лукьянова 2005-а: 307-322).

С точки зрения Е.И. Зиновьевой, представленная классификация – достаточно разнородная, «при классификации лексикографических произведений в учебных целях следует более жестко ограничить подтипы и виды словарей, которые могут быть отнесены к лингвокультурологическим» (Зиновьева 2010: 128). При номинации совокупности лингвокультурографических источников Е.И. Зиновьева вводит родовой термин «словари лингвокультурологического типа» (Зиновьева 2010: 128).

Е.И. Зиновьева выделяет два разряда учебных лексикографических словарей – *лингвострановедческие* и *лингвокультурологические*. Лингвострановедческие словари подразделяются на «словари тематической лексики, фразеологии и афористики, соматического языка, речевого этикета и комплексные словари (например, словарь «Россия» под общей редакцией Ю.Е. Прохорова (М., 2007))» (Зиновьева 2010-а: 549). Лингвокультурологические словари включают в себя «словари тематической лексики («Русское культурное пространство» (М., 2004)) и словари фразеологии («Большой фразеологический словарь русского языка» под ред. В.Н. Телии (М., 2006))» (Там же). Словари, содержащие материалы страноведческого, культурологического и лингвоэнциклопедического характера, могут быть привлечены как дополнительные источники: «культурологические словари, такие как, например, Энциклопедический словарь культуры XX века В.П. Руднева (М., 2001), толковые словари русского языка с историко-культурными данными, например: Елистратов В.С. Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь (М., 1997); Колесников Н.П. Толковый словарь названий женщин (М., 2002); и функционально-когнитивные словари, например, Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В., Миргаязова Э.М., Юлдашева Д.А. Функционально-когнитивный словарь русского языка (Уфа, 2001)» (Там же).

В связи с тем, что адресат лингвокультурологических словарей – иностранцы, составители стремятся эксплицировать те особенности

языковых единиц, комментарии которых не нужны носителям языка, так как представляются для них самоочевидными (Зиновьева 2010-а: 549).

Е.И. Зиновьева отмечает, что основные принципы описания материала в лингвокультурологических словарях сформированы, среди них выделяются «антропоцентрический подход, прагматическая ориентация, преодоление противопоставления энциклопедического и лингвистического способов лексикографирования, положение о том, что в качестве основного критерия лексикографической минимизации экстралингвистической информации должен выступать языковой материал, принцип эффективности описания, полноты и простоты, объективности анализа» (Зиновьева 2010: 131). По мнению В.В. Морковкина, для составления лингвокультурологического словаря необходимо «преодолеть противопоставления филологического и энциклопедического способов лексикографирования, помнить о значимости антропоцентрического подхода в лингвокультурологии, также о значимости личности носителя языка» (Морковкин 1988: 132).

Пи Цзянькунь в своей кандидатской диссертации справедливо отмечает, что «1) Статья учебного лингвокультурологического словаря должна отражать результаты предварительно проведенного лингвокультурологического анализа; 2) Словарная статья должна быть структурирована с учётом анализируемых параметров характеристики единицы; 3) Учебный лингвокультурологический словарь должен составляться на основе совмещения тематического и алфавитного принципов; 4) Учебный лингвокультурологический словарь должен быть направлен на раскрытие фрагмента русской языковой картины мира» (Пи Цзянькунь 2014: 117).

Данные положения будут приняты нами за основу при разработке макро- и микроструктуры собственного учебного словаря паремий с учетом описываемого материала.

Выводы

Итак, в результате анализа научной литературы можно сделать следующие выводы.

Проблема картины мира активно рассматривается в рамках лингвистики. Картина мира является системой интуитивных представлений о реальности, выделяются концептуальная и языковая картины мира. Под *языковой картиной мира* в данном исследовании, вслед за Г.А. Брутяном, понимается знание, закрепленное в словах и словосочетаниях конкретных разговорных языков, в состав языковой картины мира входят слова, словоизменительные и словообразовательные формативы и синтаксические конструкции. В данной работе объектом исследования является паремиологическая часть русской языковой картины мира на фоне китайской.

Паремиологическая картина мира единственна и неповторима, она отражает мир человека, содержит этическую и рационалистическую оценки, выраженные в паремиологических суждениях. Термин «*паремия*» является родовым по отношению к термину «*пословица*». В данном исследовании мы обращаемся к изучению пословиц в русском и китайском языках.

В русском языке пословица дидактична, лаконична по форме, устойчива и воспроизводима в речи. Пословица отличается особым ритмико-интонационным и фонетическим оформлением, определяется моделью ситуации, результатом мышления по аналогии. Пословица является законченным суждением и семиотическим целым, имеющим лексико-семантические и структурные закономерности, может употребляться изолированно, самостоятельно.

Китайские пословицы делятся на общественные и природные, китайские природные пословицы подобны русским приметам, а общественные пословицы соответствуют пословицам русского народа. Мы рассматриваем только китайские общественные пословицы.

Китайская общественная пословица, как и русская, лаконична, обобщенна, общепонятна, экспрессивна, иносказательна, двупланова, имеет особое ритмико-интонационное и фонетическое оформление, параллельную и непараллельную конструкции. Китайская общественная пословица выполняет дидактическую функцию, употребляется не только в устном общении, но и в литературно-художественном стиле.

Пословицы имеют лексические, формально-словообразовательные, лексико-грамматические и структурные варианты. В данном исследовании мы детально рассматриваем пословичные биномы, под которыми понимаются устойчивые фрагменты пословичного текста. Бином состоит из двух контактно или дистантно расположенных элементов, имеющих между собой устойчивые семантические связи и образно-семантическую структуру. Основными направлениями паремиологических исследований является исследование паремиологических трансформаций и паремиологического минимума, а также четыре направления сопоставительного исследования паремий: традиционное, социолингвистическое, когнитивное, лингвокультурологическое. В настоящее время активно развивается сопоставительное лингвокультурологическое изучение паремий. Работ, посвященных лингвокультурологическому сопоставительному анализу русских и китайских паремий с компонентом-названием насекомого, выявлено не было.

Пословицы являются объектом лексикографии, словари пословиц и поговорок составляют отдельную лексикографическую область – паремиографию. С нашей точки зрения, при лексикографировании пословиц наиболее оправданный принцип – стержневой, который позволяет быстро найти нужные единицы и их смысловое «гнездо» и увидеть, как отдельные фрагменты пословицы становятся постоянными выразителями определённого семантического фрагмента.

Один из важных видов учебных лексикографических словарей – лингвокультурологические словари, которые подразделяются на словари

тематической лексики и словари фразеологии, а главным адресатом лингвокультурологических словарей являются иностранцы. В связи с этим, результаты нашего исследования послужат базой для описания и создания учебного лингвокультурологического словаря русских пословиц, ориентированного на китайских учащихся и построенного по стрежневому принципу.

Теоретические выводы данной главы служат базой для исследовательской части работы.

ГЛАВА 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ С КОМПОНЕНТОМ-НАЗВАНИЕМ НАСЕКОМОГО НА ФОНЕ КИТАЙСКИХ АНАЛОГОВ

2.1. Характеристика материала и методика исследования

Объектом данного исследования послужили русские и китайские пословицы с компонентом-названием насекомого.

Для определения наиболее известных носителям русского и китайского языков насекомых нами был проведен письменный опрос. Информантам (студентам Санкт-Петербургского государственного университета) было предложено написать названия знакомых им насекомых. В опросе приняли участие 50 русских и 50 китайских респондентов. От русских участников опроса было получено 284 наименования насекомых, от китайских – 292. Ответы носителей русского языка распределились следующим образом (в порядке убывающей частотности): *комар* (33 ответа), *муха* (26), *бабочка* (24), *муравей* (21), *пчела* (19), *оса* (19), *стрекоза* (17), *паук* (12), *шмель* (10), *таракан* (10), *кузнечик* (9), *жук* (8), *клоп* (7), *слепень* (6), *шершень* (6), *майский жук* (6), *гусеница* (6), *моль* (4), *колорадский жук* (4), *мотылек* (3), *клещ* (3), *мошка* (3), *божья коровка* (3), *сверчок* (2), *овод* (2), *саранча* (2), *богомол* (2), *жук-навозник* (2), *махаон* (2), *ручейник* (1), *сороконожка* (1), *червь* (1), *блоха* (1), *вошь* (1), *жужелица* (1), *медведка* (1), *водомерка* (1), *жук-пожарник* (1), *бабочка-белянка* (1), *скарабей* (1), *червяк* (1), *тля* (1). Ответы носителей китайского языка выглядят так: *бабочка* (27), *муха* (26), *комар* (25), *пчела* (25), *муравей* (25), *сверчок* (19), *цикада* (18), *стрекоза* (18), *саранча* (13), *паук* (12), *моль* (9), *богомол* (7), *семиточечная коровка* (7), *таракан* (6), *кузнечик* (6), *сколопендра* (6), *божья коровка* (5), *жук* (5), *тутовый шелкопряд* (5), *блоха* (4), *личинка мухи* (3), *жук-дровосек* (3), *куколка* (3), *навозный жук* (2), *оса* (2), *земляной червь* (2), *мотылек* (1), *скорпион* (1), *улитка* (1), *светлячок* (1), *чешуйница* (1), *слепень* (1), *клоп* (1), *вошь* (1), *клещ*

(1).

При сравнении полученных данных можно сделать вывод о том, что основными общими прототипическими образцами в категории «насекомое» в обеих лингвокультурах выступают *комар, муха, бабочка, муравей, пчела, стрекоза* и *паук*. При этом паук, с научной точки зрения, не относится к насекомым, но воспринимается как насекомое – как в русской наивной картине мира, так и в китайской. В отличие от китайцев, для носителей русского языка *оса, шмель и таракан* являются более известными, а для китайцев, в свою очередь, это *сверчок, цикада, саранча*.

Отбор пословиц для анализа проводился в несколько этапов. На первом этапе работы методом сплошной выборки из БСРП и «Большого словаря китайских пословиц» (БСКП) было отобрано 375 русских и 625 китайских пословиц с компонентом-названием насекомого. Разница в количестве единиц, на наш взгляд, объясняется тем, что Китай – большая аграрная страна, сельское хозяйство является ключевым направлением национальной экономики, а на развитие сельского хозяйства насекомые оказывают большое влияние. Например, в китайских пословицах самый частотный компонент-название насекомого – «тутовый шелкопряд» (111 единиц), так как тутовый шелкопряд играет важную роль в производстве шелка, а в Китае шелководство является национально-культурной ценностью. История шелководства берёт своё начало в Китае во времена неолитической культуры Яншао в четвертом тысячелетии до н. э. Пословицы с компонентом «муравей» (94 единицы) по количеству занимают второе место, так как наблюдения за жизнедеятельностью муравьев позволяют предсказывать изменения погоды, а погода тесно связана с сельским хозяйством, поэтому китайский народ много и внимательно наблюдал за муравьями и создал большое количество «природных» пословиц с компонентом-названием этого насекомого.

Далее мы выделили самые частотные компоненты-названия насекомого в русских и китайских пословицах – в русских пословицах: *муха* (82), *пчела*

(57), *комар* (50), *блошка/блоха* (44), *вошка/вошь* (30), *жук* (16), *клоп* (15), *сверчок* (12), *моль* (11), *мошка* (6), *бражник* (5); а в китайских пословицах: *тутовый шелкопряд* (111), *муравей* (94), *муха* (89), *пчела* (59), *вошка/вошь* (38), *медведка восточная* (35), *саранча* (31), *личинка мухи* (26), *блошка/блоха* (22), *мотылек* (21), *цикада* (18), *богомол* (13), *комар* (10), *жук* (8), *бабочка* (7), *сверчок* (6), *стрекоза* (6), *клоп* (4).

Можно заметить, что и в русских, и в китайских пословицах *муха, пчела, комар, блошка/блоха, вошка/вошь* и *жук* являются самыми частотными, поэтому в данной работе мы детально рассматриваем русские и китайские паремии с этими шестью компонентами.

На втором этапе работы отобранные паремии подверглись минимизации за счет исключения из их состава пословиц, зафиксированных в словарях как диалектные, единиц, содержащих в своем составе обсценную лексику, а также устаревших единиц. В результате в нашей картотеке осталось 267 русских и 226 китайских пословиц. Китайские пословицы подверглись значительному сокращению за счет исключения из их состава таких компонентов, как «шелкопряд», «муравей», «цикада» и др., не являющихся объектом детального рассмотрения в работе, а также за счет исключения китайских «природных пословиц»-примет.

Распределение паремий по компонентному составу наглядно можно представить в следующей таблице.

Таблица № 2. Количество пословиц с анализируемыми компонентами в русском и китайском языках

Название насекомого	Количество пословиц в русском языке	Количество пословиц в китайском языке
муха	82	89
пчела	57	59
комар	50	10
блоха	44	22
вошь	30	38
жук	16	8

На третьем этапе работы отобранные для детального анализа пословицы были классифицированы с точки зрения вербализуемых установок культуры, были выделены общие и различные для паремий двух языков установки. Кроме того, на этом же этапе исследования уделялось внимание «портрету» насекомого, выявляемого в буквальном смысле пословиц.

На четвертом этапе исследования были выявлены пословичные биномы в русских пословицах на фоне китайских аналогов. Пословичные биномы позволяют выявить специфику логико-семантических связей между компонентами пословиц, существующую в сознании носителей русского языка.

Для верификации полученного вследствие анализа пословичного материала стереотипного представления о насекомом в каждой из лингвокультур и для выявления мотивации выделенных установок культуры пятый этап исследования составил свободный цепочечный ассоциативный эксперимент на слова-стимулы, называющие интересующих нас насекомых, в русском и китайском языках. От 50 русских и 50 китайских респондентов требовалось написать ассоциации на заданный стимул. Количество реакций не ограничивалось, на выполнение задания отводилось 10 минут. Затем были проанализированы полученные ассоциативно-вербальные поля в русском языке на фоне китайского. Ассоциация является связью между объектами или явлениями, она основана на личном, субъективном опыте (Фрумкина 2001: 189). Ассоциативный эксперимент широко используется в разных областях лингвистики. Как отмечает А.А. Залевская, «ассоциативный эксперимент дает богатый материал для межкультурных исследований, позволяет выявить как «общечеловеческие» характеристики свободных ассоциаций, так и специфику связей между словами в условиях различных культур» (Залевская 1977: 46).

На шестом этапе был проведен анализ контекстов употребления изучаемых паремий на материале «Национального корпуса русского языка»

и «Национального корпуса китайского языка» (北大语料库 Лингвистический корпус Пекинского университета, 知识网 Чжишиван) для выявления их частотности в том или ином типе дискурса, особенностей их семантики, синтагматических связей и прагматического компонента значения.

На заключительном (седьмом) этапе исследования обобщаются полученные результаты, выявляются сходства и национально-культурные особенности русских пословиц на фоне китайских.

2.2. Лингвокультурологический анализ пословиц с компонентом-названием насекомого

2.2.1. *Муха*

Из БСРП и БСКП было отобрано 82 русских и 89 китайских пословиц с компонентом «муха».

Некоторые пословицы в своем плане выражения фиксируют стереотипное представление о насекомом: муха – **злая:** *Ничего нет злее осенней мухи и девки – вековухи* (рус.); **опасна для человека:** *Зимой бойся волка, а летом – муху (*рус.), *只苍蝇一只虎，飞到谁家谁家苦。– Если к кому-либо прилетит одна муха, то как и при встрече с тигром, его ждет несчастье* (кит.); муха является **переносчиком заболеваний:** *И муху убить, так руки (надо) мыть* (рус.), *苍蝇虽死，病毒还在；隐患不除，就有祸害。– Хотя муха умерла, вирусное заболевание еще остается; если не уничтожишь скрытую угрозу, то беда будет* (кит.).

Русские и китайские пословицы с компонентом «муха» содержат следующие общие 8 установок культуры: (их вербализуют 45 русских и 52 китайских пословицы:

1. **Жажда добычи губительна.** В плане выражения русских и китайских пословиц муха погибает в меду, что отражает стереотипное представление о насекомом, его тягу к сладкому: например, *Муха в мед попала, значит – пропала* (рус.); *Валка муха к меду* (рус.); *Агапит свиней сидя*

вабит, бежат к нему сами что мухи на мед (рус.); *苍蝇贪甜，死在蜜里。– Из-за жадности к сладости, муха погибнет в меду* (кит.); *苍蝇恋甜，死于蜜里。– Муха любит сладкое, погибнет в меду* (кит.).

2. **Невозможно причинить вред безупречному человеку.** В русских пословицах безупречного / неболтливого человека символизирует закрытый рот: например, *В закрытый рот и муха не залетит*; *В рот, закрытый глухо, не залетит муха*. А в китайских пословицах безупречного человека символизирует яйцо (куриное или утиное без трещин). Это и человек, безупречный во всех отношениях: например, *苍蝇不叮无缝蛋。– Муха не кусает яйцо без трещин*; *苍蝇不叮没缝的鸡蛋。– Муха не кусает куриное яйцо без трещин*;*苍蝇不叮无缝的蛋，蚂蝗不在旱地咬人。– Муха не кусает яйцо без трещин, пиявка не кусает человека в засушливом районе* - и неболтливый человек, как в русском языке: *В закрытый рот муха не залетит.* В китайских пословицах «жертвой» становятся только люди, имеющие какие-то недостатки, отрицательные черты характера – эгоисты, жадные, невнимательные: *苍蝇不叮无缝蛋，恶霸专欺善良人。– Муха не кусает яйцо без трещин, только злодей обижает доброго человека*; *苍蝇只叮有缝蛋，糖弹专打私心人。– Муха кусает яйцо только с трещинами, засахаренный снаряд бьет только эгоиста*; *苍蝇不叮无缝蛋，腐败专找贪心人。– Муха не кусает яйцо без трещин, взятку дают только жадному человеку*; *苍蝇不叮无缝的鸡蛋，敌人打不败警惕高的对方，事故落不到谨慎人头上。– Муха не кусает яйцо без трещин, враг не убьет бдительного противника, у внимательного человека беды не будет*; *苍蝇不叮无缝蛋，事故专找大意人。– Муха не кусает яйцо без трещин, беда происходит только с невнимательным человеком.* Стереотипным представлением о самом насекомом, вербализованном в пословицах, является способность мухи летать и залетать в любые щели, а также тяга к чему-либо испорченному (яйцо с трещиной).

3. **Слабый становится жертвой более сильного.** В данных русских и китайских пословицах муха – символ слабого. В русских пословицах врагами мухи являются паук и воробей: например, *Зажужжала муха, дожужжалась паука*; *Попался мухарь пауку и нажужжался*; *Летала муха-горюха, да попала пауку в тенета*; *Мухи летают, а воробьи их хватают*. А в китайских пословицах враг мухи – птица: *苍蝇结束生命，小鸟张开小嘴。– Когда жизнь мухи кончилась, птичка раскрыла клюв*. Стереотипное представление о насекомом включает в себя наблюдения людей о том, что мухи служат пищей для пауков и птиц. Бином «*хищник-жертва*».

4. **И ничтожное существо устроено как все остальные, и оно может быть полезным.** В русских пословицах: *И муха не без брюха* (в данной пословице важную роль играет рифма); *Муха невелика, да ворчит; И муха псу хороша, если кости не кинут*. В китайских пословицах: *苍蝇再小也是肉。– Хотя муха маленькая, все равно она – мясо*. Стереотипное представление о насекомом, отраженное как в русских, так и в китайских единицах включает в себя маленький размер, возможность в самом крайнем случае служить пищей, а в русских пословицах - еще и способность издавать звуки.

5. **Каждому – свое.** В русских пословицах *Мухи к свету, а мышь во тьму*; *Муха по подполочью, кошка по подлавочью* противопоставляются *свет* и *тьма* (для мухи и мыши), типичные места нахождения: под потолком – *подполочье* и под лавкой – *подлавочье* (для мухи и кошки). А в китайских пословицах муха предпочитает места, где присутствуют стена, навоз, воспаленные ноги, лысый человек, тухлое яйцо, протухшее мясо, отвратительный запах: *苍蝇黑夜寻墙哩，孩儿黑夜寻娘哩。– В темноте муха ищет стену, в темноте ребенок ищет матушку*; *麻雀赶秋，苍蝇钻粪。– Осенью воробьи много едят, мухи влезают в навоз*; *人跟人好，鬼跟鬼好，苍蝇跟烂腿好。– Человек дружит с человеком, привидение дружит с привидением, муха дружит с воспаленными ногами*; *天鹅爱的是湖水，苍蝇*

爱的是秃子。– Лебедь любит озеро, муха любит лысого; *苍蝇爱臭蛋，乌鸦爱死尸。– Муха любит тухлое яйцо, ворона любит труп*; *苍蝇恋臭肉，蟑螂爱稀屎。– Муха обожает протухшее мясо, таракан обожает навозную жижу*; *香花引蜜蜂，臭味招苍蝇。– Ароматные цветы привлекают пчел, отвратительный запах призывает мух*. Стереотипное представление о насекомом в русских пословицах отражает типичные особенности поведения мух – лететь к источнику света и ползать под потолком. Китайские пословицы детальнее характеризуют места обитания мух: навоз, воспаленные ноги, тухлые продукты питания (мясо, яйцо), характерную особенность садиться на стену, лысую голову человека.

6. **Где проблема, слабые места, там и опасность/угроза.** В буквальном плане русской пословицы отражено стереотипное представление, что насекомые летят на незакрытое одеждой тело человека: *На голое брюхо летит комар да (и) муха* (рус.); *На голое брюхо садится (и) муха* (рус.). Китайские пословицы вербализуют стереотипное представление о размножении мух на портящихся продуктах: *鸡蛋不裂缝，苍蝇不下蛆。– Если на курином яйце нет трещин, то муха не рождает личинок* (кит.); *苍蝇无缝不下蛆。– Муха не рождает личинок при отсутствии трещин*; *苍蝇见缝就下蛆，毒蛇见缝就钻洞，事故见隙就逞凶。– Как только муха увидела трещину, она сразу там родила личинок; как только ядовитая змея увидела трещину, она сразу влезла в нее; когда катастрофа "увидела" трещину, она сразу произошла* (кит.).

7. **Что-то незначительное может причинить большой вред.** *И муха укусит, так вспухнет* (рус.); *一个苍蝇坏一锅菜。– Одна муха может испортить всю кастрюлю блюда* (кит.); *一个苍蝇坏了一锅粥。– Одна муха может испортить всю кастрюлю каши*; *一个苍蝇坏了一锅汤。– Одна муха может испортить всю кастрюлю супа*. В русских и китайских пословицах выражается стереотипное представление о том, что муха кусается (русская пословица), и если муха попадает в пищу, то может ее испортить (китайская

пословица).

8. Муха присутствует в **русских и китайских *иронических* пословицах,** в которых сомнению подвергается ее способность быть ценной (высмеиваются напрасные потуги), муха предстает в этих единицах сильным насекомым, например, в русском языке: *Дешевы за морем коровы, дороги мухи; За муху с мушонком дают корову с теленком*; *Муха убивает ли орла, а муравей льва?* В китайском языке: *苍蝇想把墙碰倒，跳蚤想把被撑翻。– Муха хочет завалить стену, блоха хочет откинуть одеяло*. Кроме того, в китайском языке муха является компонентом пословицы, вербализующей потенциальную опасность: *老虎头上扑苍蝇。– Бить мух на голове тигра*.

Нами обнаружены также установки культуры, вербализованные только в русских или только в китайских пословицах. В русских пословицах с компонентом «муха» выражены следующие лакунарные относительно китайского языка установки культуры (всего 34 русских пословицы):

1. **Необходимо соизмерять усилия с тем делом, которым человек занимается.** Например: *За мухой не с обухом, за комаром не с топором*; *За каждой мухой не нагоняешься с обухом*; *За мухой не нагоняешься с обухом; За мухой (мухою) не с обухом*; *За мухой не угоняешься с обухом*; *За мухой с обухом не нагоняешься (не угонишься)*; *За мухой не с обухом, за комаром не с кнутом*. В ироничной форме здесь имплицитно выражено стереотипное представление о том, что муху можно прихлопнуть небольшим и легким предметом.

2. **Сильный легко избавится от беды, более слабый скорее попадет в беду.** В русских пословицах шершень и шмель по сравнению с мухой расцениваются как более сильные насекомые, а мошка – более слабое: *Шершень паутину пробьет, а муха увязнет*; *Закон как (что) паутина: шмель проскочит (пробьется), а муха увязнет*; *Закон что тенета: шмель пролетит, а муха останется*; *Правда что у мизгиря в тенетах: шмель пробьется, а муха увязнет*; *Суд что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет*; *Мухарь проскочит, а мошка увязнет*.

3. **Приятное, лакомое привлекает к себе всех.** В русских пословицах мед и сладкая лепешка привлекают к себе и таких вредных насекомых, как мухи: *Где мед, там и мухи* (муха); *Будь лишь мед, мух много нальнет*; *Был бы мед, а мух много нальнет*; *Был бы мед, мух много нальнет*; *Мед сладко, а муха (мухе) падко*; *Около сладкой лепешки и мухи пасутся*.

4. **Глупость очевидна всем, она не дает возможности противостоять даже мелким неприятностям.** Например: *На дурака мухи падки*; *На дурака и мухи садятся.*

5. **Мелкое и незначительное не может противостоять чему-то крупному.** Например: *Муха не прокусит брюха*; *Муха не портит брюха, а только вычистит*.

6. **Всё, живущее на Земле, имеет смысл существования, оценки субъективны.** Например, *Таракан не поган, муха – от святого духа*.

7. **Не все обладают равными способностями.** Например, *Всякая муха жужжит, да не пчеле чета*.

8. **Всяк опасен по-своему.** Например, уши, согласно стереотипному представлению, выраженному в русской пословице, уязвимы для мух: *Муха до уха, сорока до ока, а оса до носа*. Муха, забравшаяся в ухо человека, может причинить сильную боль. Кроме того, в данной пословице большую роль играет наличие рифмы.

9. **Из разряда однопорядковых вещей что-то является более предпочтительным.** Например, *Таракан не муха: не взмутит брюха*.

10. **Некоторые вещи (положения вещей) несовместимы.** В русском традиционном быту именно женщины поддерживали порядок и чистоту в доме, поэтому в пословице противопоставляются бабы и мухи, например, *Бабы в избу – мухи вон!*

11. **Желания не всегда совпадают с возможностями.** Например: *Рыбу ловят, а мух варят*. Ср. ироничную архангельскую поговорку *Варить мух* – ‘голодать’. Следует отметить, что в данном случае возможны и другие трактовки рассматриваемой пословицы. Например, речь может идти о

«пускании пыли в глаза», ср.: На брюхе шелк, а в брюхе щелк! Или о **неумении делать что-либо.**

12. **Не нужно преувеличивать опасность.** Например: *Одна муха не проест брюха*. Эту же единицу можно толковать и по-другому: ‘трудно сделать что-либо в одиночку’, ср. ту же идею в пословице *Один в поле не воин*.

Установками культуры, отраженными в китайских пословицах с компонентом «муха» и безэквивалентными относительно русского языка, являются следующие 7 установок, реализуемых 33 китайскими пословицами:

1. **Существует некая минимальная мера.** В китайских пословицах нечто незначительное/ничтожное сравнивается с ножкой или головой мухи и устами комара, служащими пословичными эталонами минимального размера (количества): например, *蚊子嘴，苍蝇腿。– Уста комара, ножки мухи; 麦怕短秆蝇子头，豆打长秧角子稠。– Бойся, когда пшеничная соломинка короче головы мухи*. Стереотипное представление о мухе сводится в данной единице к ее мелкому размеру, в частности, минимальному размеру отдельных частей насекомого.

2. **Нечестные (не чистые на руку) люди чувствуют, где можно обогатиться.** В китайских пословицах жадного чиновника / коррупционера сравнивают с мухой, наличествуют пословичные биномы *служащий (коррупционер, чиновник) – деньги, муха – кровь*: например, *公人见钱，如蝇见血。– Служащий видит деньги, как муха видит кровь*; *蝇子见不得血，赃官见不得钱。– Не разрешай мухе видеть кровь, не разрешай коррупционеру видеть деньги*. Стереотипное представление, выраженное в этих пословицах, заключается в том, что мухи летят на запах крови, это кровососущие насекомые.

3. **Тот, кто обижает более слабых, трус, который боится тех, кто сильнее его.** Например: *打苍蝇不打老虎。– Бить только муху, а не тигра*.

4. **Пожилые люди мудры благодаря своему опыту.** Например: *老些的苍蝇都知道。– Старая муха все знает*. Старая муха символизирует

старого человека. Эта же идея выражена и в русской лингвокультуре, но другими средствами: например, *стреляный воробей*; *старый ворон не каркнет мимо* и др.

5. **Ум, сметливость помогут добиться успеха.** Например, *蝇附骥尾而致千里。– Если муха держится за хвост лихого скакуна, то она может совершить путешествие в тысячи верст*.

6. **Зло порождает зло.** Например: *哪儿的苍蝇不下蛆。– Повсюду мухи рождают личинок*.

7. **Человек, испытавший боль или страх в прошлом, перестраховывается в будущем.** Например: *一日被蜂叮，三年怕苍蝇。– Укушенный пчелой три года боится мухи*. Ср. ту же установку культуры, но вербализованную в русских пословицах с другими образами и, соответственно, компонентами: *Пуганая ворона куста боится; Обжегшись на молоке, дуют на воду.*

Итак, и русские, и китайские пословицы с компонентом «муха» вербализуют больше различных, чем общих, установок культуры.

Пословичный портрет мухи (стереотипное представление о насекомом) и в русском, и в китайском языках имеет следующие общие черты: муха – это мелкое насекомое, злое, надоедливое, причиняет вред человеку, она легко попадается в ловушку, т.к. падка до лакомой, сладкой пищи. Это насекомое, которое пользуется изъянами на теле человека или продуктах питания, мухи кусаются, пьют кровь человека или животного. Муха боится более сильного по сравнению с ней существа. Но и у мухи есть своя значимость, она может приносить некоторую пользу. Врагами мухи являются пауки и птицы. Мухи издают характерные звуки (жужжат), летают, тянутся к свету, у них есть излюбленные места обитания.

Муха в пословицах обоих языков символизирует человека, паремии с этим компонентом вербализуют идеи о том, что каждому важно и существенно свое, близкое ему, что сильный побеждает слабого, что даже

что-то ничтожное может причинить вред, что угроза и опасность возникают там, где существуют слабые места.

Лакунарными относительно китайского языка являются 12 проанализированных выше установок культуры. Соответственно, 7 установок культуры, выраженных в китайских пословицах с компонентом «муха», лакунарны относительно русского языка. Различия касаются частных установок культуры и национально-специфичной расстановки акцентов. Так, русские пословицы выражают идеи о том, что необходимо соизмерять усилия с тем делом, которым человек занимается; сильный легко избавится от беды, более слабый скорее попадет в беду; приятное, лакомое привлекает к себе всех и др. Китайские пословицы осуждают тягу к стяжательству, подчеркивают мудрость, свойственную пожилым. Различная расстановка акцентов наблюдается в пословицах двух языков, касающихся глупости и ума. Так, русские пословицы свидетельствуют о том, что глупость очевидна всем, она не дает возможности противостоять даже мелким неприятностям, а китайские подчеркивают важность ума и сметливости, таким образом, в паремиологическом пространстве обоих языков представлена оппозиция «ум – глупость», но с разных сторон.

Особое внимание следует уделить рассмотрению пословичных биномов в русских и китайских пословицах. Пословичные биномы частотны в русских и китайских пословицах с компонентом *муха*, например, в русских пословицах: ‘жертва – хищник’: ***муха – паук*** (*Где муха ни летала, а к пауку попала*; *Зажужжала муха, дожужжалась паука*), ***муха – орел*** (*Орел мух не ловит*; *Орлом мух не ловят*); видовые соотношения: ***муха – комар*** (*За мухой не с обухом, за комаром не с кнутом*; *За мухой не с обухом, за комаром не с топором*), ***муха – таракан*** (*Таракан не муха: не взмутит брюха*; *Таракан не поган, муха – от святого духа*); ‘насекомое – человек’: ***муха – девка-вековуха*** (*Нет злей (злее) осенней (успенской) мухи до девки-вековухи*; *Ничего нет злее осенней мухи и девки – вековухи*), ‘муха – глупый человек’: ***муха – дурак*** (*На дурака и муха валится*; *На дурака мухи падки*); ‘насекомое –

пища’: ***муха – мед*** (*Валка муха к меду*; *Муха в мед попала, значит – пропала*; *Будь лишь мед, мух много нальнет*; *Где мед, там и мухи (муха)*); ‘насекомое – предмет’: ***муха – обух*** (*За каждой мухой не нагоняешься с обухом*; *За мухой не нагоняешься с обухом*; *За мухой не угоняешься с обухом*). В китайских пословицах видовые соотношения представлены парами ***комар – муха*** (*蚊子嘴，苍蝇腿 Уста комара, ножки мухи*; *栏净蚊蝇少，栏干不生虱 В чистом загоне мало мух и комаров, в сухом загоне вошки не живут*), ***муха – пчела*** (*香花引蜜蜂，臭味招苍蝇 Ароматные цветы привлекают пчел, отвратительный запах призывает мух*; *没有香花，引不来蜜蜂；没有臭味，招不来苍蝇 Где нет цветов, там и нет пчел; где нет отвратительного запаха, там и нет мух*; *只有冻死的苍蝇，没有累死的蜜蜂 От мороза муха погибнет, от усталости пчела не умрет*), ‘крупное животное – насекомое’: ***муха – собака*** (*春狗生来身臭腥，夏狗常招臭苍蝇 От рождения весенняя собака вонючая, а летняя собака часто приводит мух к себе*; *狗身上的蝇子多，当官的主意多 На собаке мух много, у чиновника идей много*), ***муха – тигр*** (*老虎好打，苍蝇难捉 Тигра легко убить, а муху трудно поймать*; *老虎头上扑苍蝇 Бить мух на голове тигра*; *打苍蝇不打老虎 Бить только муху, а не тигра*; *一只苍蝇一只虎，飞到谁家谁家苦 Одна муха как и один тигр, прилетит к кому, у того будет несчастье*), ‘взрослое насекомое – личинка’: ***муха – личинка*** (*苍蝇无缝不下蛆 Муха не рождает личинок без трещин*; *什么蝇子下什么蛆 Какая муха рождает таких же личинок*; *哪儿的苍蝇不下蛆 Повсюду мухи рождают личинок*); ‘насекомое – пища’: ***муха – яйцо*** (*没缝的蛋儿，苍蝇也不钻 Если на яйце нет трещин, то муха его не кусает*; *苍蝇不叮无缝蛋，事故专找大意人 Муха не кусает яйцо без трещин, беда только происходит с невнимательным человеком*), ***муха – куриное яйцо*** (*苍蝇不叮没缝的鸡蛋 Муха не кусает куриное яйцо без трещин*; *没缝的鸡蛋，苍蝇不会钻 Если на курином яйце нет трещин, то муха его не кусает*); ‘насекомое

– нечто грязное’: ***муха – протухшее мясо*** (*臭肉引苍蝇 Протухшее мясо привлекает мух*; *臭肉招苍蝇 Протухшее мясо привлекает мух к себе*; *臭肉才会招来苍蝇 Только протухшее мясо может привлекать мух к себе*) и др.

Чтобы реконструировать «портрет» насекомого в современном языковом сознании носителей двух языков, мы обратились к ассоциативному цепочечному эксперименту. Полученные ассоциации были нами классифицированы по следующим тематическим подгруппам:

Ассоциации русских респондентов (240 единиц):

1. **Нечто грязное, гниющее, разлагающееся** – 43 ассоциации: грязь (9), мусор (8), навоз (7), грязная (2), грязно, экскременты, мерзость, помойная, плохие запахи, разложение, мусорка, антисанитарные условия, тухлое мясо, помои, бактерии, помойка, плохой запах, тухлая еда, плесень, липко, мутный.
2. **Обозначения звуков** – 24 ассоциации: жужжит (11), жужжание (8), шум, звонкая, громкая, неприятное жужжание, вертолет.
3. **Свойства мухи** – 20 ассоциаций: быстрая (4), назойливость (4), надоедливая (4), назойливая (4), назойливый, шустрая, назойливое, мешающаяся.
4. **Наименования пищевых продуктов** – 17 ассоциаций: варенье (8), мед, котлета, сахар, мясо, печенье, еда, фрукты, кексы, сладкое пирожное.
5. **Наименования зоонимов** – 15 ассоциаций: паук (8), насекомое (4), корова, лошадь, животное.
6. **Наименования отдельных частей тела насекомого** – 15 ассоциаций: крылья (7), глаза (4), лапки (3), красные глаза.
7. **Названия и восприятие временных периодов** – 15 ассоциаций: лето (10), тепло (2), жара, летом, осень.
8. **Вызываемые эмоции, ощущения и оценки** – 14 ассоциаций: противная (4), страшная, зло, противно, скука, усталость, отсталость, отвращение, раздражение, неприятная, раздражительность.
9. **Наименования цветообозначений** – 14 ассоциаций: черная (7), черный

(3), черный цвет (3), зеленая.

10. **Наименования реалий** – 12 ассоциаций: газета (7), ковер, самовар, тапок, стекло, окна.
11. **Обозначения болезней** – 11 ассоциаций: инфекции (2), переносчик (2), переносчик заболеваний, рассадник болезней, заразность, болезнь, болезни, инфекция, алкоголизм.
12. **Поведение и типичные действия** – 7 ассоциаций: полет (3), летает (2), укус, летать.
13. **Наименования приспособлений для уничтожения насекомых** – 7 ассоциаций: мухобойка (3), лента, ловушка, лента для мух, клеящая лента.
14. **Обозначения размера** – 6 ассоциаций: большая (2), маленькая (2), крошечная, толстая.
15. **Наименования мест обитания** – 4 ассоциации: деревня (2), коммуналка, комната.
16. **Эвфемизм** – 1 ассоциация: бляха-муха.
17. **Наименования человека** – 1 ассоциация: мусорщица.
18. **Обозначения качества** – 1 ассоциация: свежесть.
19. **Экзистенциональные понятия** – 1 ассоциация: жизнь.
20. **Прецедентные феномены** – 12 ассоциаций:

1) **названия сказок и имена сказочных персонажей** – 8 ассоциаций: Цокотуха (7), сказка Чуковского «Муха-цокотуха».
2) **названия фильмов и мультфильмов, имена их героев** – 2 ассоциации: фильм «Муха», фильм ужасов.
3) **фразеологизмы** – 1 ассоциация: и мухи не обидит.
4) **название вуза в Санкт-Петербурге** – 1 ассоциация: «Мухинское училище» (официальное название **«Санкт-Петербургская Государственная Художественно-Промышленная Академия»,** в разговорной речи – «Муха», бывшее художественно-промышленное училище им. В.И. Мухиной).

Итак, стереотипное представление о мухе в русском языковом

сознании, по данным ассоциативного эксперимента, выглядит следующим образом: муху четко относят к животным, насекомым (*животное, корова, лошадь, насекомое, паук*). Видимо, ассоциации с коровой и лошадью возникают в связи с тем, что мухи часто вьются около стада коров или табуна лошадей, а паук – это то насекомое, которое ловит мух в свою паутину. Прежде всего, муха ассоциируется с грязью, гниением и разложением. Видимо, как антонимичное представление следует расценивать одиночную ассоциацию *свежесть.* Характерные черты внешнего облика насекомого: *крылья, (красные) глаза, лапки, черная, зеленая*. Размер насекомого может быть разным: *большая, маленькая, крошечная, огромная*. Типичными чертами поведения являются способность летать, кусаться, это быстрое, шустрое насекомое, назойливое, надоедливое, мешающее, издающее характерные звуки – жужжание, раздражающее человека. Муха ассоциируется с теми теплыми временными периодами, когда ее жизнедеятельность проявляется наиболее активно (ассоциации *лето, осень, тепло, жара*). Типичные места обитания – это жилище человека, как в городе, так и в деревне. *Стекло, окна* – наиболее распространенные реалии, на поверхности которых можно видеть муху. Муху притягивают пищевые продукты – источник питания и место откладывания яиц. Насекомое вызывает исключительно отрицательные эмоции и оценки. Рассматривается как переносчик различных инфекций, болезней. Человек стремится избавиться от мух, отсюда ассоциации *мухобойка, лента (лента для мух, клеящая лента), ловушка*. Видимо, по этой же причине в ассоциативном поле появляются ассоциации *газета* и *тапок* – предметы, которыми можно прихлопнуть надоедливое насекомое. Фразеологизм *и мухи не обидит* характеризует настолько кроткого человека, который не способен убить даже такое противное и назойливое насекомое, как муха. Муха входит в состав эвфемизма-ругательства *бляха-муха,* который выражает удивление, досаду, раздражение или другие сильные эмоции. Муха занимает определенное место в прецедентных феноменах русского языкового сознания. Прежде всего, это сказка К.И. Чуковского «Муха-цокотуха».

Вероятно, ассоциация *самовар* тоже связана с текстом сказки: «*Пошла муха на базар и купила самовар*».

Данные «Русского ассоциативного словаря» в целом подтверждают результаты, полученные нами в ходе проведенного эксперимента (РАС 1: 337).

Тематические группы ассоциаций китайских респодентов приведены в Приложении № 4. Стереотипное представление о мухе в китайском языковом сознании выглядит следующим образом (всего 265 ассоциаций): китайские респонденты, так же, как и русские, четко относят муху к животным, насекомым (*насекомое-вредитель, клоп, хомяк, насекомое*). Муха, как и в русском языковом сознании, ассоциируется с грязью, гниением и разложением. Характерные черты внешнего облика насекомого: особенности глаз: *большие глаза, фасеточный (сложный) глаз, красные глаза, крылья, зеленая голова, черная*. Но размер, по данным ассоциативного эксперимента, только один – *мелкая*. Особую роль играет *мушиная головка* во фразеологизмах, где она является эталоном мелкого, ничтожного. Эта же часть тела насекомого ассоциируется с начертанием иероглифов, обозначающих мелкий почерк. Типичными чертами поведения являются способность летать, сосать, это быстрое насекомое, способное быстро размножаться, жужжащее и шумное. В китайском языковом сознании муха ассоциируется только с одним временем года – летом. Типичные места обитания – это трущобы, отхожие места, свиноферма и деревня. С современными городскими жилыми помещениями муха не ассоциируется. Муху притягивают пищевые продукты, перечень которых ограничен: *яйцо, морепродукты, вонючий тофу.* Как и в русском языковом сознании, насекомое вызывает исключительно отрицательные эмоции и оценки. Рассматривается как переносчик различных инфекций, болезней. По свойству человеческого сознания здесь появляется и антоним – *санитария*, как меры, которые нужно предпринимать для защиты от инфекционных заболеваний. Маршрут ассоциирования приводит от болезней к специальному использованию насекомых как переносчиков массовых инфекций, средства

массового поражения, возникает ассоциация *биологическое оружие*. Человек стремится избавиться от мух или отпугнуть насекомых, отсюда ассоциации *мухобойка, спрей, средство от насекомых, электрическая комаробойка.* Китайцы воспринимают мух как большое количество: ассоциации *большое количество, много.* Следует отметить, что муха ассоциируется не только с мусорщицей, как в русском языковом сознании, но и с целым рядом наименований людей – оценочных и по их социальному статусу: *надоедливый человек, человек, который мне не нравится, плохой человек, отбросы общества, бомж, вор.* Из прецедентных феноменов обращает на себя внимание политическое движение 60-х годов прошлого века, имевшее целью уничтожение насекомых-вредителей и птиц, наносящих урон урожаю.

Сопоставление полученных в результате анализа ассоциативных реакций русских и китайских информантов стереотипных представлений о мухе позволяет сделать следующие выводы.

В целом стереотипные представления двух народов совпадают. Муха воспринимается как насекомое, вызывающее отвращение, от мух пытаются избавиться.

В ассоциативно-вербальном поле русского языка для китайского языкового сознания лакунарной группой является «эвфемизм». Отличаются и ассоциации-наименования бытовых реалий. В русском языке это реалия *самовар*, входящая в состав прецедентного текста сказки «Муха-цокотуха», а также *тапок, газета, окна, стекло*. Отличия касаются объема и состава и других тематических групп, таких, как названия продуктов питания, наименования людей, приспособления для отпугивания и уничтожения насекомых, наименования временных периодов. В то же время в китайском ассоциативно-вербальном поле присутствуют лакунарные для русского языкового сознания группы «начертание иероглифа», «обозначения количества» и «названия оружия». 72.1% территории Китая входит в субтропический и тропический пояса, под влиянием жаркого и влажного климата в Китае мухи быстро разводятся, поэтому китайцы ассоциируют

муху с *большим количеством*. Кроме того, китайский народ ассоциирует муху с *биологическим оружием,* так как в войнах 20 века американская армия искусственно применяла зараженных бактериями и вирусами комаров, мух, блох, клещей, вшей, которые сохраняли способность к передаче возбудителя людям в течение всей своей жизни. Следует также отметить, что в китайском языке и языковом сознании фразеологизмы и пословицы, связанные с мухой, играют более важную роль, чем у русских.

Таким образом, результаты проведенного ассоциативного эксперимента подтверждают стереотипные представления о мухе, выраженные в буквальном смысле пословиц двух языков.

Обратимся к анализу особенностей употребления рассматриваемых русских и китайских паремий в современных текстах художественной литературы, периодической печати, в интернет-пространстве.

Из проанализированных 82 русских паремий 4 единицы встретились в материалах «Национального корпуса русского языка» (далее – НКРЯ).

Паремия *За мухой (мухою) не с обухом, за комаром не с топором* в значении ‘для решения мелкой задачи не нужно прикладывать слишком много усилий’ оказалась самой частотной, она употребляется в НКРЯ в текстах XIX века, но только в усеченном варианте и без отрицания: «Дошло до того, что императрица на тему этой вражды написала пословицу: «*За мухою с обухом*», где под именами Постреловой и Дурындина описала тяжбу Дашковой с Нарышкиным» [В.В. Огарков. Екатерина Дашкова. Ее жизнь и общественная деятельность (1893)]. В данном контексте фиксируется противоположная вербализуемой в исходной форме пословицы ситуация. Ср. в усеченном варианте также без отрицания и с заменой компонента «муха» на «комар»: «Нельзя же с безменом ходить по промыслам. Как раз влопаешься. Вот все вы такие, мужланы: *на комара с обухом*» [Д.Н. Мамин-Сибиряк. Золото (1892)]. В следующем контексте обыгрывается стереотипное представление о маленьком размере мухи, осуществляется перенос этого представления на тщедушного худого человека: «Антип пожал

плечами: – Да меня и драть-то не по чем… Секи, друг, коли совесть не зазрит. Хлопай по костям. Все равно, что – *на муху с обухом*» [А.В. Амфитеатров. Княжна (1889-1895)]. Пословица встречается также в усеченном варианте с расширением первой части: «Будет с них, со псов, чтоб им издохнуть!... Значит, двадцать пять рублев за книги-то будет? – Двадцать семь, Марко Данилыч, – немного понижая голос сказал Герасим. – Экой ты, братец, какой! *За* ***всякой*** *мухой с обухом*!» [П.И. Мельников-Печерский. На горах. Книга первая (1875-1881)]. В последнем случае значение пословицы меняется. Определительное местоимение *всякий* способствует семантическому сдвигу: ‘не жалеть усилий для достижения даже мелкой выгоды’.

Пословица *Орел мух не ловит* ‘не годится кому-либо, решающему масштабные задачи, размениваться по мелочам’, по данным сайта «Национальный корпус русского языка», употребляется в художественном произведении конца XX века: «– Он с испугу протрезвел, но заставил бутылку искать. В нашей Вятской губерньи стало больше волков, сколь наделал непорядков нам товарищ Щелоков. Все – спать! Лошадь в овсе не пасется, *орел мух не ловит*!» [Владимир Крупин. С наступающим! // Библиотека «Огонек», 1989].

Пословица *И муха не без брюха* в значении ‘питаться необходимо всем’ встречается в контексте из художественного произведения XX века, представленном в «Национальном корпусе русского языка»: «Сказавши: «Эх, *и муха не без брюха*!» – дежурный кашевар делал черпаком крутой вираж в котле и вываливал в миску Тугунка кусище рыбы» [Виктор Астафьев. Царь-рыба (1974)].

Пословица *Закон как (что) паутина: шмель проскочит (пробьется), а муха увязнет* ‘власть имущие и богатые найдут способ обойти закон, а бедные люди подвергнутся самому суровому наказанию’ употребляется в художественном произведении XIX века. См. в материалах сайта «Национальный корпус русского языка», в усеченном варианте без

сравнительного союза: «*Закон*, по вашей же русской пословице, *паутина: муха завязнет, а шмель проскочит*. – А вы готовите из нас шмелей, чтобы прорывать эту паутину? Профессор-русин вспыхнул» [В.П. Авенариус. Гоголь-студент (1898)].

Перейдем к анализу китайских паремий.

Следует отметить, что в китайских текстах пословица часто является заголовком, а в дальнейшем тексте статьи эта пословица обычно не повторяется, при этом заголовок помогает привлечь внимание читателей, то есть является сильной текстовой позицией.

В современной китайской речи и письменных текстах самой употребительной пословицей является *苍蝇不叮无缝蛋。– Муха не кусает яйцо без трещин* ‘невозможно причинить вред безупречному человеку’. Эта единица, по данным сайта «知识网» («Чжишиван») и «北大语料库» («Лингвистического корпуса Пекинского университета»), употребляется преимущественно в художественных произведениях XX – XXI вв. Например: с заменой компонента «муха» на «комар»: «2013年7月30日 «杂文报»有«骗子沾上了领导»一文,其中有句*蚊子不叮无缝的蛋*。» [王连杰 «蚊子为什么不“叮蛋”» «咬文嚼字» 2014年 第09期] («В газете «Очерки» за 30 июля 2013 года была опубликована статья «Обманщики ведут дела с руководителями государства». В статье есть такой фрагмент: «*Комар не кусает яйцо без трещин*» [Ван Ляньцзе «Почему комар не “кусает яйцо”» «Грызть иероглифы и жевать слова» 2014 № 09]). В данном случае в заголовке статьи сопоставляются обманщики с комарами, яйца с трещинами с руководителями. В следующем контексте сравнивают человека, распространявшего непристойные фотографии, с мухой, а секретаря парткома с яйцом с трещинами, см.: «对于不雅照的泄露,当事人将责任归咎于局党委书记的设局陷害,原因是自己不受书记待见,遭到排挤 …… 作为一名旁观者,我们相信一句俗语:*苍蝇不叮无缝的蛋*» [云想裳 «*苍蝇不叮无缝蛋*» «云岭先锋» 2015年 第01期] («Что касается распространения непристойных

фотографий человек, имевший непосредственное отношение к делу, возложил вину на секретаря бюро парткома, так как, по его словам секретарь парткома его не любил и оттирал. … В качестве свидетелей, мы верим в одну пословицу: «*Муха не кусает яйцо без трещин*»» [Юнь Сяншан «*Муха не кусает яйцо без трещин*» «Юньлин Сяньфэн» 2015 №01]); В последнем контексте автор сопоставляет профессиональных сотрудников, занимающихся борьбой против подделок, с мухой, а человека, который продает проблемные продукты, с яйцом с трещинами: «自新修订«食品安全法»施行后，社会上出现职业打假人专门购买“问题食品”索赔的现象越来越多» [李其维 «*苍蝇不叮无缝蛋*» «中国医药报» 2016年] («Со времени введения в действие нового пересмотренного Закона о безопасности пищевых продуктов в обществе появляется все больше и больше феноменов, когда профессиональные сотрудники, занимающиеся борьбой против подделок, специально покупают “проблемные продукты” и требуют компенсации» [Ли Цивэй «*Муха не кусает яйцо без трещин*» «Газета китайской медицины» 2016]). Во всех контекстах пословица применяется к лицам, осуждаемым пишущими за личностные свойства и поведение.

Паремия *打苍蝇不打老虎。– Бить только муху, а не тигра* ‘заниматься мелкими проблемами, боясь сильных мира сего’ частотна в материалах «Национального корпуса китайского языка»: например, «多年来反腐败,中央和地方都做了大量卓有成效的工作,但群众中却流传着“*打苍蝇不打老虎*”的说法» [郑风田. 反腐败即打苍蝇又打老虎 // 企业文明 1996年] («За прошедшие годы центральные и местные органы власти проделали большую плодотворную работу в борьбе с коррупцией, однако в народе имеет распространение выражение «*Бить только муху, а не тигра*»» [Чжэн Фэнтянь. Борьба с коррупцией: *бить не только муху, но и тигра* // Цивилизованные предприятия 1996]); «副标题：教训证明,足坛反腐绝不能只*打苍蝇,不打老虎*；也不能一曝十寒,见好就收» [杨明. 足球反腐:让法律利剑永悬足坛 // 新华每日电讯 2011年 第003版] («Подзаголовок: Урок доказывает,

что в футбольной сфере в борьбе с коррупцией нельзя «*Бить только муху, а не тигра*», и нельзя «один день жарко, десять холодно; при получении хороших результатов нельзя останавливаться на достигнутом»» [Ян Мин. Борьба с коррупцией в футбольной сфере: пусть меч закона вечно висит в футбольной сфере // Ежедневный телеграфный репортаж Синьхуа 2011 №003]); [孙冰, 宋建武, 老武, 小刀. 打击违规广告：不能只*打苍蝇，不打老虎* // 中国经济周刊 2016年] ([Сунь Бин. Борьба с нелегальной рекламой: нельзя *бить только муху, а не тигра* / Сунь Бин, Сун Цзяньву, Лао Ву // Китайский экономический еженедельник 2016]). Во всех контекстах обыгрывается стереотипное представление о слабости мухи и силе тигра, в первых двух контекстах муха и тигр символизируют маленького и крупного коррупционеров, а в последнем случае муха – это мелкая рекламная компания, тигр – это большая рекламная компания.

Пословица *臭肉才会招来苍蝇。– Только протухшее мясо может призывать мух к себе* ‘неприятное притягивает к себе плохое/вредное’, по данным сайта «Лингвистический корпус Пекинского университета», употребляется в художественном произведении XX века: «假若你要只承认冠家的存在是一种事实，你便也承认了日本人的侵略我们是不可避免的，因为*臭肉才会招来苍蝇*!» [老舍. 四世同堂 1944-1948] («Если ты признаешь существование семьи Гуань, то ты признаешь, что японская агрессия неизбежна, так как *только протухшее мясо может призывать мух к себе*!» [Лао Шэ. Четыре поколения под одной крышей // 1944-1948]). В данном контексте протухшее мясо символизирует семью Гуань, муха – это японская армия.

Пословица *一个苍蝇坏了一锅汤。– Одна муха может испортить всю кастрюлю супа* ‘мелкое, незначительное может причинить большой вред’ встречается в публицистике XX века, представленной в «Лингвистическом корпусе Пекинского университета»: «国企的海外形象要靠大家共同维护，并不是各管各的做一盘散沙状，因为海外人士只认“中国”二字，千万不要“*一只*

苍蝇坏了一锅汤。”» [王聪. 千万不要“*一只苍蝇坏了一锅汤*” // 工商时报 1994年] («Имидж государственных предприятий за морем должны поддерживать все, а не каждый сам по себе, как “блюдо сыпучего песка”, так как иностранцы только знают слово “Китай”, ни в коем случае нельзя допустить, чтобы «*Одна муха могла испортить всю кастрюлю супа*»» [Ван Кун. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы «*Одна муха могла испортить всю кастрюлю супа*» // Газета “торгово-промышленное время” 1994]). В данном случае обыгрывается стереотипное представление о вреде, причиняемом мухой, осуществляется перенос этого представления на государственные предприятия за морем, которые не соблюдают законы и дисциплину.

Таким образом, русские пословицы с компонентом «муха» вербализуют 8 общих с китайскими аналогами установок культуры. Стереотипное представление о насекомом, выраженное в буквальном плане пословиц, в основном совпадает в единицах двух языков. К национально-культурным различиям следует отнести 12 русских, лакунарных относительно китайского языка, установок культуры, наблюдаются культурно обусловленные расстановки акцентов: например, по-разному предлставлена оппозиция «ум – глупость» в русских и китайских пословицах с компонентом «муха». В пословичных единицах русского языка используются биномы *муха – паук, муха – орел, муха – комар, муха – таракан, муха – девка-вековуха, муха – дурак, муха – обух*, реализующие оппозиции «жертва – хищник», видовые соотношения, «насекомое – пища», «насекомое – предмет», сопоставление человека и насекомого, в то время как в китайских паремиях функционируют биномы, отражающие видовые соотношения, оппозицию «личинка – взрослое насекомое» и «насекомое – пища». Русские пословицы (всего 4 единицы) функционируют в основном в художественном дискурсе, в литературных произведениях конца XIX и конца XX веков. Китайские пословичные единицы (также только 4 единицы) употребляются в текстах художественных произведений конца XX века и в современной периодике, главным образом, в политическом дискурсе.

2.2.2. *Пчела*

Из БСРП и БСКП было отобрано 57 русских и 59 китайских пословиц с компонентом «пчела».

Русские и китайские пословицы с компонентом «пчела» содержат следующие 4 общих установки культуры (их вербализуют 36 русских и 40 китайских пословиц):

1. **У каждого свои предпочтения, каждому – свое:** *Люди рады лету, (а) пчела (пчелы) (рада/рады) цвету* (рус.); *Пчела рада цвету, а человек – лету* (рус.); *Люди ради лета, а пчелы (пчела) – цвета* (рус.); *Пастух рад лету, пчела – цвету, а сирота – привету* (рус.); *Пастух ради лета, а пчела ради цвета* (рус.); *Ласточка лепит гнезда, пчелка – соты* (рус.); *На цвет пчелка летит, а на приятство человек глядит* (рус.); *蜜蜂喜欢花，蚊子喜欢血。– Пчела любит цветок, комар любит кровь* (кит.); *香花引蜜蜂，臭味招苍蝇。– Ароматные цветы привлекают пчел, отвратительный запах призывает мух* (кит.); *蜻蜓低飞，蜂窝高筑。– Стрекозы летают на малой высоте, пчелы строят гнезда на высоких деревьях* (кит.). План выражения пословиц включает общее для двух лингвокультур стереотипное представление о том, что пчелы собирают мед с цветов, делают это в теплое время года. В русской паремиологии акцентируются соты, в которых насекомые хранят мед, а в китайской – гнездование диких пчел на деревьях.

2. **Красивое, лакомое привлекает к себе всех**: *И пчела летит на красный цветок* (рус.); *И пчелка летит на красный цветок* (рус.); *На красный цветок и пчела летит* (рус.); *На красный цвет и пчела летит* (рус.); *На хороший цветок и пчела летит* (рус.); *И пчела, живущая в дупле дерева, любит мед лотова цвета* (рус.); *蜜蜂专拣旺花飞。– Пчела только летит к свежим цветам* (кит.).

3. **Всё имеет две стороны, важно, на какую из них человек обращает внимание:** *С одного цветка пчела мед, а паук – отраву берут*

(рус.); *蜜蜂用嘴酿蜜，蚊子用嘴吸血。– Пчела ртом носит мед, комар ртом пьет кровь* (кит.).

4. **Во всяком деле нужна взаимопомощь:** *Одна пчела много меду не натаскает* (рус.); *Одна пчелка много меду не натаскает* (рус.); *单蜂酿不成蜜，独龙治不了水。– Одна пчела не принесет мед, один дракон не справится с наводнением* (кит.); *一蜂难酿蜜，粒米难熬粥。– Одна пчела не принесет мед, из одного зернышка невозможно сварить кашу* (кит.); *千条小溪流成河，万只蜜蜂凑成窝。– Тысячи ручейков слились в реку; десятки тысяч пчел собрались в гнездо* (кит.); *千条小溪流成河，万只蜜蜂垒成窝。– Тысячи ручейков слились в реку, десятки тысяч пчел построили гнездо* (кит.). Стереотипным представлением, отраженным и в русских, и в китайских пословицах, является обычай пчел жить большими семьями.

Пчела выступает **в русских и китайских иронических пословицах**: например, *Пчелы по овце, крылья по епанче, с поносу летят, заборы трещат* (рус.) – здесь наблюдается гиперболизация, пословица употребляется, когда речь идет о хвастуне. *蜂背虽花不称虎，蜗牛有角不是牛。– Хотя тело у пчелы пестрое, но все-таки пчела не является тигром* (кит.). В китайской пословице в плане выражения отражается стереотипное восприятие пчелы как насекомого с полосатым рисунком туловища.

Выделяются и отличающиеся установки культуры. Так, в русском языке это следующие из них (всего 21 русская пословица):

1. **Плохое порождает плохое:** *Плохие пчелы – плохой и мед*.
2. **Не все обладают равными способностями:** *Всякая муха жужжит, да не пчеле чета*.
3. **Чьему примеру последуешь, то с тобой и случится:** *С пчелой полетишь – в меду будешь, с жуком – в дерьме*; *За пчелой пойдешь – до меду дойдешь, за жуком пойдешь – до навозу дойдешь*; *Около пчелки – медок, около жучка – навоз*; *Подле пчелки – в медок, а подле жука – в дерьмо*; *Подле пчелки – в медок, (а) подле жука (жучка) – в навоз*.

4. **Боль можно причинить по-разному:** *Пчела жалит жалом, а человек – словом*.
5. **Чтобы добиться успеха, сначала надо приложить усилия:** *Кто любит мед – заводи пчел*.
6. **Труд имеет большое значение:** *Пчела мала, а и та работает*; *Пчелка мала, а и та работает*; *Мала пчела, да и та работает*.
7. **Чтобы добиться успеха, сначала надо преодолеть трудности:** *Чтобы спокойно есть медовый сот, надобно задавить пчел*; *Не погнетши пчел, меду не едать (не есть, не добудешь)*; *Не погнети пчел, меду не ясти*; *Не подрезав пчел, меду не съешь*.
8. **Без правителя нарушается порядок:** *И пчелки без матки – пропащие детки*; *Пчелки без матки – пропащие детки*. Одновременно в плане выражения пословицы отражено представление об устройстве, внутренней иерархии пчелиного роя, главенствующей роли пчелиной матки.
9. **Для всего нужна подходящая обстановка:** *Не жужжится пчелке в ненастье*. Наличие уменьшительно-ласкательной формы существительного (*пчелка*) указывает на мелиоративную оценку насекомого. План выражения пословицы вербализует многолетние наблюдения человека о поведении пчел в ненастную погоду.
10. **Чтобы успешно чем-либо заниматься, необходимо быть внимательным и собранным:** *Пчел водить – не разиня рот ходить*.
11. **Польза важнее сопровождающих ее неприятностей:** *Пчела хоть и кусает, да мед дает*. Стереотипное представление, вербализованное в плане выражения пословицы, содержит указание на способность пчел жалить.

Установками культуры, отраженными в китайских пословицах с компонентом «пчела» и безэквивалентными относительно русского языка, являются следующие (всего 20 китайских пословиц):

1. **Большую важность имеет коллективизм:** *要学蜜蜂共酿蜜，莫学蝴蝶自采花。– Учись у пчел, которые собирают мед вместе; Не учись у бабочек, которые собирают мед сами по себе*, *莫学蜘蛛各牵网，要学蜜蜂共采花。– Не учись у паука, который ткет паутину сам; Учись у пчел, которые собирают мед вместе*, *要学蜜蜂齐采花，莫学蜘蛛各织网。– Учись у пчел, которые собирают мед вместе; Не учись у паука, который ткет паутину сам*.
2. **Должный порядок присутствует в каждом обществе:** *蜂蚁也有君臣，虎狼也有父子。– Среди пчел и муравьев существуют правители и подчиненные, среди тигров и волков тоже существуют отцы и сыновья*. В этой пословице, в ее плане выражения, отражается стереотипное представление об иерархии отношений внутри коллективных насекомых.
3. **Из толпы всегда выделяется более способный:** *蜂多出王，人多出将。– Из множества пчел появится царь, из множества людей появится генерал*. «Царь» в плане выражения пословицы символизирует пчелиную матку.
4. **Более ленивый скорее попадет в беду, более трудолюбивый легко избавится от беды:** *只有冻死的苍蝇，没有累死的蜜蜂。– От мороза муха погибнет, от усталости пчела не умрет*.
5. **Во всяком добре живет зло, все имеет свою оборотную сторону:** *蜜蜂能酿蜜，屁股后头长着针。– Пчела приносит мед, но в ее попе жало*.
6. **Нужно быть благодарным за добро:** *吃蜜不忘蜂采花。– Ешь мед, не забудь труд пчел*.
7. **Чтобы извлечь пользу, надо иметь храбрость:** *要想吃蜜，别怕蜂叮；要想远行，莫怕狗咬。– Если хочешь пить мед, то не бойся пчелиного жала; Если хочешь отправиться в дальний путь, то не бойся укуса собаки*; *蜜虽好吃，当心蜂刺。– Хотя мед вкусный, но остерегайся пчелиного жала*.

8. **Трудолюбивый служит положительным примером, ленивый является плохим примером:** *要学蜜蜂采蜜，不学蜻蜓点水。– Учись у пчел, которые собирают мед; Не учись у стрекоз, которые касаются поверхности воды*; *不学知了唱高调，要学蜜蜂勤酿蜜。– Не учись у цикады, которая бросается красивыми словами; Учись у пчелы, которая собирает мед усердно*, *不学蝴蝶花前逛，要学蜜蜂酿蜜忙。– Не учись у бабочки, которая гуляет по саду; Учись у пчелы, которая собирает мед усердно*.
9. **Человек, испытавший боль или страх в прошлом, перестраховывается в будущем:** *一日被蜂叮，三年怕苍蝇。– Укушенный пчелой три года боится мухи*.

Проведенный анализ показал, что русские и китайские пословицы с компонентом «пчела» вербализуют больше общих, чем различных характеристик, составляющих стереотипное представление о насекомом, но вербализуют больше различных, чем схожих установок культуры.

Пчела в пословицах обоих языков символизирует человека, пословицы с этим компонентом вербализуют идеи о том, что каждому важно и существенно свое, что все имеет две стороны, что важна взаимопомощь, что маленькое существо может быть великим (в русских иронических пословицах). Лакунарными относительно китайского языка являются 12 проанализированных выше установок культуры. Соответственно, 9 установок культуры, выраженных в китайских пословицах с компонентом «пчела», лакунарны относительно русского языка.

Пословичный портрет пчелы (стереотипное представление о насекомом) и в русском, и в китайском языках имеет следующие общие черты: пчела имеет способность летать, работать вместе, приносить мед, жалить (кусать), насекомое живет в гнездах на деревьях, ее притягивают цветы и мед. Также существуют различающиеся стереотипные представления в русских пословицах: пчела – это мелкое насекомое, издает

характерный звук – жужжание; в китайских пословицах отмечается цвет тела пчелы – это пестрое насекомое, акцент ставится на трудолюбии пчел, поэтому данное насекомое служит положительным примером. Следует отметить, что и русские, и китайские пословицы фиксируют устройство пчелиного сообщества, иерархию внутри него. В китайских пословицах это представлено шире.

Пословичные биномы частотны в русских и китайских пословицах с компонентом *пчела*, существуют следующие паремийные биномы в русских пословицах: видовые соотношения: ***пчелка – матка*** (*Куда матка, туда и пчелки*; *Пчелки без матки – пропащие детки*; *И пчелки без матки – пропащие детки*), ***пчела – муравей*** (*Муравей не по себе ношу тащит, да никто ему спасибо не молвит; а пчела по искорке носит, да Богу и людям угождает*; *Муравьи да пчелы артелями живут: и работа спора*); ‘насекомое – растение’: ***пчела – цветок*** (*И пчела летит на красный цветок*; *На красный цветок и пчела летит*; *На хороший цветок и пчела летит*); ‘насекомое – пища’: ***пчела – мед*** (*Не погнети пчел, меду не ясти*; *Не подрезав пчел, меду не съешь*; *Жалит пчелка, жаль (жалко) меду (медку)*; *Кто любит мед – заводи пчел*). В китайских пословицах: видовые соотношения: ***пчела – матка*** (*蜂王不动蜂不动，蜂王一动乱哄哄 Если матка не двигается, то все пчелы не двигаются; Если матка двигается, то в гнезде шумно*; *修屋靠梁，蜂子靠王 Для ремонта квартиры важна балка, для пчел важна матка*), ***пчела – бабочка*** (*要学蜜蜂共酿蜜，莫学蝴蝶自采花 Учись у пчел, которые собирают мед вместе; Не учись у бабочек, которые собирают мед сами по себе*; *花香自有蜂蝶来 Пчелы и бабочки прилетят к ароматным цветам*; *花香引蜂蝶，人美惹风波 Пчелы и бабочки прилетят к ароматным цветам, проблемы вызывают красавицы*); ‘насекомое – растение’: ***пчела – цветок*** (*花香引得蜂自来 Пчела прилетит к ароматному цветку*; *蜜蜂专拣旺花飞 Пчела летит только к свежим цветам*; *香花引蜜蜂，臭味招苍蝇 Пчела прилетит к ароматному цветку, муха прилетит к вони*); ‘насекомое –

пища’: ***пчела – мед*** (*蜜蜂用嘴酿蜜，蚊子用嘴吸血 Пчела ртом носит мед, комар ртом пьет кровь*; *蜜蜂能酿蜜，屁股后头长着针 Пчела приносит мед, но в ее попе жало*; *蜜蜂酿蜜，不为己食 Пчела не для себя носит мед*) и др.

Полученные от информантов ассоциации были нами классифицированы по следующим тематическим группам:

Ассоциации русских респондентов (241 единица):

1. **Наименования пищевых продуктов** – 49 ассоциаций: мед (40), медовуха (напиток) (3), сладости (3), сахар, еда, воск.
2. **Вызываемые эмоции, ощущения и оценки** – 33 ассоциаций: трудолюбие (5), опасность (4), красивая (4), боль (3), польза (2), труженица (2), трудолюбивая (2), кормилица, больная, больно, полезная, дружелюбная, умная, доброта, уважение, здоровье, скрупулезность, братство.
3. **Наименования мест обитания** – 28 ассоциаций: улей (11), соты (9), пасека (3), поле (2), деревня, ферма, пчелиное гнездо.
4. **Наименования цветообозначений** – 23 ассоциации: полосатая (6), полоски (3), желтая (3), желтый (3), полоска, желтое и черное, оранжевый, полосы, черная, черно-желтая, черный, золотой.
5. **Поведение и типичные действия** – 21 ассоциация: укус (8), опыление (4), жалит (3), работа (2), кусает, несет мед, больно жалит, самолет.
6. **Наименования растений и их частей** – 20 ассоциаций: цветы (11), цветок (3), пыльца (2), черемуха, растения, ягоды, цветочки.
7. **Наименования отдельных частей тела** – 10 ассоциаций: жало (9), яд.
8. **Названия временных периодов** – 10 ассоциаций: лето (10).
9. **Обозначения звуков** – 9 ассоциаций: жужжание (3), жужжит (2), шум, громкая, жужжащая, гуд.
10. **Наименования провайдеров** – 8 ассоциаций: Билайн (8).
11. **Наименования зрительных, тактильных и вкусовых ощущений** – 7 ассоциаций: сладость (3), пушистая (2), мягкая, толстая.
12. **Свойства пчелы** – 6 ассоциаций: труд (3), старание, усердие, сплоченность.

13. **Последствия, вызываемые наличием пчел** – 4 ассоциации: аллергия (3), анафилактический шок.
14. **Наименования совокупностей насекомых** – 4 ассоциации: рой (2), семья, семейная.
15. **Наименования явлений природы и их восприятия** – 2 ассоциации: свежий воздух, природа.
16. **Наименования зоонимов** – 2 ассоциации: насекомое, медведь.
17. **Наименования человека** – 1 ассоциация: пчеловод.
18. **Прецедентные феномены** – 4 ассоциации:
    1) **названия фильмов и мультфильмов, имена их героев** – 3 ассоциации: «Винни пух» (3).
    2) **девизы** – 1 ассоциация: «лети как бабочка, жаль как пчела».

Итак, стереотипное представление о пчеле в русском языковом сознании, по результатам ассоциативного эксперимента, выглядит следующим образом: пчела четко относится к насекомым и к животным в целом (*насекомое, медведь*). Видимо, ассоциации с насекомым возникают в связи с тем, что пчела является видом насекомых, а медведь любит и ест пчелиный мед. Результат деятельности пчел – *мед*, а *медовуха* – алкогольный напиток из меда, мед сладкий, по ассоциации возникает слово *сладости*. Прежде всего, пчела ассоциируется с характерными чертами внешнего облика (*жало и яд*), которые причиняют вред человеку, вызывают болезни: *аллергия, анафилактический шок*. Цвета тела пчелы – полосатый, желтый, оранжевый, золотой и черный, в связи с этим возникают ассоциации *Билайн* – наименование провайдера. Пчелы – общественные насекомые, они живут семьями, вместе собирают мед, поэтому русские воспринимают пчел как большое количество, совокупность: *рой, семья, семейная*. Типичными чертами поведения являются способности жалить, опылять, работать/трудиться, приносить мед, летать, это трудолюбивое, усердное насекомое, издающее характерные звуки – жужжание, раздражающее человека. Пчела ассоциируется с теплым временным периодом, когда ее

жизнедеятельность проявляется наиболее активно: *лето*. Видимо, по этой же причине в ассоциативном поле появляются ассоциации *свежий воздух, природа*; *цветы, пыльца, ягоды* и др. Типичные места обитания – это естественные и искусственные жилища пчел (*улей, соты, пасека, пчелиное гнездо, поле, деревня, ферма*). Пчела вызывает и положительные, и отрицательные эмоции и оценки: с одной стороны, пчела – красивое, полезное, дружелюбное, умное насекомое, труженица, кормилица; с другой стороны, она больно жалит. Кроме того, пчела занимает определенное место в прецедентных феноменах русского языкового сознания. Прежде всего, это советский мультфильм «Винни пух» и девиз Кассиуса Клея «Лети как бабочка, жаль как пчела».

По данным «Русского ассоциативного словаря» одно из первых мест по частотности занимают ассоциаты *труженица, трудолюбивый, труд, работа, трудолюбивое насекомое, работяга, работящий, рабочий, трудиться, трудолюбие, трудяга* (РАС 1: 534). В русском языковом сознании пчела, прежде всего, ассоциируется с трудолюбивым человеком.

Тематические группы ассоциаций китайских респодентов приведены в Приложении № 4. Стереотипное представление о пчеле в китайском языковом сознании выглядит следующим образом (всего 267 ассоциаций): пчела четко относится к насекомым и животным в целом, (медведь, колибри-пчелка, пчелиная матка, бабочка, оса, рабочая пчела). Как и у русских респондентов, пчела ассоциируется с медведем и разными видами насекомых, ассоциация с колибри-пчелкой возникает в связи с тем, что пчела и колибри-пчелка являются мелкими существами, питаются медом, жужжат крыльями. *Мед* и *пчелиное молочко* – это то, что пчелы производят. Характерная черта внешнего облика насекомого: *жало*. Укусы пчел вызывают *красную опухоль*, *боль*. Цвета тела пчелы – *желтый*, *полосатый*, *яркий*, *разноцветный*, *желтый* и *черный*. Пчелы – живут роем, трудятся вместе, поэтому китайцы воспринимают пчел как совокупность: *семейная*. Типичными чертами поведения являются способности *жалить*, *опылять*,

собирать мед, *летать*, *кусать*. С одной стороны, это трудолюбивое, усердное, красивое, бескорыстное, любимое, полезное, верное, внимательное, смелое, активное, умное насекомое, с другой стороны, опасное, издающее характерные звуки – жужжание. Пчела ассоциируется с теплым временным периодом: *весна*. Типичные места обитания – *пчелиное гнездо*, *гора*. Пчела ассоциируется с *пчеловодом*, *садовником*, *крестьянами* – людьми, которые занимаются пчеловодством. Ассоциации *золото* и *деньги* возникают в связи с тем, что мед золотого цвета и его можно продать, а *базовые станции сотовой связи*, как и соты, имеют форму *шестиугольника*. Кроме того, пчела занимает определенное место в прецедентных феноменах китайского языкового сознания. В состав прецедентных феноменов входит большое количество фразеологизмов, в которых пчела является мелким, незначительным, лютым, опасным насекомым. Из прецедентных феноменов обращают на себя внимание название фильма (*«Вселенная Трансформеров»*), имена его героев (*Бамблби (Шершень)*, *Оптимус Прайм*).

Сопоставление данных, полученных в результате анализа ассоциативных реакций русских и китайских информантов на стимул «пчела», позволяет сделать следующие выводы.

В ассоциативно-вербальном поле русского языка для китайского языкового сознания лакунарными группами являются «наименования провайдеров» (*Билайн*), «наименования явлений природы и их восприятия» (*свежий воздух*, *природа*), в китайском ассоциативно-вербальном поле присутствуют лакунарные для русского языкового сознания группы: «наименования бытовых явлений и реалий» (*золото*, *деньги*, *базовые станции сотовой связи*, *шестиугольник*), «названия человеческой деятельности» (*пчеловодство*), «научные понятия» (*экологическая функция*). Отличия касаются объема и состава и других тематических групп, таких, как «вызываемые эмоции, ощущения и оценки», «поведение и типичные действия», «наименования зрительных, тактильных и вкусовых ощущений», «свойства пчелы», «наименования мест обитания», «наименования

зоонимов», «наименования цветообозначений», «названия и восприятие временных периодов», «обозначения звуков». Следует также отметить, что в китайском языке и языковом сознании фразеологизмы и пословицы, связанные с пчелой, играют более важную роль, чем у русских.

Итак, в пословицах и стереотипных представлениях обеих лингвокультур портрет пчелы имеет больше общих черт: пчела – маленькое, трудолюбивое, усердное, но опасное насекомое, это общественное насекомое, имеющее способность летать, жалить (кусать), работать вместе, приносить мед, жужжать. Типичное место обитания насекомого – улей, соты, гнездо, дерево. В целом, пчела оценивается как полезное насекомое, вызывает больше положительных эмоций и оценок.

Обратимся к анализу особенностей употребления рассматриваемых русских и китайских паремий в современных текстах художественной литературы, периодической печати, в интернет-пространстве.

Наиболее частотной, по данным НКРЯ, является пословица *Не погнетши пчел, меду не едать (не есть, не добудешь)* ‘невозможно воспользоваться чем-либо, тщательно охраняемым, не уничтожив защитников’: «Сотский Микула говорит Даниилу, отправляющемуся в поход против венгров: «Господине! *не погнетши (не растревожив) пчел, меду не едать*»» [Н.К. Гудзий. История древней русской литературы. (XI – XV вв.) (1938)]. В художественных текстах встречается замена компонента «*не погнетши»* на «*не передавивши»*: «“*Не передавивши пчел, меду не есть*”, – приговаривал Роман. Он навел такой страх на галичан, что те просили польского короля, чтобы он управлял ими сам или через своих наместников» [Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск первый: X – XIV столетия (1862-1875)]. Пословица *Чтобы спокойно есть медовый сот, надобно задавить пчел* является синонимом рассмотренной единицы и также встречается в художественном произведении XIX века: «Многие спаслися бегством в другие земли: он старался возвратить их, обещая им всякие милости, обманывал; но чрез

несколько времени вымышлял клевету, обвинял сих легковерных во мнимом злоумышлении, казнил и присваивал себе их достояние, говоря в пословицу: *чтобы спокойно есть медовый сот, надобно задавить пчел*» [Н.М. Карамзин. История государства Российского: Том 3 (1808-1818)].

Пословица *И пчелки без матки – пропащие детки* ‘трудно жить, не имея защитника, покровителя’ также встречается в контексте из художественного произведения XIX века: «Только, бывало, сиротку завидят, тотчас и обидят, а пожалуется, не стерпя побоев, Даренка, ей же пуще достанется… Правду люди говорят, что *и пчелки без матки – пропащие детки*» [П.И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга первая (1871-1874)].

Пословица *Пчелка и та взятку берет* ‘взятка – дело обычное’, как и рассмотренные выше паремии, встретилась в тексте XIX века: «– Да ведь ежели разобрать правильно, так все мы у батюшки-то царя воры и взяточники. Правду надо говорить… *Пчелка и та взятку берет*. Нашлись доброхоты и заступники, которые припоминали за Полуяновым немало добра» [Д.Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб (1895)].

Таким образом, 4 русских пословицы с компонентом «пчела» встречаются в НКРЯ, но не позднее конца XIX века. Эти единицы функционируют без изменения своего значения. Только пословица *Не погнетши пчел, меду не едать (не есть, не добудешь)* допускает вариативность компонента «не погнетши».

Перейдем к анализу китайских паремий.

Пословица *只有冻死的苍蝇，没有累死的蜜蜂。– От мороза муха погибнет, от усталости пчела не умрет* ‘ленивый скорее попадет в беду, усердный легко избавится от беды’ встречается в контексте из художественного произведения XX века, представленном в «Чжишиван»: «要吃蜂蜜就得养蜂, 要有学问就得勤奋学习。学习, 要像蜜蜂酿蜜那样勤奋, 在知识的花园中不知疲倦地采集, 再采集。要做辛勤的蜜蜂, 不做悠闲的知了。*只有冻死的苍蝇, 没有累死的蜜蜂*» [元昊. 蜜蜂集 // 蜜蜂杂志 1980年 第01期]

(«Если хочешь пить мед, то надо разводить пчел; если хочешь быть мудрым, то надо усердно учиться. Учись, будь так же усерден, как пчелы, которые без устали собирают мед в саду знаний. Будь “трудолюбивой пчелой”, а не “бездельной цикадой”. «*От мороза муха погибнет, от усталости пчела не умрет*»» [Юань Хао. Сборник о пчелах // Журнал «Пчела» 1980 № 01).

Других китайских пословиц в современных текстах нам не встретилось.

Таким образом, пословичный портрет пчелы (стереотипное представление о насекомом) и в русском, и в китайском языках имеет общие черты. Различия же сводятся к акцентированию в русских паремиях мелкого размера насекомого, издаваемого характерного звука – жужжания. В китайских же пословицах отмечается цвет тела пчелы – это пестрое насекомое, акцент ставится на трудолюбии пчел. Следует отметить, что в китайских пословицах шире представлена иерархия внутри пчелиного сообщества. В целом, в обеих лингвокультурах пчела оценивается как полезное насекомое, вызывает больше положительных эмоций и оценок. Национально-культурные различия сводятся к тому, что в русских пословицах акцентируются такие установки культуры, которые приводят к успеху, принесению пользы, отмечается важность труда, а в китайских – трудолюбие как черта человека и коллективизм. Интересно, что пословичные биномы в русских и китайских пословицах совпадают. Это видовые соотношения: *пчела-матка, пчела – муравей*, ‘насекомое – растение’: *пчела – цветок,* ‘насекомое – пища’: *пчела – мед*. Из проанализированных русских пословиц только 4 встретились в художественных контекстах XIX века, а из китайских паремий – только одна пословичная единица в контексте художественного произведения конца XX века.

2.2.3. *Комар*

Из БСРП и БСКП было отобрано 50 русская и 10 китайских пословиц с компонентом «комар».

Русские и китайские пословицы с компонентом «комар» не вербализуют общих установок культуры. В русских пословицах выражены следующие лакунарные относительно китайского языка установки:

1. **У каждого свои повадки, свой способ достижения одной и той же цели:** *Виремские комары летят и едят, а сухонские сядут, а потом кусят*.
2. **Необходимо соизмерять усилия с тем делом, которым человек занимается:** *За мухой не с обухом, за комаром не с кнутом*; *За комаром не с топором*; *За комаром не с топором, с чекушкой – за пичужкой*.
3. **Где проблема, слабые места, там и опасность/угроза:** *На голое брюхо летит комар да (и) муха*.
4. **Каков отец, таков и сын:** *Комар комара рождает, человек – человека*; *Слон рождает слона, а комар комара*; *Комар родит комара, человек человека*.
5. **О несоответствии (несовпадении) желания и возможности его осуществить:** *Очи орлиные, а крылья комариные*.
6. **Что-то не страшное с виду может таить большую опасность:** *Запел комаром, а сел томаром* (*томар* – это стрела с костяным тупым наконечником для боя соболя, куницы, горностая).
7. **Мелкое и незначительное может противостоять чему-то крупному:** *И комары лошадей заедают*; *И большой медведь от малого комара страдает*.
8. **Для достижения цели важен сильный могущественный помощник:** (иронические пословицы) *И комар лошадь свалит, если волк поможет*; *И комар лошадь свалит, коли волк пособит*; *Комар лошадь свалит, коли волк пособит*.
9. **От неприятности трудно избавиться:** *Ино от комара да в две руки не отмашешься*.
10. **Что-то приходится делать по необходимости, а не по желанию:** *Комар весь век поет, да не от радости*.

11. **Даже что-то мелкое может сильно раздражать:** *Комар поет тонко, да звонко*; *Комар тонко, да звонко* (пословицы построены на рифме).
12. **Человек может обращать внимание на мелочи, а более существенных вещей не замечать:** *Комаров исцеживает, а перепелки сквозь пальцы летят*.
13. **Можно стремиться завладеть далеким, не замечая доступного:** *За семь верст комара искали, а комар на носу*!
14. **Извлечение пользы на своем месте, путем своего ремесла:** *Купец – комар: где сидит, там и пьет*.
15. **Человек становится слабым, если у него нет необходимого:** *Мужик без топора хуже комара*.
16. **Нельзя обвинять человека с физическими недостатками:** *На слепого комара нету суда никогда*.
17. **Жадного человека невозможно удовлетворить:** *Не напахать на комара опары, и пьет и хлебает* (*опара* – тесто, заправленное дрожжами или закваской).
18. **Чтобы реализовать (продать) что-либо, нужно это похвалить:** *Рассыпал гость* [‘купец’] *товар, да запел как (что) комар*.
19. **Интенсивное (даже отрицательное) воздействие приводит к положительному результату:** *Сильный ветер комаров прогоняет, а сильное горе людей утишает*.
20. **Пустословие бессмысленно**: *Словом (и) комара не убьешь*.
21. **От столкновений сильных мира сего страдают обычные люди:** *Слоны трутся, а между (меж) собой комаров давят*.
22. **Всё может измениться:** *Ныне мухи засрали, а ране и комары не слетали*.
23. **Что-либо может не соответствовать реальному положению дел:** *Комар дрова рубит и репу жрет*.
24. **Работа может быть выполнена настолько идеально, что в ней невозможно найти ни малейшего изъяна:** *Комар носа не подточит.*

Установками культуры, отраженными в китайских пословицах с компонентом «комар» и безэквивалентными относительно русского языка, являются следующие:

1. **Каждому – свое:** *蜜蜂喜欢花，蚊子喜欢血。– Пчела любит цветок, комар любит кров; 公人见钱，蚊子见血。– Служащий увидел деньги, словно комар увидел кровь*.
2. **Каждый боится чего-то определенного:** *蚂蟥听水响，蚊子听巴掌。– Конская пиявка обращает внимание на звук воды, а комар на звук пощечины*; *人怕理，马怕鞭，蚊虫怕火烟。– Человек боится правды, лошадь боится плети, комар боится огня и дыма*.
3. **Существует некая минимальная мера:** *蚊子嘴，苍蝇腿。– Уста комара, ножки мухи*.
4. **Ничто не происходит без причины**, **для всего должны быть условия:** *破帐蚊虫多。– В рваном пологе комаров много*.
5. **Возможности коллектива безграничны:** *蚂蚁搬动泰山，聚蚊可以成雷。– Муравьи и гору Тайшань перенесут, писк множества комаров бывает равносилен грому*.

Итак, в русском и китайском языках пословицы с компонентом «комар» вербализуют различные установки культуры.

Пословичный портрет комара (стереотипное представление о насекомом) и в русском, и в китайском языках имеет следующие общие черты: комар – это мелкое, незначительное насекомое, он пьет кровь человека и животных, типичные места обитания насекомого – это сырое помещение. Комар в русских пословицах издает тонкий, но звонкий звук, у него тоненькое жало (нос). В русских иронических пословицах комар является значительным, огромным насекомым. В китайских пословицах особо акцентируется большое количество комаров, что связано с влажным и жарким климатом большинства провинций. В китайских пословицах комары могут быть значимы, когда они собираются вместе.

Перейдем к рассмотрению пословичных биномов в русских и китайских пословицах с компонентом *комар*. В русских пословицах выделяются следующие паремийные биномы: ‘насекомое – инструмент’: ***комар – топор*** (*За мухой не с обухом, за комаром не с топором*; *За комаром не с топором*; *За комаром не с топором, с чекушкой – за пичужкой*), ‘насекомое – временной период’: ***комар – пора*** (*Комары кусают лишь до поры*; *Кусают (и) комары до поры*), ‘насекомое – крупное животное’: ***комар – слон*** (*Слон рождает слона, а комар комара*; *Слоны трутся, а между (меж) собой комаров давят*). В китайских пословицах представлены такие биномы: ‘кровососущий зооним – кровососущий зооним’: ***конская пиявка – комар*** (*上山要防花蚊子，下田要防水蚂蟥 На горе защитить от цветных комаров, на рисовом поле защитить от конских пиявок*; *蚂蟥听水响，蚊子听巴掌 Конская пиявка обращает внимание на звук воды, а комар на звук пощечины*), ‘видовые противопоставления’: ***комар – пчела*** (*蜜蜂喜欢花，蚊子喜欢血 Пчела любит цветок, комар любит кровь*; *蜜蜂用嘴酿蜜，蚊子用嘴吸血 Пчела ртом носит мед, комар ртом пьет кровь*).

Для построения ассоциативно-вербальных полей «комар» в русском и китайском языках нами был проведен свободный ассоциативный цепочечный эксперимент. Полученные ассоциации были нами классифицированы по тематическим подгруппам.

Ассоциации русских респондентов (всего 228 единиц):

1. **Поведение и типичные действия** – 39 ассоциаций: укус (21), кусает (7), пьет кровь (2), кусается (2), сосет кровь, укусы, мешает, кусающийся, полет, быстрый, сосет.
2. **Последствия, вызываемые наличием комаров** – 35 ассоциаций: чесотка (8), малярия (7), зуд (3), чешется (3), боль (3), болезни (2), покраснение (2), прыщи, красные пятна, болячка, синяк, постоянно чешется, бессонная ночь, чешется место укуса.
3. **Обозначения звуков** – 31 ассоциация: писк (12), жужжит (5), жужжание

(5), пискливый (2), пищит (2), хлопок, звук, шум, жужжащий, звон.

4. **Наименования отдельных частей тела человека и зоонимов** – 28 ассоциаций: кровь (26), усы, носик.
5. **Наименования мест обитания** – 26 ассоциаций: лес (10), болото (6), деревня (2), дача (2), природа (2), палатка, река, Барнаул, Крым.
6. **Названия и восприятие временных периодов и суток** – 23 ассоциации: лето (16), ночь (4), летом, тепло, весна.
7. **Вызываемые эмоции и оценки** – 17 ассоциаций: кровопийца (4), гад, кровосос, сложно убить, непереносимость, вредный, дискомфорт, раздражает, противный, раздражение, неприятный, отвращение, мерзость, укол.
8. **Наименования приспособлений для уничтожения насекомых** – 8 ассоциаций: спрей (2), фумигатор (2), крем от укусов, средство от комаров, запах таблеток от комаров, средства против комаров.
9. **Свойства комара** – 7 ассоциаций: назойливый (4), назойливое насекомое, надоедливый (2).
10. **Наименования цветообозначений** – 3 ассоциации: черный (2), желтый.
11. **Наименования зоонимов** – 2 ассоциации: личинка, животное.
12. **Наименования человека** – 2 ассоциации: женщина (2).
13. **Обозначения размера** – 2 ассоциации: маленький, большой.
14. **Обозначения количества** – 2 ассоциации: большие количества, большое количество.
15. **Прецедентные феномены** – 3 ассоциации:

1) **имена персонажей мифов и легенд** – 2 ассоциации: вампиры, вампир.
2) **пословицы** – 1 ассоциация: Комар носа не подточит.

Стереотипное представление о комаре в русском языковом сознании выглядит следующим образом: комара четко относят к зоонимам, кровососущим насекомым (ассоциаты *кровопийца*, *личинка*, *животное*, *кровосос*). Характерные черты внешнего облика насекомого: *черный*, *желтый*. Комар бывает разного размера (ассоциации *маленький*, *большой*),

насекомые воспринимаются как множество: *большое количество*. Ассоциация *женщина* возникает, вероятно, от знания, что кусаются самки комаров. Типичные черты поведения – *способность кусать, сосать, летать, жужжать,* это *быстрое, назойливое, надоедливое насекомое*. Комар ассоциируется с теплым временным периодом, когда его жизнедеятельность проявляется наиболее активно: *лето*, *летом*, *тепло*, *весна*. *Лес*, *болото*, *деревня*, *природа*, *река*, *дача*, *палатка* – наиболее типичные места обитания комара. Насекомое может привести к *чесотке*, *малярии*, *зуду*, *боли*, *болезни*, *покраснению*, *прыщу*, *красным пятнам*, *болячке*, *синяку*, *бессонной ночи*, видимо, по этой же причине комар вызывает исключительно отрицательные эмоции и оценки. Человек стремится избавиться от комаров, отсюда ассоциации: *спрей*, *фумигатор*, *крем от укусов*, *средство от комаров*, *запах таблеток от комаров*, *средства против комаров*. Укус комара ассоциируется с *уколом*. Под влиянием мифов и легенд и по сходству функций в сознании русских респондентов возникает ассоциация *вампиры*.

Результаты проведенного нами эксперимента подтверждаются данными «Русского ассоциативного словаря» (РАС 1: 262).

Тематические группы ассоциаций китайских респодентов приведены в Приложении № 4. Стереотипное представление о комаре в китайском языковом сознании выглядит следующим образом (всего 256 ассоциаций): китайские респонденты, так же, как и русские, четко относят комара к животным, насекомым (*муха*, *цветной комар*, *насекомое-вредитель*, *летучая мышь*, *бактерия*). В отличие от русского языкового сознания, комар ассоциируется с *грязью*, *грязной водой*, *мусоркой*, *навозной кучей*. Главные признаки насекомого: *черный*, *тёмно-зелёный цвет*, но размер только один – *мелкий*. Китайцы тоже воспринимают комаров как совокупность, множество: *много*, *большое количество.* В китайском языковом сознании комары ассоциируются не только с летом, но и с осенью, когда их жизнедеятельность проявляется более активно. Типичные места обитания – это *канализация*, *туалет*, *ферма*, *парк*. Типичными чертами поведения насекомого является

способность *сосать, летать, кусать, жужжать*, это *быстрое, надоедливое*, насекомое, которое образует *рой*. Рассматривается как *переносчик различных инфекций, болезней*. При этом, комар вызывает отрицательные эмоции и оценки, ассоциируется с наименованием человека: *убийца*, негативная оценочность непосредственно отражается во фразеологизмах: *гнездо крапивника, ресничка комара; рожки улитки, ресничка комара* (перен.: ‘кое-что мельчайшее, ничтожное, микроскопическое’), *заставить комара нести на спинке гору* (перен.: ‘не в силах справиться с порученным делом’), фразеологизмы *скрежетать зубами*, *каждый старается ударить* (перен.: ‘реакция от гнева, возмущения’) соотносятся с реакциями человека после укуса комара – ненавистью, гневом, возмущением. Носитель китайского языка стремится избавиться от комаров, предотвратить их нападение, отсюда ассоциации *мухобойка*, *средства от комаров*, *москитная сетка*, *одеколон*, *спрей*, *натуральный бальзам*, *оконная сетка*, *инсектицидная лампа*, *борьба с эпидемией*, *электрическая комаробойка. Трубка*, *игла* – наиболее распространенные реалии, которые по форме и функции похожи на хобот комара, *живое ископаемое*, *янтарь* – камни, в смоле которых застывают и сохраняются насекомые, а внутри *рваного полога*, вокруг *лампы* часто собираются комары. Из прецедентных феноменов обращает на себя внимание политическое движение 60-х годов прошлого века, имевшее целью уничтожение насекомых-вредителей и птиц, наносящих урон урожаю. Кроме того, комар занимает важное место в других прецедентных феноменах китайского языкового сознания. Прежде всего, это американский фильм «Сумеречная сага», американский сериал «Дневники вампира», природная пословица *По утрам мухи собираются, по вечерам комары собираются*.

В целом стереотипные представления двух народов совпадают. Комар воспринимается как мелкое, вредное насекомое, от которого пытаются избавиться. Отличия касаются объема и состава тематических групп, таких, как «наименования приспособлений для защиты от насекомых и их уничтожения», «наименования мест обитания», «наименования бытовых

реалий». Относительно русского языка лакунарной группой являются китайские ассоциаты «нечто грязное, гниющее, разлагающееся». В связи с различными культурно-историческими и политическими причинами в китайском ассоциативно-вербальном поле присутствуют лакунарные для русского языкового сознания группы прецедентных феноменов.

Обратимся к анализу особенностей употребления рассматриваемых русских и китайских паремий в современных текстах.

Пословица *Слоны трутся, а между (меж) собой комаров давят* ‘сильные мира сего выясняют отношения, а страдают обычные люди’ встречается в контекстах из художественных произведений XX века, представленных в «Национальном корпусе русского языка» в усеченном варианте: «Как это, по пословице: *слоны трутся – комаров давят*. Комару, сиречь личности, не возбраняется при этом зудеть, но из-за топа слоновых пят и схватки трубных голосов писк этот попросту не слышен» [С.Д. Кржижановский. Разговор двух разговоров (1931)]; «Абстрагируя ситуацию, я начал с максим, так называемой народной мудрости: что ж, *слоны трутся, комаров давят*. Затем от народной мудрости я перешел к мудрости не народной» [С.Д. Кржижановский. Странствующее «странно» (1930)].

Пословица *За комаром не с топором* ‘нужно соизмерять свои усилия с поставленной целью’, по данным сайта «Национальный корпус русского языка», употребляется в контексте из художественного произведения XIX века: «Наконец, я его поймал, и мы часов до 3-х просидели. Что за славный человек этот Оболенский! Насчет моих стихов скажу вам только, что выражение: *за комаром с топором* и пр.» [И.С. Аксаков. Письма родным (1849-1856)].

Пословица *И комар лошадь свалит, коли волк пособит* ‘для достижения успеха важно иметь сильного союзника’ употребляется в художественном произведении XIX века: с заменой компонента: «Ну, и выходит, что они над тобой свою мужицкую фантазию разыгрывают, а ты

стой да молчи… Горько! Свиньи, брат, они все! Того и не поймет, подлец, что *и комар лошадь повалит, коли медведь подсобит*, а я видал-таки на своем веку медведей-то!..» [М.Е. Салтыков-Щедрин. Два отрывка из «Книги об умирающих» (1857-1865)].

Самой употребительной, по данным НКРЯ, оказалась пословица *Комар носа не подточит* ‘о чем-либо, выполненном так, что невозможно придраться’, встретившаяся 74 раза в основном и газетном подкорпусах в современных контекстах XXI века. Например: «Прогнали из фирмы, где она работала товароведом. Ее шеф по фамилии Жукинс растратил больше половины денег фирмы и все списал на мать, причем так ловко, что *комар носа не подточит*. Жукинс потребовал, чтобы она выплатила долг. Из квартиры в оплату долга ушло почти все более или менее ценное» [Максим Милованов. Естественный отбор (2000)]; «Подделки поражали высоким уровнем. С виду— *комар носа не подточит*, в реальности же полная липа. За фирмой организовали наблюдение. Выяснили, что у нее целых пять офисов в центре Москвы» [Владимир Перекрест. Отпетые уголовники стали чиновниками Минюста // Известия, 2004.05.20]; «Многократная победительница турниров "Большого шлема" Мартина Навратилова утверждает, что поймать теннисиста на подтасовке результата матча очень сложно. - Если я захочу проиграть встречу, то сделаю это так, что *комар носа не подточит*, - сказала Мартина. - Поэтому есть только один способ пресечь это зло— пожизненная дисквалификация нечестных игроков. По-моему, это единственный метод борьбы с коррупцией в теннисе» [Налбандян Зураб. Скотленд-ярд занялся теннисом // Труд-7, 2008.06.24]; «Если попались на удочку, вернуть свои деньги практически невозможно. Даже если вам дали квитанцию и договор, скорее всего, он составлен так витиевато, что *комар носа не подточит*. Вы же добровольно отдали деньги, получили товар— с продавца взятки гладки! P. S. А как вас обманывали?» [Александр Дыбин. «Продам чудо-прибор и таблетки от всех болезней. Дешево!» // Комсомольская правда, 2009.02.07]; «Знаки-стрелки,

указывающие друг на друга, легко выстраиваются в цепочку. История загерметизирована, свидетели в заговоре, они давно перетерли между собой все показания, *комар носа не подточит*. Событие превратилось в сюжет, доступно для пересказа, при желании его даже можно экранизировать. Каноническая версия готова» [Екатерина Завершнева. Высотка (2012)]. Обращает на себя внимание факт употребления данной пословицы в тех случаях, когда речь идет о незаконных, криминальных или коррупционных действиях.

Пословиц с компонентом *комар* в материалах «Национального корпуса китайского языка» нам не встретилось.

Таким образом, пословичный портрет комара (стереотипное представление о насекомом) и в русском, и в китайском языках имеет общие черты. Различия сводятся к акцентированию в русских паремиях носа насекомого, издаваемого тонкого, но звонкого звука. В китайских же пословицах отмечается большое количество комаров, акцент ставится на значимости толпы комаров. Следует отметить, что в китайских пословицах представлена важность коллектива. В целом, в обеих лингвокультурах комар оценивается как мелкое, незначительное насекомое, пьет кровь человека и животных, вызывает исключительно отрицательные эмоции и оценки. Национально-культурные различия сводятся к тому, что в русских пословицах акцентируются такие установки культуры, которые дают знание о том, что даже у мелкого существа значимость, отмечается важность сильного помощника, соизмерения усилия, несовпадение желания и возможности, а в китайских важны условия, коллективизм. В пословичных единицах русского языка используются биномы *комар – топор, комар – пора, комар – слон,* реализующие оппозиции «насекомое – инструмент», «насекомое – временной период», «насекомое – крупное животное», в то время как в китайских паремиях функционируют биномы *конская пиявка – комар*, *комар – пчела*, отражающие оппозицию «кровососущий зооним – кровососущий зооним», видовые противопоставления. Из проанализированных русских пословиц 4

встретились в художественных контекстах XIX, XX, XXI веков, а пословиц с компонентом *комар* в материалах «Национального корпуса китайского языка» нам не встретилось.

2.2.4. *Блоха*

Из БСРП и БСКП было отобрано 44 русских и 22 китайских пословицы с компонентом «блоха». Следует отметить, что в русских паремиях существительное может выступать в уменьшительной форме – *блошка*, что обусловлено, вероятно, мелким размером насекомого.

Русские и китайские пословицы с компонентом «блоха» содержат следующие общие установки культуры (их вербализуют 17 русских и 10 китайских пословиц):

1. **Что-то незначительное (или кто-то, кого не принимают во внимание) может причинить большой вред:** *Блошка мала, а больно кусает* (рус.); *Не велика блошка, а спать не дает* (рус.); *Невеличка (Не величка) блошка, а спать не дает* (рус.); *Не велика блоха, да спать не дает* (рус.); *Мала блошка, а и царю спуску не дает* (рус.); *Мелкая блоха злее кусает* (рус.); *顶不起被窝的跳蚤，咬人一样疼。– Хотя блоха не поднимает ватное одеяло, но место ее укуса нестерпимо болит* (кит.); *骆驼大，人骑；跳蚤小，咬人。– На большом верблюде человек ездит, человека мелкая блоха кусает* (кит.).

Содержащееся в буквальном смысле пословиц стереотипное представление о насекомом фиксирует маленький размер блохи, способность больно кусать человека и типичное место обитания – постельные принадлежности (одеяло).

2. **Не надо преувеличивать чьи-либо способности.** Блоха присутствует в русских и китайских иронических пословицах, в которых блоха является сильным, огромным насекомым: *Блоха проскочила, стол повалила* (рус.); *Спросонья и блоха медведем кажется* (рус.); *Блоху на цепь*

приковали (рус.); *苍蝇想把墙碰倒，跳蚤想把被撑翻。– Муха хочет завалить стену, блоха хочет откинуть одеяло* (кит.).

3. **У каждого свои предпочтения, каждому – свое:** *У всякого своя блошка, своя вошка* (рус.); *狗蚤贴狗身，狗死蚤就灭。– Собачьи блохи живут у собаки, если собака умрет, то и блохи умрут* (кит.).

4. **Чтобы добиться успеха, надо набраться терпения:** *Торопом только блох ловить* (рус.); *Спешка нужна при ловле блох* (рус.); *Спешить хорошо лишь блох ловить* (рус.); *Скоро блох ловят* (рус.); *除了抓跳蚤，做事莫匆忙。– Кроме ловли блох, не надо заниматься другими делами торопливо* (кит.). В плане выражения этой группы пословиц двух языков отмечается быстрота передвижения насекомого.

5. **Из-за малого есть риск потерять большое:** *Осердясь на блох (блоху), да и шубу в печь* (рус.); *Рассердясь на блох, да и шубу (одеяло) в печь* (рус.); *Осердяся (Осердясь) на блохи – да одеяло в печь* (рус.); *不为一蚤撕棉衣。– Не порвать ватник из-за одной блохи* (кит.).

Существуют также установки культуры, вербализованные только в русских или только в китайских пословицах. В русских пословицах с компонентом «блоха» выражены следующие лакунарные относительно китайского языка установки культуры (всего 27 русских пословиц):

1. **И у ничтожного существа есть своя значимость:** *Мала блошка, да колодой ворочает*; *Блоха и колоду ворочает*; *И блоха сила, пока под ноготь не угодила*.

2. **Можно навредить человеку, создав ему небольшую, но мучительную проблему.** *Я тебе посажу блошку за ушко*; *Посадили блоху за ухо, да и почесаться не дадут (не дают)*.

3. **Нельзя однозначно плохо судить о чем-то (ком-то):** *Не плоха (и) блоха*; *Есть в нем блохи, да не плохи*.

4. **Свой своего не трогает:** *Блоха блоху не ест*.

5. **Скупость осуждается:** *Скупой из блохи голенище кроит*; *Из блохи голенище, а из спички топорище*. Буквальный план паремий вербализует представление о крайне мелком размере насекомого.

6. **Легко (купить) получить, тяжело (продать) избавиться:** *Купить – как вошь убить, продать – блоху поймать*; *Купить – что (как) вошь убить, а продать – что (как) блоху поймать*.

7. **Даже способный человек может попасть в беду:** *Прытка (бойка) блоха, да и та ино в пальцах вязнет*.

8. **Что-то может разрешиться само собой, без усилий:** *Слетела блошка как с пояса брошка*.

9. **Ничто не происходит без причины:** *Просто и блоха не кусает*.

Установками культуры, отраженными в китайских пословицах с компонентом «блоха» и безэквивалентными относительно русского языка, являются следующие (всего 12 китайских пословиц):

1. **Не стоит недооценивать проблему:** *大拳头打不着小跳蚤。– Не уничтожить мелкую блоху большим кулаком*; *十个指头按不住一个跳蚤。– Даже десять пальцев не задавят одну блоху*; *十个指头按不着十个跳蚤。– Даже десять пальцев не задавят десяти блох*.

2. **Мелкое и незначительное не может противостоять чему-то крупному:** *几个跳蚤，顶不起被子来。– Несколько блох ватное одеяло не поднимают*; *跳蚤顶不起被，沟水翻不了船。– Блохи ватное одеяло не поднимают, в канаве судно не перевернется*.

3. **Возможности одного человека малы:** *一个指头，按不住几个跳蚤。– Один палец несколько блох не задавит*; *一个指头，按不住两个跳蚤。– Один палец двух блох не задавит*; *一个跳蚤顶不起被窝。– Одна блоха ватное одеяло не поднимает*.

4. **Более слабый не может причинить вред более сильному:** *大象不觉跳蚤叮。– Слон не чувствует укуса блохи*.

Итак, и русские, и китайские пословицы с компонентом «блоха» вербализуют больше различных, чем общих установок культуры.

Пословичный портрет блохи и в русском, и в китайском языках имеет следующие общие черты: блоха – это мелкое, незначительное, ловкое насекомое. Типичные места обитания блохи – это одеяло, шуба, старые места, тело человека, собака. Она больно кусает, причиняет вред человеку, вызывает неприятные эмоции и оценки, ее пытаются поймать. В отличие от китайских пословиц, в русских иронических пословицах блоха – это огромное, значительное, невредное насекомое.

Блоха в пословицах обоих языков символизирует человека, пословицы с этим компонентом вербализуют идеи о том, что даже что-то ничтожное может причинить вред, что не надо преувеличивать чьи-либо способности, что каждому важно и существенно свое, что для достижения успехов важно терпение, что из-за малого можно потерять большое. Лакунарными относительно китайского языка являются 9 проанализированных выше установок культуры. Соответственно, 4 установки культуры, выраженных в китайских пословицах с компонентом «блоха», лакунарны относительно русского языка.

Перейдем к рассмотрению пословичных биномов в русских и китайских пословицах с компонентом *блоха*. Существуют следующие паремийные биномы в русских пословицах: ‘насекомое – одежда’: ***блоха – шуба*** (*Осердясь на блох (блоху), да и шубу в печь*; *Рассердясь на блох, да и шубу (одеяло) в печь*), ***блоха – голенище*** (*Из блохи голенище, а из спички топорище*; *Скупой из блохи голенище кроит*), в китайских пословицах: ‘насекомое – постельные принадлежности’: ***блоха – ватное одеяло*** (*一个虱顶不起被窝 Одна блоха ватное одеяло не поднимает*; *几个跳蚤，顶不起被子来 Несколько блох ватное одеяло не поднимают*; *顶不起被窝的跳蚤，咬人一样疼 Хотя блоха не поднимает ватное одеяло, но место его укуса нестерпимо болит*), ‘насекомое – часть руки человека’: ***блоха – кулак*** (*大拳*

头打不着小跳蚤 Не уничтожить мелкую блоху большим кулаком; *拳头打不着跳蚤 Не уничтожить блоху кулаком*), ***блоха – палец*** (*一个指头，按不住几个跳蚤 Один палец несколько блох не задавит*; *一个指头，按不住两个跳蚤 Один палец двух блох не задавит*; *一个指头只能按一个蚤 Один палец только задавит одну блоху*).

Полученные в проведенном эксперименте на стимул «блоха» ассоциации были нами классифицированы по следующим тематическим подгруппам:

Ассоциации русских респондентов (всего 220 единиц):

1. **Наименования зоонимов** – 48 ассоциаций: собака (21), кошка (8), животное (6), животные (3), собаки (2), вредитель (2), домашнее животное, насекомое, кошки и собаки, коты, вошь, блохастый кот.
2. **Последствия, вызываемые наличием блох** – 32 ассоциации: чешется (6), болезнь (6), чесотка (5), боль (2), чесаться (2), дискомфорт, проблема, вред, неприятность, зуд, трудно избавиться, заразная, дизентерия, чума, переносчик инфекции, больница.
3. **Поведение и типичные действия** – 29 ассоциаций: прыжки (12), укус (6), кусается (4), прыгает (4), кусает, прыгать, лезет к животным.
4. **Обозначения размера** – 24 ассоциации: маленькая (12), мелкая (4), маленький размер (2), крошечная, мелочь, малый размер, малая, невидимая, невозможно найти.
5. **Вызываемые эмоции и оценки** – 19 ассоциаций: неприятная (4), опасность (2), противная (2), неприятность (2), раздражение, плохая, вредная, злая, мне хочется чистить, вызывает раздражение, мерзость, враг, яд.
6. **Свойства блохи** – 10 ассоциаций: быстрая (2), назойливая (2), ловкая, подвижная, быстрота, прыгучая, надоедливая, хитрость.
7. **Нечто грязное, гниющее, разлагающееся** – 8 ассоциаций: грязь (5), грязно, грязный дом, пыль.

8. **Наименования отдельных частей тела человека и животного** – 7 ассоциаций: волосы (3), шерсть (3), кровь.
9. **Наименования цветообозначений** – 5 ассоциаций: черная (4), белый.
10. **Наименования бытовых реалий** – 5 ассоциаций: шкаф (3), пальто, кровать (постельные блохи).
11. **Наименования мест обитания** – 2 ассоциации: улица, окопы.
12. **Наименования приспособлений для уничтожения насекомых** – 2 ассоциации: спрей, ошейник от блох.
13. **Единичные ассоциации:**
    1) **профилактические мероприятия** – ванная.
    2) **наименования человека** – бездомный.
    3) **обозначения звуков** – пропоет.
    4) **обозначения количества** – много блошек.
    5) **названия временных периодов** – лето.
    6) **наименования растений и их частей** – лес.
14. **Прецедентные феномены** – 23 ассоциации:
    1) **названия сказок, лексика, связанная со сказками** – 18 ассоциаций: Лесков «Левша» (из сказки) (8), кузнец (2), подкова (4), заковать блоху, подковать блоху, подковать, Королевская блоха.
    2) **фразеологизмы** – блошиный рынок (3).
    3) **песни** – романс (1), Мефистофель (песня о блохе).

Итак, стереотипное представление о блохе в русском языковом сознании выглядит следующим образом: блоху четко относят к животным, насекомым (*собака, кошка, животное, вошь, насекомое*). Видимо, ассоциации с данными животными возникают в связи с тем, что блохи паразитируют на животных, а собака и кошка являются самыми популярными домашними животными в современной русской семье, а вошь – это мелкое кровососущее паразитическое насекомое, и по внешнему виду и по образу жизни очень похожа на блоху, обе они являются насекомыми-паразитами. Блоха ассоциируется с грязью. Характерные черты внешнего облика

насекомого: черная. Блоха имеет маленький размер: *маленькая, мелкая, крошечная, малая, невидимая*, *мелочь*, и насекомые обычно водятся в большом количестве: *много*. Типичными чертами поведения являются способность прыгать и кусать, это быстрое, подвижное, ловкое, назойливое, надоедливое насекомое. Вероятно, в связи с этим блоха рассматривается как хитрое насекомое. *Шкаф*, *пальто*, *кровать*, *улица*, *окопы* – наиболее типичные места обитания блохи, кроме того, чаще всего блохи бывают у бездомных людей, т.к. нет возможности помыться. Насекомое вызывает исключительно отрицательные эмоции и оценки. Воспринимается как переносчик различных инфекций, болезней, видимо, по этой же причине блоха рассматривается как враг. Человек стремится избавиться от блох сам и избавить от них домашних животных, отсюда ассоциации: *ванна, хочется чистить*, *спрей*, *ошейник от блох*. Под влиянием сказки «Левша» Николая Семеновича Лескова в сознании русских респондентов возникают ассоциации: *«Левша»*, *кузнец*, *подковать блоху, подкова*, а под влиянием сказки Марка Наумовича Горбовца – «Королевская блоха». Блоха занимает определенное место в прецедентных феноменах, связанных с музыкой. Прежде всего, это вокальное музыкальное произведение композитора Модеста Петровича Мусоргского «Песня о блохе». Блоха вызывает ассоциацию: *блошиный рынок* (фразеологизм) – это место, где продают с рук какие-то товары, чаще одежду, посуду и т.п.

Тематические группы ассоциаций китайских респодентов приведены в Приложении № 4. Стереотипное представление о блохе в китайском языковом сознании выглядит следующим образом (всего 243 ассоциации): как и русские, китайские респонденты четко относят блоху к животным, насекомым (*собака*, *кошка*, *крыса*, *баран*, *домашняя птица*, *животное*, *паразит*, *саранча*, *комар*, *вошь*, *насекомое-вредитель*). Блоха так же, как и в русском языковом сознании, вызывает ассоциации *грязь*, *нечистоплотная*, *вонючая*, *не купаться*. По данным ассоциативного эксперимента, размер блохи – *мелкая*, *маленькая*. Типичными чертами поведения являются

способность прыгать, кусать, сосать кровь, лазить, прятаться, это быстрое, гибкое, надоедливое насекомое, способное быстро размножаться. Типичные места обитания – это место, где имеется антисанитарное состояние: *деревня*. С городскими жилыми помещениями блоха не ассоциируется. *Расчёска*, *одеяло*, *ковер* – наиболее распространенные реалии, на поверхности которых можно видеть блоху, а *мяч для пинг-понга, батут* – предметы, связанные с прыжками. Как и в русском языковом сознании, блоха вызывает исключительно отрицательные эмоции и оценки, которые непосредственно отражаются во фразеологизмах: *метать громы и молнии* (перен.: выйти из себя), *не болит и не чешется* (перен.: не затрагивать существа дела), *чесать ногу через сапог* (перен.: напрасно, бесполезно), *хвататься за уши и чесать щеки* (перен.: быть в замешательстве, не находить себе места от волнения), которые в прямом (буквальном) смысле соотносятся с реакциями человека после укуса блохи – ненавистью, гневом, нетерпением, равнодушием. Блоха рассматривается как переносчик различных инфекций, болезней. По свойству человеческого сознания здесь появляются и антонимы – *санитария*, *сушить на солнце*, *купаться*, *генеральная уборка*, как меры, которые нужно принимать для защиты от инфекционных заболеваний. Человек стремится избавиться от блох, отсюда ассоциации *средство от насекомых, спрей, Гексахлоран C6H6Cl6.* Следует отметить, что блоха ассоциируется с целым рядом оценочных наименований людей – по их моральным качествам и социальному статусу: *плохой человек*, *бедный человек.* Из прецедентных феноменов обращает на себя внимание политическое движение 60-х годов прошлого века, имевшее целью уничтожение насекомых-вредителей и птиц, наносящих урон урожаю. Как в русском, так и в китайском музыкальном сознании блоха играет важную роль, которая проявляется в ассоциации: *«Песня о блохе»*. Кроме того, блоха занимает важное место в других прецедентных феноменах китайского языкового сознания. Прежде всего, это французский мультфильм «Монстр в Париже», главный персонаж мультфильма – огромное чудовище, в которое превращается блоха, в

довольстве жившая на спине у обезьяны; китайский классический роман «Речные заводи», персонаж китайского мультсериала «Милый козлик и Серый волк» – Мэй Янян, так как Мэй Янян – козлик, а в реальной жизни блохи бывают у коз. Гу Шанцзао (дословно: блоха на барабане) – один из главных героев в китайском романе «Речные заводи», Гу Шанцзао занимается воровством, он легко и быстро передвигается, на него как будто не действует сила тяжести, вероятно, по этой причине его называют блохой на барабане. Как и в русском языке, в китайском возникает ассоциация *блошиный рынок* – наименование места, заимствовано из европейских языков. Как и в русском языке, блошиный рынок – это барахолка, место, где люди недорого покупают и продают старые вещи, антиквариат.

Сопоставление полученных в результате анализа ассоциативных реакций русских и китайских информантов о блохе позволяет сделать следующие выводы.

В целом стереотипные представления двух народов совпадают. Блоха воспринимается как мелкое, ловкое насекомое, причиняющее вред человеку, от блохи пытаются избавиться.

В ассоциативно-вербальном поле русского языка для китайского языкового сознания лакунарной группой являются «наименования цветообозначений» (*черный*). Отличаются и ассоциации-названия сказок, лексика, связанная со сказками. В русском языке это ассоциации, восходящие к прецедентному тексту русской сказки «Левша». Отличия касаются объема и состава и других тематических групп, таких, как «поведение и типичные действия», «наименования приспособлений для уничтожения насекомых», «профилактические мероприятия». В то же время, в связи с различными культурно-историческими и политическими причинами, в китайском ассоциативно-вербальном поле присутствуют лакунарные для русского языкового сознания группы, входящие в состав прецедентных феноменов: «названия фильмов и мультфильмов, имена их героев», «чэнъюй (фразеологизмы)», «названия художественных

произведений», «яньюй (пословицы)», «названия политических движений». Следует также отметить, что в китайском языке и языковом сознании фразеологизмы и пословицы, связанные с блохой, играют более важную роль, чем у русских.

Обратимся к анализу особенностей употребления рассматриваемых русских и китайских паремий в современных текстах художественной литературы, периодической печати, в интернет-пространстве.

Пословица *Осердясь на блох (блоху), да и шубу в печь* встречается в контекстах из художественных произведений XIX в., представленных в НКРЯ: «Следующая беседа о законах этики. Утилитаризм в законе этики. Собеседник[и] (неразобр.) Степа. *Осердясь на блох да и шубу в печь*» [Л.Н. Толстой. Собеседники (1877-1878)].

Пословица *Просто и блоха не кусает,* по данным НКРЯ, употребляется в художественном произведении XX века. Например: «– То есть, как же это я – цыган? Почему – цыган? – А очень даже просто. – *Просто и блоха не кусает*, а с умыслом» [М.А. Шолохов. Поднятая целина. Книга 2 (1959)]. Паремия имеет расширение, уточняющее ее значение – «с умыслом». Значение пословицы: ‘ничто не происходит просто так, все имеет свою подоплеку, цель’.

Пословица *Торопом только блох ловить* ‘нельзя спешить в важном деле’ встретилась в художественном произведении начала XX века с заменой компонента: «Издатель притиснул ладонями листки к столу: – Нет-с. *Торопом только блох бьют*. Не такое это дело, чтоб ах, да рукою мах» [С.Д. Кржижановский. Воспоминания о будущем (1929)].

Таким образом, из 44 русских пословиц с компонентом «блоха», зафиксированных в словарях, в НКРЯ встретились только 3 единицы с единичными употреблениями.

Перейдем к анализу китайских паремий.

Пословица *十个指头按不住一个跳蚤。– Даже десять пальцев не задавят одну блоху* встречается в контексте из художественного

произведения XXI века, представленном в «Чжишиван»: «*十个指头按不住一个跳蚤*，可是眼下，人们都想十个指头按跳蚤。当上小官又想当大官，一边读学位一边又考着职称，舍不得名声，又放不下金钱，丢不下老婆，又不断情人» [阮直. 十个指头按不住一个跳蚤 // 思想工作论坛 2004年] («*Даже десять пальцев не задавят одну блоху*, но сейчас все хотят, чтобы десять пальцев задавили блоху. Когда человек становится маленьким чиновником, он хочет быть крупным; одновременно хочет получить и ученую степень и должность; хочет быть знаменитым, но не желает тратить деньги; никак не бросит ни жену, ни любовницу» [Жуань Чжи. *Даже десять пальцев не задавят одну блоху* // Трибуна о идеологической работе 2004]).

Следует отметить, что остальные китайские пословицы не употребительны в настоящее время.

Таким образом, пословичный портрет блохи (стереотипное представление о насекомом) и в русском, и в китайском языках имеет общие черты. Разница проявляется в том, что в русских иронических пословицах блоха – огромное, невредное насекомое. В целом, в обеих лингвокультурах блоха – это мелкое, ловкое, кровососущее насекомое, паразитирующее на теле человека и животного, бывающее на одеяле, насекомое больно кусает, вызывает неприятные эмоции и оценки. Национально-культурные различия сводятся к тому, что в русских пословицах акцентируются такие установки культуры, подчеркивающие значимость ничтожного существа, а в китайских – возможности мелкого, незначительного малы, важен коллективизм. В пословичных единицах русского языка используются биномы *блоха – шуба, блоха – голенище,* реализующие оппозицию «насекомое – одежда», в то время как в китайских паремиях функционируют биномы *блоха – ватное одеяло, блоха – кулак, блоха – палец*, отражающие оппозиции «насекомое – постельные принадлежности», «насекомое – часть руки человека». Из проанализированных русских пословиц только 3 встретились в художественных контекстах XIX и XX веков, а из китайских паремий –

только одна пословичная единица в контексте художественного произведения XXI века.

2.2.5. *Вошь*

Из БСРП и БСКП было отобрано 30 русских и 38 китайских пословиц с компонентом «вошь». Как и в случае с блохой, существительное *вошь* используется в русских пословицах в уменьшительной форме – *вошка*, вероятно, в силу мелкого размера насекомого.

Русские и китайские пословицы с компонентом «вошь» содержат следующие общие установки культуры (их вербализуют 2 русских и 3 китайских пословицы):

1. **У каждого свои проблемы, каждому – свое:** *У всякого своя блошка, своя вошка* (рус.); *狗咬花公子，虱咬贫寒人。– Собаки кусают повесу, вши кусают бедных* (кит.); *穷生虱子富生疥。– У бедных разводятся вши, у богатых появляются чесоточные сыпи* (кит.).
2. **Всякое случается:** *Не дивно тому, что вошь в пироге бывает* (рус.); *蔫皮虱子咬死人。– Не очень активная вошь закусает человека до смерти* (кит.).

Другие установки культуры вербализованы только в русских или только в китайских пословицах. В русских пословицах с компонентом «вошь» выражены следующие лакунарные относительно китайского языка установки культуры (всего 27 русских пословиц):

1. **Легко (купить) получить, тяжело (продать) избавиться:** *Купить – как вошь убить, продать – блоху поймать*; *Купить – что (как) вошь убить, а продать – что (как) блоху поймать*.
2. **Спешка не доводит до добра:** *Быстрая вошка первая на гребешок попадает (попадет) на гребешок*; *Быстрая вошка попала на гребешок*.
3. **Каждый человек хочет иметь деньги, достаток:** *Всякая вошь хочет грош*.
4. **О странном поступке:** *Изловя вошь, отпустить хошь*.

5. **Не нужно создавать благоприятные условия тому, от кого ждешь неприятностей:** *Не надобно вошь к шубе сажать*.
6. **Человеку трудно понять другого (чужого)**: *Не своя вошь кусает: не знаешь, где чесать*.
7. **Многое видится по-другому, когда есть опыт попадания в сложную ситуацию:** *Не укусывала его своя вошь*.
8. **За одной неприятностью могут следовать другие:** *Одна вошь идет, а за собой сто ведет*.
9. **Можно чувствовать себя победителем с кем-то более слабым, а перед сильным трусить:** *Богатырь на клопа, на вошку, може и на блошку, а на таракана – погоди*.
10. **Не надо нарушать границы своего пространства:** *Держись, вошь, своего тулупа*!
11. **Проблема может быть глубже, чем кажется:** *Не вошь ест, а гнида точит*.
12. **О ком-то, кто нашел для себя хорошие условия:** *Освоила вошь коросту* (неодобрительно).
13. **Что-то незначительное может создать проблему:** *Подпустил ему бес блошку и вошку*.
14. **Вошь частотна *в иронических пословицах*:**
    1) **случается то, во что трудно поверить:** *Бывает, что и вошь кашляет* (ироническая пословица).
    2) **нужно быть оптимистом, зря не грустить, не думать о плохом:** *Жить печалиться – вошь навалится. Сядь на чело, да не думай ничего! Ножки суши, а себя не круши* (ироническая пословица).
    3) **о ком-либо, находящемся в состоянии крайней бедности:** *Богатей! Скотины не оберешься: и воши, и блохи, и клоп живет*; *Присвоила вошь коросту, кобыла – ременный кнут* (иронические пословицы).
    4) **отсутствие значимого результата:** *Думал много, да вошь и поймал* (ироническая пословица).

5) **о человеке, который не соблюдает правил приличия, не отвечает на приветствия:** *Блошка по саду гуляла, вошка кланялась, да блошка чванилась* (ироническая пословица).

Установок культуры, отраженных в китайских пословицах с компонентом «вошь» и безэквивалентных относительно русского языка, намного больше:

1. **Где проблема, слабые места, там и ищи причину:** *发痒的地方有虱子。– Где чешется, там и вши.*
2. **Где проблема, слабые места, там появляются определенные признаки:** *哪里有鬼哪里就有恐惧，哪里有虱子哪里就痒。– Где привидение, там и страх; где вошь, там и зуд.*
3. **Все плохое где-то прячется:** *破衣藏虱，破屋藏贼。– Вши скрываются в порванной одежде, воры скрываются в разрушенных домах.*
4. **Бедность отталкивает, создает проблемы:** *人穷朋友少，衣破虱子多。– У бедных друзей мало, в порванной одежде вшей много*; *人穷亲朋少，衣烂虱子多。– У бедных друзей и родственников мало, в порванной одежде вшей много.*
5. **Если у человека много проблем, то он везде чувствует себя плохо:** *人若满身虱子痒，坐在哪儿都不稳当。– Если человека беспокоит зуд от укусов вшей по всему телу, то он нигде не сидит удобно.*
6. **У бедных людей много горя:** *羊瘦虱子多，人穷灾难密。– У овец вшей много, у бедных бедствий много.*
7. **Если человек морально нечистоплотный, то он и совершает плохие поступки:** *癞皮猪上虱子多。– На паршивой свинье вшей много.*
8. **У каждого имеется свой противник:** *一物降一物，口水治狗虱。– Одна вещь побеждает другую, вошь уничтожается слюной*; *一物治一物，糯米治木虱。– Одна вещь побеждает другую, вошь уничтожается клейким рисом.*

9. **Причина и следствие тесно связаны:** *脏生虱子火生疮。– Где грязь, там и вши; Где внутренний жар, там и чирьи*; *脏生虱子懒生病。– Где грязь, там и вши; Кто ленивый, у того и болезнь*.
10. **Каждому – свое:** *狗的知己是虱子，锅的知己是勺子。– Друг собаки – вошь, друг кастрюли – ложка*.
11. **Ко всему можно привыкнуть:** *虱多不痒，债多不愁。– Вшей много – не чешется, долгов много – не беспокоитс;*, *虱子多了不怕咬。– Вшей много – не боится укусов*; *多债不想，多虱不痒。– Долгов много – не беспокоится, вшей много – не чешется*; *虱多身不痒。– Вшей много – не чешется*.
12. **Нельзя из-за малого терять большое:** *不能因为虱子撕皮袄。– Не порвать шубу из-за вше;*, *不为一虱烧棉袄。– Не сжечь ватник из-за одной вши*.
13. **Незначительное не может быть важным:** *草多不烧灶，虱多不压秤。– Хотя в печи много соломы, но печь не пережжется; хотя на человеке много вшей, но вес человека не повысится*.
14. **От проблем трудно полностью избавиться:** *逮不净的虱子，拿不尽的匪。– Невозможно поймать всех вшей, невозможно уничтожить всех разбойников*.
15. **Ничто не происходит без причины:** *风不动，树不摇；虱不咬，人不挠。– Ветер не дует, деревья не качаются; Вошь не кусает, человек не чешется*.
16. **У богатого все лучше:** *富人的虱子双眼皮。– У богатых даже вши имеют двойные веки*. (ироническая пословица)
17. **Талантливый занимается делом – бездарный бездельничает:** *好班子哼曲子，赖班子捉虱子。– Хорошая оперная группа поет песню, плохая оперная группа ловит вшей*.
18. **У того, кто занимает более высокое социальное положение, тоже есть**

проблемы: *皇帝身上也有三个御虱。– На теле императора тоже три императорских вши.*

19. **Для хорошего результата нужно усилие очень многих:** *一个虱子顶不起床单。– Одна вошь ватное одеяло не поднимает*; *几个虱子，顶不起被窝。– Несколько вшей ватное одеяло не поднимают.*
20. **Чем больше количество чего-либо, тем больше проблем:** *虱多身痒，人多嘴杂。– Вшей много – чешется тело, людей много – много и мнений.*
21. **Беда/опасность не коснутся трудолюбивого человека:** *虱子不咬忙人。– Вши не кусают занятых людей.*
22. **Нет повода – нет действия:** *虱子不咬人不挠。– Вошь не кусает, человек не чешется.*
23. **Более ловкий легко избавится от опасности/угрозы:** *猴子手上走不掉虱子。– В руках обезьян вши не уйдут.*
24. **О чем-то легко осуществляемом:** *就手牵羊，点灯捉虱。– С легкостью увести овцу, при свете ловить вшей.*
25. **В некоторых случаях размер не важен:** *牛大压不死虱子，山大压不住泉水。– Большой бык не задавит вошь, большая гора не задержит источник.*
26. **Чтобы добиться успеха, надо приложить усилия:** *灭光虱子好睡觉，灭光虫子多打粮。– Чтобы хорошо спать, заранее убей вшей; Чтобы получить обильный урожай, заранее уничтожь насекомых-вредителей.*
27. **О чем-либо принципиально невозможном:** *和尚头生虱，盐包里出虫。– На голове у монаха разводятся вши, в пачке соли разводятся черви* (ироническая пословица).
28. **Не стоит тратить силы на что-то в данный момент не главное:** *搏牛之虻，不可以破虮虱。– Если хочешь уничтожить вшей у быка, не стоит ловить слепней.*

Итак, и русские, и китайские пословицы с компонентом «вошь» вербализуют больше различных, чем общих установок культуры.

Пословичный портрет вши и в русском, и в китайском языках имеет следующие общие черты: вошь – это мелкое, вредное насекомое. Типичными чертами поведения насекомого являются способность быстро передвигаться, кусать, не давать спать. Вши водятся в большом количестве, быстро размножаются. Типичные места обитания вшей – это одежда, постельные принадлежности, шкура или мех животных (собаки, обезьяны, овцы, свиньи). Укусы вшей вызывают зуд, от расчесов после укуса появляется корка на теле, наличию вшей способствует бедность, грязь, люди пытаются поймать и убить этих насекомых. Кроме того, в иронических пословицах вошь гиперболизируется, выступает как значительное насекомое.

Пословицы с этим компонентом вербализуют идеи о том, что у каждого имеются свои проблемы, что всякое случается. Лакунарными относительно китайского языка являются 18 проанализированных выше установок русской культуры. Соответственно, 28 установок культуры, выраженных в китайских пословицах с компонентом «вошь», лакунарны относительно русского языка.

Перейдем к рассмотрению пословичных биномов в русских и китайских пословицах с компонентом *вошь*. Можно выделить следующие паремийные биномы в русских пословицах: ***вошь – грош*** (в данном случае важную роль играет наличие рифмы): (*Есть вошь, а будет и грош*; *Вошь – что заемный грош: спать не дает*; *Вошь – что заемной грош: спать долго не даст*; *Всякая вошь хочет грош*), ‘насекомое – последствия от расчесов на коже’: ***вошь – короста*** (*Освоила вошь коросту*; *Освоила вошь коросту, да черт ей дал*; *Присвоила себе вошь коросту*), ‘насекомое – бытовой инструмент для вычесывания насекомых из волос на голове’: ***вошка – гребешок*** (*Быстрая вошка первая на гребешок попадает (попадет)*; *Быстрая вошка попала на гребешок*), ‘насекомое – одежда’: ***вошь – шуба*** (*Столь бы тебе вош под шубу, как в 15 лет девку*; *Не надобно вошь к шубе*

сажать), видовые соответствия: ***вошь – блоха*** (*Купить – как вошь убить, продать – блоху поймать*; *Купить – что (как) вошь убить, а продать – что (как) блоху поймать*; *У всякого своя блошка, своя вошка*; *Подпустил ему бес блошку и вошку*). В китайских пословицах: ‘насекомое – денежные обязательства’: ***вошь – долг*** (*多债不想，多虱不痒 Долгов много – не беспокоится, вшей много – не чешется*; *虱多不痒，债多不愁 Вшей много – не чешется, долгов много – не беспокоится*), ‘насекомое – постельные принадлежности’: ***вошь – ватное одеяло*** (*几个虱子，顶不起被窝 Несколько вшей ватное одеяло не поднимают*; *一个虼蚤顶不起床单 Одна вошь ватное одеяло не поднимает*), ‘насекомое – бедная одежда’: ***вошь – порванная одежда*** (*破衣藏虱，破屋藏贼 Вши скрываются в порванной одежде, воры скрываются в разорванных домах*; *人穷朋友少，衣破虱子多 У бедных друзей мало, в порванной одежде вшей много*; *人穷亲朋少，衣烂虱子多 У бедных друзей и родственников мало, в порванной одежде вшей много*), ‘насекомое – отсутствие чистоты’: ***вошь – грязь*** (*脏生虱子火生疮 Где грязь, там и вши; Где внутренний жар, там и чирьи*; *脏生虱子懒生病 Где грязь, там и вши; Кто ленивый, у того и болезнь*), видовые соответствия: ***вошь – блоха*** (*不怕疥疮水，只怕虱子跳蚤嘴 Не бояться чесотки, бояться только рта вши и блохи*; *跳蚤作事，连累虱子 Блоха делала гадости и впутывала вшей*).

Чтобы реконструировать «портрет» насекомого в современном языковом сознании носителей двух языков, мы обратились к ассоциативному цепочечному эксперименту.

Полученные ассоциации были нами классифицированы по следующим тематическим подгруппам:

Ассоциации русских респондентов (всего 187 ассоциатов):

1. **Наименования отдельных частей тела человека и животного** – 34 ассоциации: волосы (17), шерсть (7), кровь (5), голова (2), голова человека, лысина, бритая голова.

2. **Последствия, вызываемые наличием вшей** – 30 ассоциаций: болезнь (6), чесотка (5), чешется (3), лечение (2), зараза (2), копается, чесание головы, чесание, сложно выводить, прыщи, переносит болезни, красные пятна, опухший глаз, боль, проблема, много проблем, пятна.
3. **Наименования зоонимов** – 20 ассоциаций: животное (9), животные (2), блоха (2), гнида (2), клоп, собака, вредитель, личинки, насекомое.
4. **Вызываемые эмоции и оценки** – 21 ассоциация: вред (10), опасность (2), неприятность, противная, вредная, страшная, раздражение, мерзость, гадость, мерзко, ничтожество.
5. **Наименования мест и условий обитания** – 13 ассоциаций: школа (5), лагерь (2), свалка, часто бывают в детских лагерях, детский дом, летний лагерь, лагерная, война.
6. **Поведение и типичные действия насекомого** – 12 ассоциаций: прыгает (5), укус (3), кусает (2), прыжок, живет в голове.
7. **Обозначения размера** – 12 ассоциаций: маленькая (4), мелкая (2), размер, маленький размер, крошечная, маленький, маленькие, малый.
8. **Нечто грязное** – 12 ассоциаций: грязь (6), плохой запах, грязная, мусор, от грязи, нечистый, антисанитарные условия.
9. **Наименования человека** – 10 ассоциаций: дети (4), бомж (2), человек, бездомный, бедняк, нездоровый человек.
10. **Меры профилактики и уничтожения насекомых** – 7 ассоциаций: шампунь (3), стрижка, вода, карантин, запах дезинсектора.
11. **Наименования бытовых реалий** – 5 ассоциаций: парик, шкаф платяной, шинель, подушка, гребешок.
12. **Наименования цветообозначений** – 4 ассоциации: черная (2), белый, коричневый.
13. **Свойства вши** – 3 ассоциации: кусачая (2), сосущие.
14. **Периоды жизни человека** – 2 ассоциации: детство (2).
15. **Обозначения количества** – 1 ассоциация: большое количество.
16. **Прецедентное имя** – 1 ассоциация: Маяковский.

Итак, стереотипное представление о вше в русском языковом сознании выглядит следующим образом: характерные черты внешнего облика вши: *черная*, *белая*, *коричневая*, вошь имеет маленький размер: *маленькая*, *мелкая*, *маленький размер*, *крошечная*, *маленький*, *маленькие*, *малый* воспринимается как множество: *большое количество*. Насекомое вызывает исключительно отрицательные эмоции и оценки, типичными чертами поведения являются способность *прыгать*, *кусать*, *сосать*, насекомое рассматривается как переносчик различных инфекций, болезней, наличие вшей вызывает неприятные последствия: *чешется*, *лечение*, *чесание головы*, *чесание*, *сложно выводить*. Насекомое ассоциируется с *грязью*, *плохим запахом*, *мусором*, *антисанитарными условиями*, поэтому человек стремится избавиться от вшей, отсюда ассоциации: *шампунь*, *карантин*, *запах дезинсектора*, *стрижка*. Вошь четко относится в языковом сознании к животным, кровососущим насекомым (*животное*, *паразит*, *блоха*, *гнида*, *клоп*, *собака*, *вредитель*, *личинки*, *насекомое*), ассоциации с данными животными возникают в связи с тем, что вошь паразитирует в шерсти животных, собака – одно из самых популярных домашних животных у русских, блоха и клоп – это мелкие кровососущие паразитические насекомые, по внешнему виду и по поведению очень похожи на вошь, а личинка и гнида – фазы жизненного цикла вши. *Школа*, *лагерь*, *свалка*, *детский дом*, *летний лагерь*, *война* – наиболее типичные места и условия обитания вши, вероятно, по этой же причине, возникают ассоциации *парик*, *шкаф платяной*, *шинель*, *подушка*, *гребешок*. Чаще всего вши бывают в волосах *детей*, *бомжа/бездомного человека*, *бедняка*, *нездорового человека*. Вошь присутствует в стихотворении Маяковского «Нате!»: «*Все вы на бабочку поэтиного сердца взгромоздитесь, грязные, в калошах и без калош. Толпа озвереет, будет тереться, ощетинит ножки стоглавая* ***вошь***».

Тематические группы ассоциаций китайских респондентов приведены в Приложении № 4. Стереотипное представление о вше в китайском языковом сознании выглядит следующим образом (всего 230 ассоциаций): по данным

ассоциативного эксперимента главные внешние признаки насекомого: *красная*, *черная*, вошь бывает разного размера: (ассоциации) *мелкая*, *не видеть глазом*, *большая*), количество вшей: *много*, *связка*, *большое количество*. Типичными чертами поведения являются способность прыгать, кусать, сосать, это надоедливое насекомое, способное быстро размножаться. Как и в русском языковом сознании, насекомое рассматривается как переносчик различных инфекций, болезней, возникают реакции человека: *чешется*, *нестерпимая боль*. Вошь ассоциируется с влажной, теплой средой: *дождь*, *тепло*, *сырость*, вызывает ассоциации с антисанитарными условиями: *грязь*, *нечистоплотная*, *не купаться*, *не мыть голову*, *грязные волосы*, *нечистая*, *покрыться плесенью*, *остатки еды*. Насекомые бывают у *бомжа*, *нечистоплотного человека*, *детей в деревне*, *временных (сезонных) рабочих из крестьян*, т. к. нет возможности помыться. Как и русские, китайские респонденты четко относят вошь к зоонимам, насекомым (*паразит*, *обезьяна*, *собака*, *лев*, *блоха*, *животное*, *яички насекомых*, *дикие животные*, *бактерия*, *кошка*, *насекомое-вредитель*, *домашние птицы и дикие животные*, *бык*, *свинья*). Типичные места обитания – это места, где имеется антисанитарное состояние: *деревня*, *тюрьма*, *кварталы бедноты*, а *гребешок*, *расческа*, *кровать* – наиболее распространенные реалии, на поверхности которых можно видеть вошь. Насекомое паразитирует в волосах и шерсти, сосет кровь человека и животных, вызывает исключительно отрицательные эмоции и оценки, которые непосредственно отражаются во фразеологизмах: *хвататься за уши и чесать щеки* (перен.: быть в замешательстве, не находить себе места от волнения), *ловить вшей на голове тигра* (перен.: безрассудная храбрость). Человек стремится избавиться от вшей, отсюда ассоциации *спрей*, *купаться*, *стричься*, *переодеваться*, *бритьё*. Из прецедентных феноменов обращает на себя внимание политическое движение 60-х годов прошлого века, имевшее целью уничтожение насекомых-вредителей и птиц, наносящих урон урожаю. Кроме того, вошь занимает важное место в других прецедентных феноменах китайского

языкового сознания. Прежде всего, это фрагмент прозы Чжан Айлин «Сон гения» – «*жизнь – красивая одежда, на которой везде вши*»; монография по мастерству стрельбы из лука – «*Попадать (стрелой) в вошь*»; американский мультфильм *«Король Лев»* и главный его герой *Симба* (англ. *Simba*; в переводе с суахили – «лев»), данные ассоциации возникают в связи с тем, что в китайском языке произношения слов *лев* и *вошь* одинаковы – Shi zi. Герой известной повести Лу Синя «Подлинная история А-Кью» – *А-Кью*, является обычным китайским бродягой начала XX века, он находится на самой низкой ступени социальной лестницы, не имеет представления о морали, нравственности. Главный герой рассказа Лу Синя «Кун Ицзи» – *Кун Ицзи*, является жалким неудачником, дошедшим до босяцкого состояния. Герой сериалов режиссера Чжан Гэ «Путешествия Цзигуна» – *Цзигун*, который является канонизированным буддийским юродивым монахом. Трое этих героев – бедняки, они занимают низкое социальное положение, у них низкий уровень жизни, вероятно, по этой причине с ними ассоциируется вошь.

В целом стереотипные представления двух народов совпадают. Вошь воспринимается как незначительное, вредное насекомое, от которого пытаются избавиться. Отличия касаются объема и состава тематических групп, таких, как «наименования отдельных частей тела человека и животного», «наименования зоонимов», «поведение и типичные действия», «наименования мест обитания», «наименования бытовых реалий», «профилактические мероприятия». В то же время, в связи с различными культурно-историческими и политическими причинами, в китайском ассоциативно-вербальном поле присутствуют лакунарные для русского языкового сознания группы, входящие в состав прецедентных феноменов: «яньюй (пословицы)», «чэнъюй (фразеологизмы)», «гуаньюнъюй (привычные выражения)», «названия фильмов и мультфильмов, имена их героев», «наименования политических движений», «названия художественных произведений и прецедентные высказывания».

Обратимся к анализу особенностей употребления рассматриваемых русских и китайских паремий в современных текстах художественной литературы, периодической печати.

По данным НКРЯ, пословица *Рассердясь на вшей, да шубу в печь* ‘делать что-либо, не подумав, сгоряча’ встречается в художественных текстах XIX – XX вв.: «– А я, друг мой Костенкин, еще скажу, что сроду так не делал, чтобы, *осердясь на вшей, да шубу в печь*» [Василий Белов. Плотницкие рассказы (1968)]; Встречается замена компонента «*вшей»* на «*вши»*: «Много есть таких предметов, которые страждут из-за того, что извратили смысл их; а так как вообще на свете есть много охотников действовать сгоряча, по пословице: «*Рассердясь на вши, да шубу в печь*», то через это уничтожается много того, что послужило бы всем на пользу» [Н.В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями (1843-1847)].

Пословица *Купить – как вошь убить, продать – блоху поймать* ‘купить легко, чтобы продать, нужно постараться’ употребляется в художественных произведениях XX в., см. в материалах НКРЯ: «Извольте радоваться… Семьей мы за две недели борова съедим… а он – сто целковых! Шутка сказать… – Теперь уж не есть – не иначе как продавать… – Продавать? *Купить – как вошь убить, продать – блоху поймать*…» [Ф.Д. Крюков. В сугробах // «Русские Ведомости», 1917]; «Мне приходилось быть свидетелем, как купец, торговавшийся с извозчиком чуть ли не до пота, расплачиваясь с ним, отдал ему вдвое со сторгованной суммы, говоря: «Возьми, и тебе нужно нажить!» – с довольством на лице, что он все-таки сумел добиться своего у извозчика. Недаром купцы говорят: «*Купить – как вошь убить, продать – блоху поймать*!»» [Николай Варенцов. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое (1930-1935)].

Пословица *Быстрая вошка первая на гребешок попадет (попадает)* ‘о том, кто спешит, действует необдуманно’ встречается в контекстах из художественных произведений XX века. Например, в усеченном варианте: «Денщику взбучка, а пес в углу зубы скалит, смеется – на него и моль не

сядет, собачка привилегированная. Ладно, думает Митрий. *Попадет быстрая вошка на гребешок*» [Саша Черный. Солдатские сказки / Катись горошком (1932)]; с расширением компонентного состава за счет лексемы «всегда»: «– Буйновский – есть? – А? Я! – отозвался кавторанг из-под шуховской койки, из укрыва. Так вот *быстрая вошка всегда первая на гребешок попадает*» [Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)].

Из 30 русских пословиц, таким образом, только 3 встретились в материалах НКРЯ, в художественных текстах с середины XIX до середины XX века.

Перейдем к анализу китайских паремий.

Пословица – *虱多不痒，债多不愁。– Вшей много – не чешется, долгов много – не беспокоится* ‘о том, что к проблемам можно привыкнуть’ употребляется в современном китайском языке. См. в материалах НККЯ: «有句俗话说：“*虱多不痒，债多不愁*。”其本意是指一个人欠的债大多了，又无力偿还，精神麻木了，也就不那么焦愁了。这就像一个人头上虱子太多，长期被咬，头皮变麻木了，也似乎“习惯”了，便不觉其痒了» [易木. “虱多不痒”别解 // 人民检察 1996年 第01期] («Как гласит пословица: *Вшей много – не чешется, долгов много – не беспокоится*, ее первоначальное значение: у человека долгов много, но он не может их погасить, дух оцепенел, и человек не так сильно беспокоится. Словно у человека на голове слишком много вшей, его долго кусали, скальп онемел, он “привык”, и не чувствует зуда» [И Му. Необычное толкование “*Вшей много – не чешется*” // Народная инспекция 1996 №01]). Фрагмент статьи объясняет данную пословицу.

Пословица *虱子多了不怕咬。– Вшей много – не боится укусов* встречается в контексте из публицистики XXI века, представленном в «Чжишиван»: [毕晓哲. 地方举债为何“*虱子多了不怕咬*” // 中国青年报 2013年] ([Би Сяочжэ. Почему местные правительства берут взаймы: «*Вшей много – не боится укусов*» // Газета Китайская молодежь 2013]). В данном

контексте *речь идет о том, что когда долгов уже много, то не сложно решиться на то, чтобы взять следующую ссуду*.

По данным «Лингвистического корпуса Пекинского университета» пословица *穷生虱子富生疥。– У бедных разводятся вши, у богатых появляются чесоточные сыпи* ‘о том, что у каждого человека есть свои проблемы’ употребляется в художественном произведении XX века: «小时候，他家里穷，平原上有句俗话叫：*穷生虱子富生疥*。那时候，他身上总是生满了虱子，而每到晚上，待他脱光衣服时，娘总是坐在油灯下给他捉虱子» [李佩甫. 羊的门 1999年] («В детские годы в его семье была нищета, на равнине есть пословица: «*У бедных разводятся вши, у богатых появляются чесоточные сыпи*». В то время у него было полно вшей, каждую ночь, когда он снимал одежду, мама всегда помогала ему поймать вши при свете коптилки» [Ли Пэйфу. Дверь овчарни 1999]).

Из 38 китайских пословиц только 3 встретились в материалах НККЯ, в современной публицистике.

Таким образом, пословичный портрет вши (стереотипное представление о насекомом) и в русском, и в китайском языках имеет общие черты. В целом, в обеих лингвокультурах вошь оценивается как мелкое, вредное, кровососущее насекомое, насекомое бывает в волосах человека и в шерсти животных, вошь вызывает исключительно отрицательные эмоции и оценки. Национально-культурные различия сводятся к тому, что в русских пословицах акцентируются такие установки культуры, которые отмечают важность денег, терпения, оптимизма, хорошего условия, границы своего пространства, а в китайских важны причины, повод, усилие, коллектив, подчеркивается возможность богатого человека и человека, имеющего высокий социальный статус, неспособность бедного, незначительного. В пословичных единицах русского языка используются биномы *вошь – грош, вошь – короста, вошка – гребешок, вошь – шуба, вошь – блоха*, реализующие оппозиции «при наличии рифмы», «насекомое – последствия от расчесов на

коже», «насекомое – бытовой инструмент для вычесывания насекомых из волос на голове», «насекомое – одежда», видовые соответствия, в то время как в китайских паремиях функционируют биномы *вошь – долг, вошь – ватное одеяло, вошь – порванная одежда, вошь – грязь, вошь – блоха*, отражающие оппозиции «насекомое – денежные обязательства», «насекомое – постельные принадлежности», «насекомое – бедная одежда», «насекомое – отсутствие чистоты», видовые соответствия. Русские пословицы (всего 3 единицы) функционируют в основном в художественном дискурсе, в литературных произведениях XIX и XX веков. Китайские пословичные единицы (также только 3) употребляются в художественых произведениях XX и XXI веков и в современной периодике, главным образом, в политическом дискурсе.

2.2.6. *Жук*

Жук – ‘насекомое с жесткими надкрыльями’ (ТСРЯ: 169). Жук играет существенную роль в природе, отличается многообразием видов, например, *жук-навозник, золотистая бронзовка, божья коровка* и т.д. В русских и китайских пословицах наименование *жук* часто является гиперонимом, подменяющим гипоним *жук-навозник*.

Для анализа паремий с компонентом «жук» из БСРП и БСКП было отобрано 16 русских и 8 китайских единиц с компонентом *жук*. Анализ вербализованных в паремиях установок культуры показал следующее.

Русские и китайские пословицы с компонентом *жук* содержат одну общую установку культуры: **Каждый привыкает к своему обычному окружению, среде обитания** (ее вербализуют 2 русских и 3 китайских пословицы): *Только жук, в навозе живучи, да чисто обихаживается* (рус.); *Жуку нора за обычай* (рус.).

龙寻龙，凤寻凤，屎壳螂最爱牛马粪。– Дракон ищет дракона, феникс ищет феникса, навозный жук обожает коровий и лошадиный навоз (кит.); *屎壳螂离不开牛粪堆。– Навозный жук никак не может покинуть навозную*

кучу (кит.); *癞头蛤蟆配鲇鱼，屎壳螂配拉拉蛄。– Жаба составит пару сому, навозный жук составит пару медведке* (кит.). (Медведка – представитель крупных роющих насекомых, ведущих подземный образ жизни).

Существуют также установки культуры, вербализованные только в русских или только в китайских пословицах. В русских пословицах с компонентом *жук* выражены следующие лакунарные относительно китайского языка установки культуры (всего 14 русских пословиц):

1. **Чьему примеру последуешь, то с тобой и случится:** *За пчелой пойдешь – до меду дойдешь, за жуком пойдешь – до навозу дойдешь; С пчелой полетишь – в меду будешь, с жуком – в дерьме; Около пчелки – медок, около жучка – навоз*; *Подле пчелки – в медок, а подле жука – в дерьмо*; *Подле пчелки – в медок, (а) подле жука (жучка) – в навоз*.

2. **За неимением лучшего приходится довольствоваться имеющимся**: *В чужих людях жук – и то мясо*; *В межень жука посоли – и то мясо*; *Как нет мяса – и жук мясо*; *На пустом огороде (городе) и жук – говядина*; *В поле и жук мясо*; *На чужой стороне и жук мясо*.

3. **Все нужно делать вовремя:** *Жук лезет в нору, узнав свою пору*.

4. **Не нужно сравнивать незначительное с существенным:** *И у жука рог, да петушьего бодня не стоит*.

5. Малый размер жука дает говорящим повод для шутливо-иронического преувеличения его значимости **в русской *иронической* пословице**, в которой насекомое гиперболизируется: *Вырос наш жук боле (больше) медведя*.

Нами обнаружены 5 установок культуры, отраженных в китайских пословицах с компонентом «*жук*» и безэквивалентных относительно русского языка:

1. **Залог победы в соединении усилий многих:** *好虎架不住一群狼，屎壳螂多了垫翻车。– Тигру не одолеть волчью стаю, экипаж перевернется из-за стаи навозных жуков*.

2. **Любой, кто попадает в трудное положение, уязвим:** *人倒霉了，屎壳螂都蛰人。– Когда человек в беде, то даже навозный жук его жалит*. Ср. рус.: *Подстреленного сокола и ворона носом долбит.*

3. **У каждого свое предназначение:** *屎壳螂做不出蜜来。– Навозный жук мед не принесет*.

4. **Для каждого свои дети самые лучшие:** ироническая пословица *屎壳螂夸孩香，刺猬儿夸孩光。– Навозный жук хвалит своих детей за приятный запах, еж хвалит своих детей за гладкую кожу*. Ср. рус.: *Нет певчего для вороны супротив родного вороненка.*

5. **Похвала ценна, когда она исходит от других:** *蛤蟆、蝎子、屎壳螂，各人觉得各人强。– Жаба, скорпион и навозный жук только себя хвалят*. Жаба, скорпион и навозный жук могут снискать похвалу только от самих себя – в силу своей неприглядной внешности, опасности для других.

Итак, отраженные в русских и китайских пословицах с компонентом «жук» установки культуры имеют больше различий, чем сходств.

Пословичный портрет жука (стереотипное представление о насекомом) и в русском, и в китайском языках имеет следующие общие черты: жук любит навоз, типичные места обитания – это навоз, дерьмо, нора. В отличие от китайских пословиц в пословицах русского языка жук имеет рога. Типичная способность насекомого – это летать. В иронических русских пословицах жук – это огромное животное. В китайских пословицах, в отличие от русского языка, жук – это нечистое, неспособное насекомое. Жук способен жалить. Маленькие насекомые обретают значимость и силу, когда их много.

Перейдем к рассмотрению пословичных биномов в русских и китайских пословицах с компонентом *жук*. Нами отмечены в русских пословицах следующие паремийные биномы: видовые противопоставления – ***пчелка/пчела – жучок/жук*** (*За пчелой пойдешь – до меду дойдешь, за жуком пойдешь – до навозу дойдешь*; *Около пчелки – медок, около жучка – навоз*;

Подле пчелки – в медок, (а) подле жука (жучка) – в навоз), ‘насекомое – место обитания’ – ***жучок/жук – навоз***, ‘насекомое – продукт питания’: ***жук – мясо*** (*В чужих людях жук – и то мясо*; *В межень жука посоли – и то мясо*; *Как нет мяса – и жук мясо*; *В поле и жук мясо*; *На чужой стороне и жук мясо*), ‘насекомое – убежище’: ***жук – нора*** (*Жуку нора за обычай*; *Жук лезет в нору, узнав свою пору*). В китайских пословицах: ‘насекомое – типичная среда обитания’: ***навозный жук – навозная куча/навоз*** (*龙寻龙，凤寻凤，屎壳螂最爱牛马粪Дракон ищет дракона, феникс ищет феникса, навозный жук обожает коровий и лошадиный навоз*; *屎壳螂离不开牛粪堆 Навозный жук никак не может покинуть навозную кучу*). Пословичный образ жука отличается амбивалентной оценочностью: с одной стороны, он негативен, обладает презрительной эмоциональной оценкой, а с другой - за неимением лучшего жук может сгодиться как пища.

Для выявления стереотипного представления об интересующем нас насекомом в русском языковом сознании на фоне китайского был проведен ассоциативный эксперимент. Полученные на слово *жук* ассоциации были нами распределены по следующим тематическим группам.

Ассоциации русских респондентов (203 единицы):

1. **Наименования зоонимов** – 38 ассоциаций: майский жук (11), навозный жук (6), навозник (4), колорадский жук (3), короед (2), носорог (2), вредитель (2), олень (1), божья коровка (1), птицы (1), бык (1), домашнее животное (1), большое насекомое (1), трупоед (1), бородавочник (1).
2. **Фитонимы и их части –** 22 ассоциации: трава (6), картошка (5), цветы (2), кора (2), дерево (1), смородина (1), дуб (1), зелень (1), листья (1), деревья (1), растения (1).
3. **Наименования мест обитания** – 20 ассоциаций: земля (4), дача (3), природа (3), парк (2), лес (2), огород (1), поля (1), лесные тропинки (1), сад (1), песок (1), озеро (1).
4. **Вызываемые эмоции и оценки** – 19 ассоциаций: красивый (2), безобидный (2), неприятен (1), страх (1), фу (1), ненавижу их (1), доброта

(1), красота (1), безопасный (1), полезный (1), мудрость (1), разум (1), приятные воспоминания (1), раздавить (1), убийство (1), мерзость (1).

5. **Названия и восприятие временных периодов** – 14 ассоциаций: лето (7), май (3), весна (3), тепло (1).
6. **Наименования человека** – 13 ассоциаций: пожарник (3), работяга (1), Ян Фабр (1), Андрей (1), друг (1), противник (1), сестра (1), больной (1), трудяга (1), Маяковский (1), Егор Жуков (1).
7. **Поведение и типичные действия насекомого** – 13 ассоциаций: ползает (4), полет (4), летает (2), блестит (1), укус (1), работает (1).
8. **Наименования цветообозначений** – 12 ассоциаций: черный (7), зеленый (2), разноцветный (2), яркий цвет (1).
9. **Наименования отдельных частей тела насекомого** – 9 ассоциаций: рога (2), лапки (1), с панцирем (1), с рогами (1), рогатый (1), крылья (1), много ног (1), ножки (1).
10. **Обозначения звуков** – 9 ассоциаций: жужжит (5), шум (1), звук (1), жужжание (1), звон (1).
11. **Указание на размер** – 8 ассоциаций: большой (6), маленький (2).
12. **Наименования бытовых реалий** – 7 ассоциаций: шар (2), старая вещь (1), коробок (1), окно (1), машина (1), старье (1).
13. **Нечто грязное, гниющее, разлагающееся** – 5 ассоциаций: навоз (4), мусор (1).
14. **Свойства жука** – 3 ассоциации: медленный (2), медлительность (1).
15. **Наименования явлений природы** – 3 ассоциации: роса (1), солнце (1), солнечная погода (1).
16. **Чувственное восприятие –** 2 ассоциации: вкусный (1), запах (1).
17. **Характеристика формы –** 2 ассоциации: толстый (1), овальная форма (1).
18. **Наименования пищевых продуктов** – 1 ассоциация: мука (1).
19. **Названия фольклорных жанров -** 1 ассоциация: сказка (1).
20. **Прозвища -** 1 ассоциация: обзывательство (1).

21. Отдельную группу ассоциаций образуют **прецедентные феномены** – 1 ассоциация: название мультфильма – мультик «Дюймовочка».

Таким образом, стереотипное представление о жуке в русском языковом сознании выглядит следующим образом: жука четко относят к животным (*птицы*, *бык*, *олень*, *домашнее животное*, *бородавочник*), насекомым (*майский жук*, *навозный жук*, *навозник*, *колорадский жук*, *короед*, *божья коровка*, *майский жук*, *большое насекомое*). Видимо, ассоциация с птицей возникает в связи с тем, что птица питается насекомыми, в том числе жуками, летает, как и жуки; *бык*, *олень*, *бородавочник* – это животные, которые имеют рога, как у многих видов жуков, а навоз домашних животных – среда обитания жука-навозника. Характерные черты внешнего облика насекомого: *рога (с рогами*, *рогатый*), *лапки (много ног*, *ножки)*, *с панцирем*, *крылья*, *черный*, *зеленый*, *разноцветный*, *яркий цвет*, *толстый*, *овальная форма*. Размер насекомого может быть разным: *большой*, *маленький*. Типичными чертами поведения является способность *лазить*, *летать*, *кусать*, *блестеть*. Представление о результате жизнедеятельности жука проявляется в ассоциациях: *улучшать структуру почвы*, *защищать окружающую среду*. Это медлительное насекомое, издающее характерные звуки – *шум*, *звук*, *жужжание*, *звон*. Одни виды жуков живут в *навозе*, *мусоре*, других же притягивают растения: *трава*, *картошка*, *цветы*, *кора*, *дерево*, *смородина*, *дуб*, *зелень*, *листья*. Жук ассоциируется с теми теплыми временными периодами, когда его жизнедеятельность проявляется наиболее активно: (ассоциации *лето, май, весна, тепло*). Типичные места обитания – это загородные места *земля*, *дача*, *природа*, *парк*, *лес*, *огород*, *поля*, *лесные тропинки*, *сад*, *песок*, *озеро*, где бывают *роса*, *солнце*, *солнечная погода*. *Старая вещь*, *коробок* (дети ловят жуков и сажают их в спичечный коробок), *окно* (бьется об окно, особенно майские жуки) – наиболее распространенные реалии, около которых/на которых можно видеть жука, а ассоциация *шар* появляется, вероятно, в связи с тем, что жук-навозник использует шарики из навоза в качестве пищи. Возможно, что здесь сказывается и влияние

прецедентного текста – В. Пелевин «Жизнь насекомых». Насекомое вызывает положительные (*красивый*, *безобидный*, *доброта*, *красота*, *безопасный*, *полезный*, *вкусный*, *мудрость*, *разум*, *приятные воспоминания*) и отрицательные (*неприятен*, *страх*, *фу*, *ненавижу их*, *раздавить*, *убийство, мерзость*) эмоции и оценки. Жук ассоциируется с пожарным, так как существует вид жука – жук-пожарник, цвет его брюшка похож на цвет огнезащитной одежды у пожарного. В ассоциативном поле появляются ассоциации *работяга*, *трудяга*, поскольку жук-навозник рассматривается как трудолюбивое насекомое, он занят тем, что постоянно образует шарики из остатков жизнедеятельности различных животных. Ян Фабр – бельгийский художник, скульптор, театральный режиссер, драматург, сценарист, хореограф, в 1997 году Ян Фабр и Илья Кабаков устроили перфоманс «Встреча», для которой Фабр создал для себя костюм жука, а для Кабакова – мухи. В случае опасности жук отличается агрессивным поведением, может быть противником другого насекомого. Жук занимает определенное место в прецедентных феноменах русского языкового сознания.

По данным «Русского ассоциативного словаря», жук ассоциируется с хитрым человеком (РАС 1: 200). Ср. в разговорной речи: «Ну ты и жук!» или «Жук ты навозный!».

Тематические группы ассоциаций китайских респондентов приведены в Приложении № 4. Стереотипное представление о жуке в китайском языковом сознании выглядит следующим образом (всего 222 ассоциации): как и русские, китайские респонденты четко относят жука к животным, насекомым (*осел*, *баранье (овечье) стадо*, *баран*, *собака*, *жук-навозник*, *скарабей*, *жук*, *полезные насекомые*). Эти ассоциации можно объяснить так: *скарабей* – вид жуков, один из видов жуков, являющихся *полезными насекомыми*, а навоз *осла*, *барана*, *собаки* – пища жука-навозника. Характерные черты внешнего облика насекомого: *черный*, *круглый*, *с панцирем*, *рога*. Типичными чертами поведения являются способность *летать (ночью)*, *кусать*, *катает шарик навоза задом наперед, толкает шарик задними лапками*, *лазить*, *пятиться*.

Это, с точки зрения человека, медленно передвигающееся насекомое, у него странный образ жизни. Жук ассоциируется с теплым временным периодом – летом, когда его жизнедеятельность проявляется наиболее активно. Типичные места обитания – *дырки*, где жуки прячутся; *Австралия* – государство, где жуки быстро разводятся; *Египет* – страна, где навозный жук является одним из священных, почитаемых символов; *деревня*, *ферма*, *земля*, *степь*, *туалет* – места, где достаточно пищи для жуков: *навозный шар*, *навоз*, *грязь*, *коровий навоз*, *ослиный помет*, *навоз животных*, *навозная куча*, *круглый навозный шар*, *мусор*, *шпинат*, *трава*. Как и в русском языковом сознании, жук вызывает и положительные (*трудолюбие*, *сильный*, *живучий*, *упорный*, *добрый*, *сила*, *красивый*, *внимательный*, *усердный*, *усердно*, *полезный*, *нет страсти к роскоши*, *любит работать*), и отрицательные (*отвращение*, *социальное дно*, *тошнота*, *бесполезный*, *безответственный*, *ненависть*, *низкое социальное положение*, *легко его убить*, *тошнить*) эмоции, оценки и характеристики – вероятно, по этой же причине возникают ассоциации *сильный человек*, *плохой человек*. Как и *инженер*, жук занимается строительством – занимается созданием норы; как и *дворник*, чистит, убирает: в результате избавления верхних слоев почвы от остатков жизнедеятельности животных жук приносит пользу человеку и природе; *фараон* является наименованием правителей Древнего Египта, а жук-скарабей ассоциируется с Египтом, отсюда, вероятно, и ассоциация *фараон*. Как и в ассоциативном поле русского языка, *(черный) шар*, *стекло*, *автомобиль* – наиболее распространенные реалии. В китайской медицине жук может быть *лекарственным сырьём*, помогает лечить разные болезни. Из прецедентных феноменов обращают на себя внимание прозвище, чэнъюй (идиомы): *Сходство по неприятному вкусу* (перен.: оказаться схожими в дурных привычках); *Несравнимая сила* (перен.: большая сила); *Не уклоняться от трудностей и не страшиться обид* (перен.: отдавать все силы работе), телепередача: *«Животный мир»*, сехоуюй (недоговорки-иносказания): *Камень в выгребной яме – вонючий и твёрдый*, названия

художественных произведений, их фрагменты и жанры: *Не сделав и полшага, не пройдёшь тысячу ли* (из древней китайской литературы), анекдот.

Таким образом, по результатам проведенного анализа, можно сделать следующие общие выводы.

И русские, и китайские пословицы с компонентом *жук* вербализуют больше различных, чем общих установок культуры. Жук в пословицах обоих языков символизирует человека, пословицы с этим компонентом выражают идею о том, что у каждого имеются свои предпочтения. Лакунарными относительно китайского языка являются 5 проанализированных выше установок культуры. Соответственно, 5 установок культуры, выраженных в китайских пословицах с компонентом «жук», лакунарны относительно русского языка.

Сопоставление полученных в результате проведенного эксперимента ассоциативных реакций русских и китайских информантов позволяет констатировать следующее: в целом стереотипные представления двух народов совпадают. Жук, с одной стороны, воспринимается как красивое, сильное, живучее, трудолюбивое, полезное насекомое, с другой стороны, понимается как уродливое, страшное, тошнотворное, бесполезное насекомое.

В ассоциативно-вербальном поле русского языка для китайского языкового сознания лакунарными группами являются «обозначения звуков» (*жужжит*, *шум*, *звук*, *жужжание*, *звон*), «обозначения размера» (*большой*, *маленький*), «наименования явлений природы» (*роса*, *солнце*, *солнечная погода*). В китайском ассоциативно-вербальном поле присутствует лакунарная для русского языкового сознания группа: «лекарственное вещество» (*лекарственное сырьё*). В связи с различными культурно-историческими причинами в китайском ассоциативно-вербальном поле существуют лакунарные для русского языкового сознания группы, входящие в состав прецедентных феноменов: «чэнъюй (идиомы)», «сехоуюй (недоговорки-иносказания)», «названия телепередач», «названия мультфильмов», «названия художественных произведений, их фрагменты и

жанры». Отличия касаются объема и других тематических групп, таких, как «наименования-зоонимы», «фитонимы», «вызываемые эмоции и оценки», «названия и восприятие временных периодов», «нечто грязное, гниющее, разлагающееся». Следует также отметить, что в китайском языке и языковом сознании идиомы и пословицы, связанные с жуком, играют более важную роль, чем у русских.

Обратимся к анализу особенностей употребления рассматриваемых русских и китайских паремий в текстах художественной литературы, периодической печати, в интернет-пространстве.

Пословица *В поле и жук мясо* ‘если нет выбора, то нужно довольствоваться малым’ единственная встретилась в материалах НКРЯ в контекстах середины 19 и начала 20 века: «– Ну да, разумеется, ха-ха-ха! Я ведь и говорю, что *в поле и жук мясо*, а на безлюдье и Фома дворянин…, ха-ха-ха! Карпуша, слышишь, что я говорю? а?» [В.И. Даль. Павел Алексеевич Игривый (1847)]; в усеченном варианте: «Мне ребята и говорят: «Брось, Ваня, что есть такое Гаврилов? Рук не стоит марать». – «Нет, говорю, *и жук – мясо*. Почему Гаврилову жить?…»» [Б.В. Савинков (В. Ропшин). То, чего не было (1918)].

В материалах «Национального корпуса китайского языка» пословиц с компонентом *жук* нам не встретилось.

Таким образом, пословичный портрет жука (стереотипное представление о насекомом) и в русском, и в китайском языках имеет общие черты. Различия проявляются в том, что в русских паремиях жук имеет рога, обладает способностью летать. Будучи маленькими, насекомые способны доставлять ощутимые неудоства, отсюда и ироническое преувеличение. В китайской лингвокультуре жук – это нечистое, бесталанное насекомое, способное жалить, стая жуков значима. В целом, в обеих лингвокультурах насекомое может иметь рога, крылья, одни виды жуков живут в местах, где есть навоз, мусор, других же притягивают растения. Насекомое вызывает и положительные и отрицательные эмоции и оценки. Национально-культурные

различия сводятся к тому, что в русских пословицах акцентируются установки культуры, подчеркивающие значимость мелкого существа, а в китайских отмечается важность коллектива. В пословичных единицах русского языка используются биномы *жучок/жук – навоз, пчелка/пчела – жучок/жук, жук – мясо, жук – нора*, реализующие оппозиции «насекомое – продукт деятельности (место обитания)», «насекомое – продукт питания», «насекомое – убежище», в то время как в китайских паремиях функционируют биномы *навозный жук – навозная куча/навоз*, отражающие оппозицию «насекомое – типичная среда обитания». Из проанализированных русских пословиц только одна встретилась в контекстах середины XIX и начала XX века, а из китайских паремий – пословиц с компонентом *жук* нам не встретилось.

2.3. Макро и микро- структура лингвокультурологического словаря пословиц с компонентом-названием насекомого

Предлагаемый проект учебного лингвокультурологического словаря пословиц с компонентом-названием насекомого, ориентированный на китайского адресата – студентов-филологов, владеющих русским языком на уровне B2-C1, содержит паремии с выделенными нами самыми частотными для русского языка и соотносимыми по количеству с китайскими аналогами компонентами. В словарь, в первую очередь, будут включены словарные статьи, описывающие пословицы, вербализующие установки культуры, отличающиеся наибольшей номинативной плотностью. То есть основным критерием отбора паремий для лексикографического описания будет наличие двух и более пословиц с данным компонентом, выражающих ту или иную установку культуры. Важным основанием для включения пословицы в словарь является также ее употребительность в современных текстах художественной литературы и периодики. Так, например, самая частотная, по материалам НКРЯ, паремия *Комар носа не подточит* обязательно войдет в корпус словаря.

Макроструктура предлагаемого словаря будет включать тематические рубрикаторы. Тематическими рубрикаторами словаря служат слова **МУХА**, **ПЧЕЛА**, **КОМАР**, **БЛОХА**, **ВОШЬ**, **ЖУК**, которые набираются прописными буквами полужирным прямым шрифтом.

Под тематическим рубрикатором сначала будет приведено стереотипное представление о насекомом («**СП**»), вербализованное в русских пословицах, потом по алфавиту первого знаменательного слова будет следовать описание отдельных паремий, т.е. будут помещены собственно словарные статьи, включающие несколько зон.

Первая зона содержит саму паремию – заголовочную единицу. Она набирается прописными буквами полужирным курсивом. Например: ***И МУХА НЕ БЕЗ БРЮХА***.

Если есть варианты пословицы, то они приводятся за сокращением «**ВАР**.» сразу после заголовочной единицы. Например, к пословице: ***БУДЬ ЛИШЬ МЕД, МУХ МНОГО НАЛЬНЕТ***

ВАР.: ***Был бы мед, а мух много нальнет*; *Был бы мед, мух много нальнет.*** Варианты набираются полужирным курсивом строчными буквами.

Вторая зона – семантизация незнакомых слов (графическое обозначение «☼»). Потенциально незнакомыми словами считаем те лексические единицы, которые не входят в лексический минимум по ТРКИ-2. Данная зона статьи является факультативной. Семантизируемые слова приводятся светлым курсивом, толкование слов набирается прямым шрифтом. Например, для паремии ***И МУХА НЕ БЕЗ БРЮХА***:

☼: *Брюхо* – живот животного.

Третья зона представляет собой описательное толкование смысла пословицы (набирается прямым шрифтом без выделения). Эта зона вводится графически буквой «**Т**».

Например, для пословицы ***И МУХА НЕ БЕЗ БРЮХА*** толкование будет следующим:

Т. И ничтожное мелкое существо устроено как все остальные, нуждается в пище.

Четвертая зона статьи – зона ситуаций («**С**»). Так, для пословицы ***И МУХА НЕ БЕЗ БРЮХА*** в данной зоне будет следующая информация:

С. Говорится с иронией человеком (о человеке), испытывающем чувство голода, выражающим желание и готовность поесть.

Пятая зона словарной статьи содержит вербализуемую пословицей установку культуры (**УК**). Например, для пословицы ***ТОЛЬКО ЖУК, В НАВОЗЕ ЖИВУЧИ, ДА ЧИСТО ОБИХАЖИВАЕТСЯ***

УК: Каждый привыкает к своему привычному окружению, среде обитания.

Шестая зона – зона иллюстраций, здесь приводятся примеры употребления паремий в художественной литературе и периодике. Эта зона факультативна, т.к. не для каждой паремии можно найти контексты использования в произведениях. Графически зона выделяется символом открытой книги 🕮. В случае употребления паремии в редуцированном или трансформированном виде это также отмечается в данной зоне словарной статьи в особой подзоне. В иллюстративных контекстах паремии выделяются курсивом. Например, для паремии ***И МУХА НЕ БЕЗ БРЮХА***: «Сказавши: «Эх, *и муха не без брюха*!» – дежурный кашевар делал черпаком крутой вираж в котле и вываливал в миску Тугунка кусище рыбы» [Виктор Астафьев. Царь-рыба (1974)].

Для паремии ***СЛОНЫ ТРУТСЯ, А МЕЖДУ (МЕЖ) СОБОЙ КОМАРОВ ДАВЯТ*** указывается, что выражение употребляется в редуцированном виде. Иллюстративный контекст это подтверждает: «Как это, по пословице: *слоны трутся – комаров давят*. Комару, сиречь личности, не возбраняется при этом зудеть, но из-за топа слоновых пят и схватки трубных голосов писк этот попросту не слышен» [С.Д. Кржижановский. Разговор двух разговоров (1931)].

Седьмая зона статьи является факультативной. В ней приводятся синонимичные к заголовочной паремии («**СИН**.»). Например, к пословице ***НЕ ПОГНЕТШИ ПЧЕЛ, МЕДУ НЕ ЯСТИ*** синонимом будет ***Не подрезав пчел, меду не съешь.*** Синонимы приводятся полужирным курсивом строчными буквами.

Восьмая зона словарной статьи – отсылочная, в ней фиксируются русские паремии, выражающие ту же культурную установку, что и заголовочная единица. Например, для паремии ***ЛЮДИ РАДЫ ЛЕТУ, (А) ПЧЕЛА (ПЧЕЛЫ) (РАДА/РАДЫ) ЦВЕТУ***, выражающей установку о том, что у каждого свои предпочтения, каждому – свое, данная зона словарной статьи будет выглядеть следующим образом:

См.: *Пастух рад лету, пчела – цвету, а сирота – привету*; *Ласточка лепит гнезда, пчелка – соты*. Паремии в этой зоне набираются светлым курсивом.

Девятая зона включает китайские аналоги русских единиц (при их наличии), поэтому данная зона статьи не является облигаторной. Например, для русской паремии ***НА ХОРОШИЙ ЦВЕТОК И ПЧЕЛА ЛЕТИТ***. **Ср. кит**.: *蜜蜂专拣旺花飞* (*Пчела только летит к свежим цветам*).

Приведем фрагмент проектируемого словаря в качестве примера.

ПЧЕЛА

СП: Пчела имеет способность летать, работать вместе с другими пчелами, приносить мед, жалить; насекомое живет большой семьей, в которой особо выделяется матка; его притягивают цветы и мед. Это мелкое насекомое, издает характерный звук – жужжание. В языковом сознании русских пчела ассоциируется с трудолюбивым человеком.

ЛЮДИ РАДЫ ЛЕТУ, ПЧЕЛА ЦВЕТУ. ВАР.: ***Люди рады лету, а пчела <рада> цвету; Люди рады лету, а пчелы рады цвету.***

Т. У каждого своя причина для радости.

С. Говорится в ситуации, когда важно подчеркнуть разницу во вкусах.

УК У каждого свои предпочтения, каждому – свое**.**

СИН. *Люди ради лета, а пчелы (пчела) – цвета.*

См.: *Пастух рад лету, пчела – цвету, а сирота – приветy*; *Пастух ради лета, а пчела ради цвета*; *Ласточка лепит гнезда, пчелка – соты*; *На цвет пчелка летит, а на приятство человек глядит.*

Ср. кит. *蜜蜂喜欢花，蚊子喜欢血。– Пчела любит цветок, комар любит кровь*; *香花引蜜蜂，臭味招苍蝇。– Ароматные цветы привлекают пчел, отвратительный запах призывает мух*; *蜻蜓低飞，蜂窝高筑。– Стрекозы летают на малой высоте, пчелы строят гнезда на высоких деревьях*.

ЗА ПЧЕЛОЙ ПОЙДЕШЬ – ДО МЕДУ ДОЙДЕШЬ, ЗА ЖУКОМ ПОЙДЕШЬ – ДО НАВОЗУ ДОЙДЕШЬ

☼: *Навоз* – помет, экскременты домашних животных.

Т. Правильно выбрав спутника выиграешь, получишь положительный результат.

С. Говорится в качестве наставления-совета тому, кто, по мнению говорящего, выбрал не того человека в друзья. Или как вывод после неудачно завершившегося дела в силу неправильно сделанного выбора.

УК Чьему примеру последуешь, то с тобой и случится.

СИН. *С пчелой полетишь – в меду будешь, с жуком – в дерьме*; *Около пчелки – медок, около жучка – навоз*; *Подле пчелки – в медок, а подле жука – в дерьмо;*, *Подле пчелки – в медок, (а) подле жука (жучка) – в навоз*.

См. Все единицы из зоны синонимов.

НЕ ПОГНЕТШИ ПЧЕЛ, МЕДУ НЕ ЕДАТЬ (НЕ ЕСТЬ, НЕ ДОБУДЕШЬ)

☼: *Погнести* – сокрушить, уничтожить, уморить.

Т. Невозможно воспользоваться чем-либо, получить что–либо желаемое, не приложив усилий.

С. Говорится в ситуации, когда человек хочет достичь какой-то цели, но на пути к этой цели есть препятствия.

УК Чтобы добиться успеха, сначала надо преодолеть трудности.

📖 «Сотский Микула говорит Даниилу, отправляющемуся в поход против венгров: «Господине! *не погнетши (не растревожив) пчел, меду не едать*»» [Н.К. Гудзий. История древней русской литературы. (XI – XV вв.) (1938)]. Встречается замена компонента «*не погнетши»* на «*не передавивши»*: «“*Не передавивши пчел, меду не есть*”, – приговаривал Роман. Он навел такой страх на галичан, что те просили польского короля, чтобы он управлял ими сам или через своих наместников» [Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск первый: X – XIV столетия (1862-1875)].

СИН. *Не погнетши пчел, меду не ясти*; *Не подрезав пчел, меду не съешь*; *Чтобы спокойно есть медовый сот, надобно задавить пчел*.

Выводы

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

В целом отраженные в русских и китайских пословицах с компонентом-названием насекомого установки культуры имеют больше различий, чем сходств. Если обобщить одинаковые установки культуры в пословицах со всеми шестью компонентами-названиями насекомых в двух языках, то совпадающими являются следующие 18 установок (См. список в Приложении № 1). Среди них самые важные для носителей русского и китайского языков – Каждому – свое; Что-то незначительное может причинить большой вред/создать проблему.

Проанализированные компоненты-названия насекомых присутствуют и в русских, и в китайских иронических пословицах, в которых насекомое гиперболизируется, предстает как важное, ценное и сильное существо.

В русских пословицах вербализовано 66 установок культуры, которые отсутствуют в китайском языке (См. список в Приложении № 2). Среди них самые важные для носителей русского языка – Необходимо соизмерять усилия с тем делом, которым человек занимается; Не все обладают равными способностями; За неимением лучшего приходится довольствоваться малым.

Одна из типичных для русской лингвокультуры идей заключается в акцентировании вреда, который способно причинить незначительное по размеру (массе) существо: *Мал клоп, да вонюч; Мала блошка, а спать не дает.*

В свою очередь, в пословицах китайского языка выражены 49 лакунарных относительно русского языка установок культуры (См. список в Приложении № 3). Среди них самые важные для носителей китайского языка – Ко всему можно привыкнуть; Большую важность имеет коллективизм; Трудолюбивый служит положительным примером, ленивый является плохим примером; Не стоит недооценивать проблему.

Самыми частотными общими установками культуры, отраженными в проанализированных русских и китайских пословицах, являются «Каждому – свое» (12 русских и 16 китайских пословиц), «Что-то незначительное может причинить большой вред» (8 русских и 5 китайских пословиц).

Наиболее частотные установки культуры, вербализованные только в русских пословицах, представляют собой «Необходимо соизмерять усилия с тем делом, которым человек занимается» (9 русских пословиц), «Не все обладают равными способностями» (6 русских пословиц), «За неимением большего приходится довольствоваться малым» (6 русских пословиц). Эти установки культуры не случайны, они свойственны русскому менталитету в целом. Ср. их вербализацию в других языковых единицах. Так, установка «за неимением лучшего приходится довольствоваться малым» выражена во фразеологических единицах: *На безрыбье и рак рыба; На безлюдье и Фома дворянин* и др.; «не все обладают равными способностями, все разные»: *В одном пере и птица не родится;, В одну петельку всех пуговок не устегаешь; И пальцы на руках не равны* и др.

В китайских пословицах выражены следующие наиболее частотные лакунарные относительно русского языка установки культуры: «Ко всему можно привыкнуть» (4 китайских пословицы), «Большую важность имеет коллективизм» (3 китайских пословицы), «Трудолюбивый служит положительным примером, ленивый является плохим примером» (3 китайских пословицы), «Не стоит недооценивать проблему» (3 китайских пословицы). Установки культуры, выраженные в китайских пословицах, во многом обусловлены морально-этическими принципами философии Конфуция.

Следует отметить, что соответствующие ментальные установки существуют и в русском языковом сознании, но не выражены проанализированными пословицами с компонентами-наименованиями насекомых. Ср., например, о важности коллективизма в русских пословицах с другими компонентами*: В одиночку не одолеешь и кочку; Берись дружно –*

не будт грузно; Один в поле не воин. Идея о том, что человек, испытавший боль или страх в прошлом, перестраховывается в будущем, вербализована в русских пословицах с другими образами и, соответственно, компонентами: *Пуганая ворона куста боится; Обжегшись на молоке, дуют на воду* и многие др.

Биномы в русских и китайских пословицах с компонентом *пчела* имеют больше сходств, а в пословицах с компонентами *муха*, *комар*, *блоха*, *вошь*, *жук* имеют больше различий. В целом в пословицах двух языков с данными шестью компонентами существуют больше различных биномов. Наглядно полученные результаты могут быть представлены в виде следующей таблицы.

Таблица № 3. Биномы в русских и китайских пословицах

Название насекомого	**Общие пословичные биномы**	**Только в русских пословицах**	**Только в русских пословицах**
Муха	«видовые соотношения»: *муха – комар.*	«жертва – хищник»: *муха – паук, муха – орел;* «видовые соотношения»: *муха – таракан;* «насекомое – человек»: *муха – девка-вековуха;* «муха – глупый человек»: *муха – дурак;* «насекомое – пища»: *муха – мед;* «насекомое – инструмент для нападения»: *муха – обух.*	«крупное животное – насекомое»: *муха – собака, муха – тигр;* «видовые соотношения»: *муха – пчела;* «взрослое насекомое – личинка»: *муха – личинка;* «насекомое – пища»: *муха – яйцо, муха – куриное яйцо;* «насекомое – нечто грязное»: *муха – протухшее мясо.*
Пчела	«видовые соотношения»: *пчелка – матка;* «насекомое – растение»: *пчела – цветок;* «насекомое – пища»: *пчела – мед.*	«видовые соотношения»: *пчела – муравей.*	«видовые соотношения»: *пчела – бабочка.*
Комар	–	«насекомое – инструмент»: *комар – топор;* «насекомое – временной период»:	«кровососущий зооним – кровососущий зооним»: *конская пиявка – комар;* «видовые

		комар – пора; «насекомое – крупное животное»: *комар – слон.*	противопоставления»: *комар – пчела.*
Блоха	–	«насекомое – одежда»: *блоха – шуба, блоха – голенище;* «насекомое – другое животное»*:* *блоха – собака.*	«насекомое – постельные принадлежности»: *блоха – ватное одеяло;* «насекомое – часть руки человека»: *блоха – кулак, блоха – палец.*
Вошь	«видовые соответствия»: *вошь – блоха.*	«насекомое – последствия от расчесов на коже»: *вошь – короста.* «насекомое – бытовой инструмент для вычесывания насекомых из волос на голове»: *вошка – гребешок.* «насекомое – одежда»: *вошь – шуба.* «при наличии рифмы»: *вошь – грош.*	«насекомое – денежные обязательства»: *вошь – долг.* «насекомое – постельные принадлежности»: *вошь – ватное одеяло.* «насекомое – бедная одежда»: *вошь – порванная одежда.* «насекомое – отсутствие чистоты»: *вошь – грязь.*
Жук	«насекомое – типичная среда обитания»: *жук – навоз.*	«насекомое – продукт деятельности (место обитания)»: *пчелка/пчела – медок/мед;* «видовые соответствия»: *пчелка/пчела – жучок/жук;* «насекомое – продукт питания»: *жук – мясо;* «насекомое – убежище»: *жук – нора.*	«насекомое – типичная среда обитания»: *навозный жук – навозная куча.*

И пословичные портреты насекомых, и полученные стереотипные представления в ассоциативно-вербальных полях в русском и китайском языках имеют больше общих черт. Пословичные портреты насекомых в двух языках и стереотипные представления, полученные в результате анализа ассоциативных реакций русских и китайских информантов на стимул-наименования данных насекомых, в основном совпадают. Таким образом,

результаты проведенного ассоциативного эксперимента подтверждают пословичные портреты.

Лакунарность ассоциата на стимул-название насекомого в одном языке влечет за собой и отсутствие данного ассоциата в плане выражения пословицы в этом языке. Так, в русском языке присутствуют ассоциаты *гнида и клоп* на стимул «вошь», ср. пословицы: *Не вошь ест, а гнида точит; Богатырь на клопа, на вошку, може и на блошку, а на таракана – погоди*. В китайском языке на стимул *муха* частотен ассоциат *личинка*, ср. пословицу: *哪儿的苍蝇不下蛆 Повсюду мухи рождают личинок.*

Из проанализированных 267 русских и 226 китайских пословиц 19 русских и 9 китайских единиц встретились в материалах «Национального корпуса русского языка» и «Национального корпуса китайского языка». Русские пословицы функционируют в основном в художественном дискурсе, в литературных произведениях XIX – XXI вв. Китайские же пословичные единицы употребляются в текстах художественных произведений и в периодике XX – XXI вв., главным образом, в политическом дискурсе. Самыми употребительными, по данным НКРЯ и НККЯ, оказались русская пословица *Комар носа не подточит*, встретившаяся 74 раза, и китайские пословицы *苍蝇不叮无缝的蛋 – Муха не кусает яйцо без трещин*; *打苍蝇不打老虎 – Бить только муху, а не тигра*, встретившиеся 3 раза.

В целом, по данным НКРЯ, использование пословиц с компонентом-названием насекомого является более частотным, чем в китайском языке. Наглядно полученные результаты представлены в Приложениях № 5 и № 6.

Модель словарной статьи учебного лингвокультурологического словаря русских пословиц базируется на результатах проведенного лингвокультурологического анализа.

Статья включает в себя 4 обязательных зоны: заголовочную единицу; ее описательное толкование; ситуации употребления; выявленные ментальные установки русской культуры; а также 5 факультативных зон: семантизацию потенциально незнакомых слов; русские пословицы,

выражающие ту же культурную установку, что и заголовочная единица; сведения об особенностях употребления паремии в современных текстах; синонимичные единицы; аналоги в китайском языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И в русском, и в китайском языках пословицы лаконичны по форме, устойчивы, воспроизводимы в речи, имеют особое ритмико-интонационное и фонетическое оформление, параллельную и непараллельную конструкции, семиотическое целое, обладающее лексико-семантическими и структурными закономерностями, пословицы могут употребляться изолированно, самостоятельно, в пословицах заключаются дидактичность, поучительный смысл, суждение. Все это свидетельствует в пользу правомерности анализа русских пословиц на фоне китайских.

Анализ научной литературы по затронутой в диссертационном исследовании проблематике позволил констатировать, что русские пословицы с компонентом-названием насекомого до настоящего времени не являлись объектом лингвокультурологического анализа на фоне китайских соответствий.

Отбор материала для исследования, осуществлявшийся в несколько этапов, позволил из 375 русских и 625 китайских единиц, полученных приемом сплошной выборки из словарей, оставить для лингвокультурологического анализа 267 русских и 226 китайских единиц. Прежде всего, были исключены пословицы, содержащие обсценную и диалектную лексику, устаревшие единицы. Китайские пословицы подверглись значительному сокращению за счет исключения из их состава таких компонентов, как «шелкопряд», «муравей», «цикада» и др., не являющихся объектом детального рассмотрения в работе, а также за счет исключения китайских «природных пословиц»-примет.

Проведенное исследование в соответствии с разработанным алгоритмом лингвокультурологического анализа русских пословиц на фоне их китайских аналогов позволило прийти к след заключению.

Ядро исследуемого фрагмента русской паремиологической картины мира на фоне китайского языка составляют единицы, включающие в свой

состав такие компоненты, как «*муха», «пчела», «блоха», «вошь», «комар», «жук»*, вербализующие, во-первых, пословичные портреты насекомых, а, во-вторых, общие и различные для паремий двух языков установки культуры. Между стереотипным представлением о насекомом и выражаемой пословицей установкой культуры существует четкая корреляция, поскольку пословица – это мышление по аналогии.

При том, что пословичные портреты каждого насекомого в двух языках имеют много общего, установки культуры, вербализованные в пословицах с компонентами-названиями насекомых, имеют больше отличий. Только 18 из них являются общими. 66 установок культуры, выраженных в русских пословицах, лакунарны относительно китайского языка, а 47 установок культуры, вербализованных в китайских пословицах, не находят соответствий в русских пословицах.

Поскольку пословица всегда двупланова, прямой/буквальный смысл формирует пословичные портреты насекомых. Стереотипные представления о насекомых, отраженные в пословицах, зависят от объективно наблюдаемых свойств и поведения насекомых, что вызывает сходные эмоции и оценки человека. А установки культуры обусловлены народными традициями, обычаями, философскими взглядами, ходом исторического и политического развития страны, религиозными верованиями, они выражаются в переносном плане пословиц, в плане содержания паремий.

Часть установок культуры, не вербализованных в русских пословицах с компонентом-наименованием насекомого, находит выражение в других пословичных единицах, с привлечением других компонентов и образных средств.

Выявленные установки культуры, вербализованные в проанализированных в работе русских пословицах, вписываются в общую парадигму основных идей и приоритетов русской ментальности: трудолюбие; необходимость преодолевать трудности, чтобы добиться

успеха; осуждение скупости; необходимость отличать существенное от незначительного и др.

Русские пословицы амбивалентно оценочны. Например, *Не плоха (и) блоха*; *Рассердясь на блох, да и шубу (одеяло) в печь*.

Пословицы русского языка отличаются большей семантической неоднозначностью, вследствие чего рассматриваемые вне контекста они допускают множественные толкования значения. Трактовке китайских пословиц способствует их двучастная структура.

Культурно-языковые особенности пословиц с компонентом-названием насекомого в русской языковой картине мира на фоне китайской заключаются в:

– наличии большего числа различных культурных установок (66 в русских и 49 в китайских паремиях);
– большей количественной наполняемости в русском языке отдельных общих для двух языков установок культуры;
– использовании отличающихся пословичных биномов;
– употреблении пословиц в русском языке преимущественно в художественном дискурсе;
– наличии в составе русских пословиц названия национальных реалий: *епанча, чекушка, томар, верста, царь, грош;* имен собственных – *Агапит;* стилистически окрашенных единиц*: мухарь, муха-горюха, мушонок.*

Проведенный анализ послужил базой для составления словарной статьи учебного словаря русских пословиц, ориентированного на китайского адресата и студентов-филологов, владеющих русским языком на уровне B2-C1. Словарная статья данного словаря (разработанная нами модель) дает представление о значении, ситуации употребления пословиц, указывает на вербализуемую установку культуры, особенности употребления паремии в современных текстах, связь описываемой пословицы с другими единицами данного фрагмента паремиопространства и аналоги китайского языка (при их

наличии), семантизацию незнакомых слов (при необходимости). Подобный словарь облегчит задачу понимания русских пословиц китайскими учащимися.

В настоящее время начата работа над составлением учебного лингвокультурологического словаря русских пословиц.

Перспектива исследования видится в дальнейшем углубленном анализе на обширном пословичном материале выявленных в данной работе когнитивных оппозиций в русских паремиях: «польза – вред», «значимость – ничтожность», «слабость – сила» и др., а также таких концептуальных представлений, как «размер», «количество», «опасность», «угроза», «успех» и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абышева, Е.М. Концептуальные инверсии: концепт «чудо»: на материале русских и ирландских пословиц, поговорок и сказок [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Абышева; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень: Изд-во ТГУ, 2008. – 20 с.
2. Адрианова-Перетц, В.П. От составителей // Избранные пословицы и поговорки русского народа [Текст] / В.П. Адрианова-Перетц, Н.П. Колпаков, М.Я. Мельц, Г.Г. Шаповалов. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. – С. 3-23.
3. Алефиренко, Н.Ф. Фразеологическое знание и концепт / Н.Ф. Алефиренко // Когнитивная семантика [Текст]: материалы Второй Международ. шк. – семинара по когнитивной лингвистике 11–14 сент. 2000 / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; редкол.: Е.С. Кубрякова и др. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. – 261 с.
4. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и паремиология [Текст]: учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко, О.Е. Семененко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 342 с.
5. Алёшин, А.С. Концепт «Сравнение» и его вербализация в паремиях (на материале русского и шведского языков) / А.С. Алёшин, Е.И. Зиновьева // Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме [Текст]: сборник научных статей / редкол.: Е.В. Ничипорчик (гл. ред.) и др.; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Российский центр науки и культуры в Гомеле. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – С. 107-110.
6. Аникин, В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор [Текст]: Пособие для учителя / В.П. Аникин. – М.: Изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1957. – 240 с.
7. Аничков, И.Е. Идиоматика идиом и фразеологизмов / И.Е. Аничков // Проблемы фразеологии [Текст]: Исследования и материалы / под ред. А.М. Бабкина. – М. – Л.: Наука, 1964. – С. 37-69.
8. Апекова, Ж.Ш. Этнокультурная специфика концептов "правда" и "ложь" в

русской и кабардинской паремиологических картинах мира [Текст] / Ж.Ш. Апекова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. –1996. – N 2, ч. 1. – С. 149-153.

9. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка [Текст] / Ю.Д. Апресян. – М.: Языкознание, 1995. – 472 с.
10. Апресян, Ю.Д. Лексикографическая концепция Нового большого англо-руского словаря: [Предисловие] / Ю.Д. Апресян // Новый большой англо-русский словарь = New English-Russian dictionary [Текст]: В 3 т. Около 250000 лексических единиц. Т. 1. A-F / Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна, Э.М. Медниковой, А.В. Петровой. – М., 2001.- С. 6-17.
11. Архангельский, В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке [Текст]: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / Рост. н/Д гос. пед. ин-т; В.Л. Архангельский. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1964. – 315 с.
12. Афанасьева, М.П. К вопросу о вариантности и синонимии фразеологических единиц китайского языка [Текст] / М.П. Афанасьева // Проблемы устойчивого развития гуманитарных и естественных наук [Текст]: аспирантские чтения 2015 г. (г. Иркутск, 14-15 мая 2015) / [отв. ред. С.А. Хахалова]. – Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2015. – 325 с.
13. Бабаева, Е.В. Отражение ценностей культуры в языке [Текст] / Е.В. Бабаева // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2002. – №2. – С. 25-34.
14. Бабкин, А.М. Русская фразеология. Ее развитие и источники [Текст] / А.М. Бабкин; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – Л.: Наука, 1970. – 261 с.
15. Балова, И.М. Философские и нравственные концепты в русских и кабардинских паремиях [Текст] / И.М. Балова, М.Ч. Кремшокалова. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2009. – 192 с.
16. Баранов, А.Н. Аспекты теории фразеологии [Текст] / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
17. Бетехтина, Е.Н. Предисловие / Е.Н. Бетехтина // Бетехтина, Е.Н.

Фразеологизмы с библейскими именами [Текст]: (В рус. и англ. яз.) / Е.Н. Бетехтина; СПбГУ. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 171 с.

18. Бичер, О. Русские пословицы и поговорки с компонентом-зоонимом (на фоне турецкого языка) [Текст] / Омер Бичер. – Смоленск: Смол. гос. ун–т, 2016. – 158 с.
19. Блинова, О.И. Некоторые итоги и перспективы диалектной лексикографии / О.И. Блинова // Русские говоры Сибири [Текст]: Лексикография. [Сб. ст.] / Томск. гос. ун-т им. В. В. Куйбышева; Под ред. Г.А. Ракова. – Томск: Изд-во ТомГУ, 1993. – С. 4-9.
20. Бондаренко, Д.В. Эстетика языка украинских народных пословиц и поговорок [Текст]: Автореф. дис. … канд. филол. наук. / Д.В. Бондаренко; АН УССР. Ин-т языковедения им. А.А. Потебни. – Киев, 1977. – 25 с.
21. Бредис, М.А. Бережливость и скупость в паремиях (на материале русского, латышского, немецкого, английского и таджикского языков) [Текст] / М.А. Бредис // Вестник РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. – Семантика.- 2016. – №1. – С. 131-138.
22. Бредис, М.А. Человек и деньги [Текст]: Очерки о пословицах русских и не только / М.А. Бредис. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. – 296 с.
23. Брутян, Г.А. Язык и картина мира [Текст] / Г.А. Брутян // Философские науки. – 1973. – №1. – С. 107-111.
24. Булаховский, Л.А. Курс русского литературного языка [Текст] / Л.А. Булаховский. – 5-е изд., перераб. – Киев: Рад. школа, 1952. – 447 с.
25. Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке [Текст]: Учебное пособие для студентов вузов / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2001. – 304 с.
26. Васильев, Л.М. Современная лингвистическая семантика [Текст] / Л.М. Васильева. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.
27. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке [Текст] // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и

лексикография [Текст] / В.В.Виноградов. – М.: Наука, 1977. – С. 140-161.

28. Воробьев, В.В. Лингвокультурология. Теория и методы [Текст] / В.В. Воробьев. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
29. Гаврин, С.Г. Фразеология современного русского языка (в аспекте теории отражения) [Текст]: учеб. пособие по спецкурсу для филологов / С.Г. Гаврин. – М.: Высш. школа, 1969. – 231 с.
30. Гвоздарев, Ю.А. Основы русского фразообразования [Текст] / Ю.А. Гвоздарев; Рост. н/Д гос. ун-т. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1977. – 184 с.
31. Голембовская, Н.Г. Лингвокультурные антиномии в русскх и литовских паремиях [Текст]: дис. … канд. филол. наук / Н.Г. Голембовская. – Волгоград: Волгогр. гос. ун-т, 2014. – 209 с.
32. Гольшух, И.П. Предисловие [Текст] / И.П. Гольшух // Пословицы, поговорки и изречения, или народная мудрость на трех языках: русском, французском и немецком: С прибавлением некоторых на лат. яз. [Текст] / Сост. И.П. Гольшух, преп. Казан. третьей гимназии. – Казань: Тип. Имперского ун-та, 1888. – 103 с.
33. Григас, К.И. Литовские пословицы [Текст]: Сравнительное исследование / К.И. Григас. – Вильнюс: Вага, 1987. – 333 с.
34. Даль, В.И. Предисловие [Текст] // Даль В.И. Пословицы русского народа [Текст] / В.И. Даль. – СПб. – М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1879. – 1392 с.
35. Дандис, А.О. О структуре пословицы [Текст] / А.О. Дандис // Паремиологический сборник [Текст]: Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст) / [АН СССР, Ин-т востоковедения ; сост., ред. и предисл. Г.Л. Пермякова]. – М.: ГРВЛ Наука, 1978. – С. 13-34.- (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
36. Денисов, П.Н. Практика, история и теория лексикографии в их единстве и взаимообусловленности / П.Н. Денисов // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике [Текст] / Под ред. П.Н. Денисова и

В.В. Морковкина. – М.: Русский язык, 1978. – С.25-33.

37. Диас Ферреро, А.М. Анализ паремий, выражающих негативную оценку женщины в русском и португальском языках [Текст] / А.М. Диас Ферреро, Э.Ф. Керо Хервилья // Вестник Томского государственного университета. – Филология, 2018. –№ 54. – С. 42-58.
38. Дмитриева, О.А. Культурно-языковые характеристики пословиц и афоризмов (на материале французского и русского языков) [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук / О.А. Дмитриева; Волгоград гос. пед. ун-т. – Волгоград: Изд-во ВолгГПУ, 1997. – 24 с.
39. Дубровская, О.Г. К проблеме отражения национального самосознания в пословично-поговорочном фонде русского и английского языков / О.Г. Дубровская // Лингвистические аспекты речевой культуры [Текст]: Сб. науч. статей / Рос. Федерация. М-во образования, Тюм. гос. ун-т; [Редкол.: Н.К. Фролов (отв. ред.) и др.]. – Тюмень: Тюмень. гос. ун-т, 2000. – С. 27-34.
40. Еремеев, В.Е. Картина мира традиционной науки [Текст] // Метафизика. – 2012. – №1. – С. 60-68.
41. Жданова, В.В. Пословицы и поговорки как источник изучения русского культурно-языкового сознания / В.В. Жданова // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках [Текст] / Ин-т языкознания Рос. акад. наук ; отв. ред. В. Н. Телия. – М.: Языки славянской культуры, 2004. - С.151-160. - (Studia philologica).
42. Жуков, В.П. Предисловие [Текст] / В.П. Жуков // Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок [Текст] / В.П. Жуков, ред. В.П. Фелицына. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 535 с.
43. Залевская, А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека [Текст] / А.А. Залевская. –Калинин: Калинин. ун–т, 1977. – 83 с.
44. Замалетдинов, Р.Р. Конструирование картины мира и паремиологический фонд языка [Текст] / Р.Р. Замалетдинова // Филология и культура. –2010. – №1. – С. 54-58.

45. Зиновьева, Е.И. Культурная значимость орнитонима в аспекте лексикографического представления [Текст] / Е.И. Зиновьева // Научный диалог. – 2016. – № 2 (50). – С. 36-51.
46. Зиновьева, Е.И. Лингвокультурография в теории и практике РКИ / Е.И. Зиновьева // Русский язык и литература в современном гуманитарном общеобразовательном пространстве [Текст]: Материалы докладов и сообщений международной XV научно-методической конференции. Санкт-Петербург, 5 февраля 2010 г. – СПб.: СПГУТД, 2010. – С. 126-133.
47. Зиновьева, Е.И. Лингвокультурология: от теории к практике [Текст]: Учебник / Е.И. Зиновьева. – СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2016. – 182 с.
48. Зиновьева, Е.И. Проблемы отбора и подачи информации в словаре лингвокультурологического типа [Текст] / Е.И. Зиновьева // Русский язык и культура в пространстве русского мира [Текст]: Материалы II конгресса РОПРЯЛ. 26-28 октября 2010 года, Санкт-Петербург : [в 2 ч.]. Ч. I / Фонд Русский мир, [Российское о-во преподавателей русского яз. и лит.] ; [под ред. Е. Е. Юркова и др.].– СПб.: МИРС, 2010-а – С. 547-553.
49. Зиновьева, Е.И. Лингвокультурология: Теория и практика [Текст] / Е.И. Зиновьева, Е.Е. Юрков. – СПб.: ООО «Издательский дом «МИРС», 2009. – 291 с.
50. Иванов, В.В. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период) [Текст] / В.В. Иванов, В.Н. Топоров. – М.: Наука, 1965. – 246 с.
51. Иванова, Е.В. Мир в английских и русских пословицах [Текст]: Учебное пособие / Е.В. Иванова. – СПб.: СПбГУ, 2006. – 278 с.
52. Иванова, Е.В. Проблемы пословичной лексикографии [Текст] / Е.В. Иванова // Словарное наследие В.П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии (Третьи Жуковские чтения) [Текст]: Материалы Междунар. научного симпозиума 21–22 мая 2004 / [редкол.: В.И. Макаров (отв. ред.) и др.]. – Великий Новгород: Изд-во Новгород. ун-та, 2004. – С. 52–54.

53. Иванова, Н.Н. Структурно-семантические особенности и лингвокультурологический потенциал приметы [Текст]: Дисс. ... канд. филол. наук / Н.Н. Иванова; Псков. гос. пед. ун-т им. С.М. Кирова. – Псков: ПГПУ, 2005. – 274 с.
54. Иванова, Е.В. Пословичная концептуализация мира (на материале английских и русских пословиц) [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Иванова; С.- Петербург. Гос. ун-т. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2003. – 416 с.
55. Иванова, Е.В. Пословичные картины мира: (На материале англ. и рус. пословиц) [Текст]: Учебное пособие / Е.В. Иванова. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2002. – 280 с.
56. Кабанова, Н.М. Особенности природы пословицы как единицы паремиологического пространства / Н.М. Кабанова // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты) [Текст]: Международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею д. ф. н., проф. Алины Михайловны Мелерович, [Кострома, 20-22 марта 2008 г.] / Междунар. комитет славистов, Фразеолог. комис. [и др.] ; [редкол.: В. М. Мокиенко и др.]. – М.: Элпис, 2008. – С. 569-572.
57. Камышанченко, Е.А. Сопоставительный анализ пословиц и поговорок английского и немецкого языков, репрезентирующих концепт «Деньги» [Текст] / Е.А. Камышанченко, Н.В. Нерубенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики.- 2012. – № 1 (12). – С. 78-80.
58. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – 368 с.
59. Касарес, Х. Введение в современную лексикографию [Текст] / Х. Касарес. – М.: Иностранная литература, 1958. – 354 с.
60. Касевич, В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык [Текст]. – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996. – 288 с.
61. Койранская, Е.А. Разностороннее изучение паремий в русской и

зарубежной лингвистике [Текст] / Е.А. Койранская // Вестник Орловского государственного университета. – 2011.- №1(15). – С. 257-259.

62. Кокаре, Э.Я. Интернациональное и национальное в латышских пословицах и поговорках [Текст] / Э.Я. Кокаре. – Рига: Зинатне, 1978. – 294 с.
63. Копыленко, М.М. Об объеме и методах фразеологии как научной дисциплины // Вопросы фразеологии [Текст] / Мин-во высш. и сред. спец. образования Узбекской ССР, Самаркандский гос. ун-т им. Алишера Навои ; отв. ред. Л. И. Ройзензон. – Ташкент: Наука, 1965. – С. 53-63.
64. Красных, В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология [Текст] / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 283 с.
65. Кривощапова, Ю.А. Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Ю.А. Кривошапова. – Екатеринбург: Ур. гос. ун-т им. А.М. Горького, 2007. – 252 с.
66. Кумахова, Д.Б. Оценочная категоризация действительности в пословичной картине мира (на материале кабардино-черкесского и русского языков) [Текст]: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Д.Б. Кумахова; Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х.М. Бербекова. – Нальчик, 2011. – 22 с.
67. Кумахова, Д.Б. Оценочная категоризация действительности в пословичной картине мира (на материале кабардино-черкесского и русского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук / Д.Б. Кумахова. – Нальчик, 2011. – 22 с.
68. Ларин, Б.А. Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) / Б.А. Ларин // Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике[Текст] / [Отв. ред. проф. Б.А. Ларин]. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1956. – С. 200-225. – (Ученые записки ЛГУ. Серия филол. наук. Вып. 24, №198).

69. Лаутенбах, Я. Очерки из истории литовско-латышского народного творчества. Параллельные тексты и исследования [Текст] / Я. Лаутенбах. – М.: Книга по Требовнию, 2011. – 243 с.
70. Ли, Шули. К вопросу об изучении русских пословиц, поговорок в китайской аудитории / Шули Ли // Русский язык в межкультурном коммуникативном пространстве [Текст]: Материалы международной научно-практической конференции. Иркутск, 22-25 июня 2005 г. / [Ред.: Т.В. Бронская, Л.И. Захарова, С.Э. Лятти]. – Иркутск: ИГТУ, 2005. – С. 47-51.
71. Лисицына, Г.А. Ценностная Параметризация как аспект моделирования паремической картины мира / Г.А. Лисицына // Устойчивые фразы в парадигмах науки [Текст]: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Владимира Леонидовича Архангельского. Тула, 08-11 июня 2015 г. / Тульский гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого; Комис. по славянской фразеологии, Междунар. ком. славистов, Ин-т языкознания РАН; [науч. ред. Г. В. Токарев]. – Тула: С-принт, 2015. – С. 387-391.
72. Ломакина, О.В. О метаязыке современного словаря пословиц [Текст] / О.В. Ломакина // Метафизика. – 2012. – № 4. – С. 65–73.
73. Ломакина, О.В. Параметризация русских пословиц и поговорок в лексикографической практике [Текст] / О.В. Ломакина // Проблемы истории, филологии, культуры.- 2011.– № 3 (33).- С. 215–222.
74. Ломакина, О.В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль [Текст] / О.В. Ломакина. – М.: РУДН, 2018. – 344 с.
75. Ломакина, О.В. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне украинского и русского языков [Текст] / О.В. Ломакина, В.М. Мокиенко // Русин. – 2016. – №3 (45). – С. 119-128.
76. Ломакина, О.В. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне русского и украинского языков) [Текст] / О.В. Ломакина, В.М. Мокиенко // Русин. – 2018. –№4 (54). – С. 303 – 317.

77. Лотман, Ю.М. О семиотическом механизме культуры / Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский // Труды по знаковым системам. 5: памяти В.Я. Проппа [Текст] / отв. ред. Ю. Лотман. – Тарту, 1971.- С. 144-166.- (Ученые записки Тартуского гос. ун-та; вып. 284).

78. Лукьянова, Н.А. Лингвокультурография в системе современной российской лексикографии (90-е гг. XX – начало XXI в.) / Н.А. Лукьянова // Texun grammatike (Искусство грамматики) [Текст]: Сборник памяти профессора К.А. Тимофеева. Вып. 2. – Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2005-а. – С. 158-180.

79. Лукьянова, Н.А. Типология русских лингвистических словарей [Текст] / Н.А. Лукьянова // Вестник НГУ. Серия: История, филология.– 2005-б. – Вып.4.- С.20-45.

80. Лукьянова, Н.А. Типология современных русских словарей // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах [Текст]: межвуз. сб. науч. тр. Вып.1 / отв. ред. Н.А. Лукьянова.- Новосибирск: НГУ, 1996.– С. 94-115.

81. Маслова, В.А. Лингвокультурология [Текст] : учеб. пособие для студ. вузов. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

82. Мифы народов мира [Текст]: Энциклопедия. (В 2 томах) Т. 2 / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Совет. Энциклопедия, 1982. — 720 с.

83. Михельсон, М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии [Текст]: сб. образных слов и иносказаний: в 2 т. / М.И. Михельсон.– М.: ТЕРРА, 1997.- 800 с. (Т.1), 832 с. (Т.2).

84. Младенович, М. Оппозиция «работа – безделье» в русских паремиях на фоне сербского языка (лингвокультурологический аспект) [Текст]: магистер. дисс. / Майя Младенович. – СПб.: СПбГУ, 2018. – 165 с.

85. Моисеева, В.Л. Безличные глагольные предикаты состояния лица в русской языковой картине мира [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.Л. Моисеева; СПбГУ. – СПб.: Изд-во СПбГУ,1998. – 16 с.

86. Мокиенко, В.М. Аспекты исследования славянской паремиологии / В.М. Мокиенко // Паремиология в дискурсе. Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира [Текст] / под ред. О.В. Ломакиной. – М.: Ленанд, 2015. – С. 4-25.

87. Мокиенко, В.М. Предисловие (К читателю) // Мокиенко В.М. Народная мудрость [Текст] / В.М. Мокиенко, Т. Никитина. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. – С. 4-15.

88. Мокиенко, В.М. Проблемы славянской паремиологии / В.М. Мокиенко // Славянская фразеология и паремиология в XXI веке [Текст]: Междунар. науч. конференция. Могилев, 28-31 августа 2009 г. Сборник научных статей / под ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко. – Минск: Змицер Колас, 2010. – С. 167-188.

89. Мокиенко, В.М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) [Текст] / В.М. Мокиенко // Мир русского слова. –2010. – № 3. – С. 6–20.

90. Мокиенко, В.М. Предисловие / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева // Большой словарь русских пословиц [Текст] / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. – М.: Олма Медиа Групп, 2010. – 1024 с.

91. Молотков, А.И. Основы фразеологии русского языка [Текст] / А.И. Молотков. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. – 283 с.

92. Морковкин, В.В. Антропоцентрический *versus*: лингвоцентрический подход к лексикографированию / В.В. Морковкин // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном слове [Текст]: сборник статей / отв. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1998. – С. 131-136.

93. Морозова, Л.А. Художественные формы пословиц / Л.А. Морозова // Вопросы жанров рус. фольклора [Текст]: Сб. ст. / ред. Н.И. Кравцов.– М.: Издательство МГУ, 1972. – С. 3-17.

94. Натхо, О.И. Лингвокогнитивные особенности прилагательных сквозь призму паремиологической картины мира [Текст] // Вестник Российского

университета дружбы народов. Серия Лингвистика.– 2008. – №4. – С. 37-45.

95. Нелюбова, Н.Ю. Семья как общечеловеческая ценность во французской и русской пословичной картине мира [Текст] // Филологические науки. – 2019. – № 6. – С. 50-59.

96. Никитина, С.Е. О концептуальном анализе в народной культуре / С.Е. Никитина // Логический анализ языка [Текст]: Культурные концепты / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1991. – С. 117-123.

97. Пермяков, Г.Л. Предисловие // Пермяков Г.Л. Избранные пословицы и поговорки народов Востока [Текст]: Систематизир. собр. изречений двухсот народов / Г.Л. Пермяков. – М: Наука, 1968. – 170 с.

98. Пермяков, Г.Л. Основы структурной паремиологии [Текст] / Г.Л. Пермяков. – М.: Наука, 1988. – 237 с.

99. Пи, Цзянькунь. Оппозиция правда – ложь в паремиологическом пространстве русского языка : лингвокультурологический аспект [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук / Пи Цзянькунь; СПбГУ. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. – 168 с.

100. Плескачева, Я.С. Лингвокультурологические особенности пословиц с зоонимами в английском, немецком и русском языках [Текст] / Я.С. Плескачева. – Челябинск: Lingua mobilis, 2014. – 8 с.

101. Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира [Текст] / отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 8-69.

102. Потебня, А.А. Из лекции по теории словесности. Басня, пословица, поговорка [Текст] / Под ред. В.И. Харциева.- 3-е изд., доп.. – Харьков: Гос. изд-во Украины, 1930. – 130 с.

103. Потебня, А.А. Теоретическая поэтика [Текст] / Сост., вступ. ст., коммент. А.Б. Муратова. – М.: Высш. шк., 1990. – 344 с.

104. Предисловие (От редакционной коллегии) // Лингвистический

энциклопедический словарь [Текст] / Под ред. В.Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С.5-6.

105. Предисловие // Русские народные загадки, пословицы, поговорки [Текст] / Сост., авт. вступ. ст., коммент. и слов. Ю.Г. Круглов. – М.: Просвещение, 1990. – 336 с.

106. Розенталь, Д.Э. Предисловие // Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов [Текст] / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1985. – С.3-9.

107. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира [Текст] / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.

108. Руднев, В.П. Предисловие (От автора) // Руднев В.П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты [Текст] / В.П. Руднев. – М.: Аграф, 1997. – С. 5-6.

109. Рыбникова, М.А. Введение // Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки [Текст] / М.А. Рыбникова; АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С.7-32.

110. Савенкова, Л.Б. Русская паремиология [Текст]: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л.Б. Савенкова. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 2002. – 240 с.

111. Се, Цюцзюй. Сравнение русских и китайских пословиц и фразеологизмов с компонентом-названием зоонимов [Текст] / Се Цюцзюй. – Дацин: Цзяоюй Юйжэнь, 2007. – 2 с.

112. Селиверстова, Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость [Текст] / Е.И. Селиверстова; науч. ред. В.М. Мокиенко.- 2-е изд., испр. и доп. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 296 с.

113. Селиверстова, Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость [Текст] / Е.И. Селиверстова. – СПб.: ООО «МИРС», 2009. – 270 с.

114. Селиверстова, Е.И. Русская пословица в паремиологическом

пространстве: стабильность и вариативность (лингвистический аспект) [Текст]: Дис. … канд. филол. наук / Е.И. Селиверстова; СПбГУ. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. – 421 с.

115. Селиверстова, Е.И. Явление окказиональной лексической синонимии в пословице [Текст] / Е.И. Селиверстова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика.- 2008. – № 3. – С. 68-77.

116. Семененко, Н.Н. Когнитивно-прагматическая парадигма паремической семантики (на материале русского языка) [Текст]: Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Н.Н. Семененко; Белгород. гос. ун-т. – Белогород: Изд-во БГУ, 2012. – 418 с.

117. Серегина, М.А. Паремиологическая картина мира: вопросы теории [Текст] / М.А. Серегина // Materiály VIII mezinárodni vědecko-praktická conference «Vědecky pokrok na přelomu tysyachalety – 2012». – Praha: Publishing House «Education and Science» s.r.o., 2012. – С. 52–56.

118. Снегирев, И.М. Русские в своих пословицах [Текст]: Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках / И.М. Снегирев. – М.: В Унив. тип., 1831. – 174 с.

119. Степанов, Ю.С. Основы общего языкознания [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.

120. Сюй, Хаоин. Русские паремии с компонентом – зоонимом в лингвокультурологическом аспекте (на фоне китайского языка) [Текст] / Сюй Хаоин. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. – 137 с.

121. Тагиев, М.Т. Окружение фразеологизма и слова [Текст] / М.Т. Тагиев // Вопросы фразеологии [Текст] : Материалы 1-й межресп. конференции по вопросам фразеологии, состоявшейся 15-18 сент. 1959 г. в Самарк. гос. ун-те / [Отв. ред. У. Турсунов]. Т. III. Доклады, предназначенные для обсуждения на симпозиуме "Фразеологизм и слово".– Самарканд: Изд-во Самарканд. ун-та, 1970. – С. 201-212.- (Труды Самаркандского

государственного университета им. Алишера Навои. Новая серия/ М-во высш. и сред. спец. образования УзССР; Вып. 178).

122. Тань, Аошуан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность [Текст] / Тань Аошуан. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.

123. Тарланов, З.К. Русские пословицы [Текст]: Синтаксис и поэтика / З.К. Тарланов; М-во общ. и проф. образования РФ, Петрозаводский гос. ун-т. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 1999. – 447 с.

124. Телия, В.Н. Первоочередные задачи и методические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры [Текст] / В.Н. Телия // Фразеология в контексте культуры [Текст]: сб. ст. / РАН, Институт языкознания, проблемная группа "Общая фразеология"; отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 13-25.

125. Телия, В.Н. Русская фразеология [Текст]: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

126. Тимошенко, И.Е. Литературные первоисточники и прототипы 300 русских пословиц и поговорок [Текст] / И.Е. Тимошенко. – Киев: Тип. П. Барского, 1897. – 174 с.

127. Толстой, Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин [Текст] / Н.И. Толстой // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста [Текст]: Антология / Под ред. проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 306-315.

128. У, Вэй. Времена года в русской языковой картине мира (на фоне китайского языка) [Текст]: дисс. ... канд. филол. Наук / У Вэй; СПбГУ. – СПб.: Изд-вомСПбГУ, 2013. – 173 с.

129. Урысон, Е.В. Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) [Текст] / Е.В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 3–21.

130. Уфимцева, А.А. Опыт изучения лексики как системы [Текст] / А.А. Уфимцева. – М.: УРСС, 2004 – 286 с.

131. Фелицына, В.П. О пословицах и поговорках как материале для фразеологического словаря [Текст] / В.П. Фелицына // Проблемы фразеологии [Текст]: Исследования и материалы. [Сб. ст.] / под ред. А.М. Бабкина. – М.: Наука, 1964. – С. 200-204.

132. Фрумкина, Р.М. Психолингвистика [Текст] / Р.М. Фрумкина. – М.: Академия, 2001. – 320 с.

133. Хуайнань-цзы. Философы из Хуайнани [Текст] / Пер. Л.Е. Померанцевой. – М.: Мысль, 2004. – 430 с.

134. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка [Текст] / Н.М. Шанский. –4-е изд, испр. и доп. – СПб: Наука, 1996. – 402 с.

135. Шмелев, А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность [Текст] / А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.

136. Юань, Лиин. Русские пословицы о воспитанности/невоспитанности на фоне аналогичных паремий китайского языка (лингвокультурологический аспект) [Текст] : дисс. ... канд. филол. наук / Юань Лиин; СПбГУ. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2016. – 242 с.

137. Яковлева, Е.С. К описанию русской языковой картины мира [Текст] / Е.С. Яковлева // Русский язык за рубежом. – 1996. – №1–3. – С. 47–57.

138. Dundes, Alan Folk Ideas as Units of Worldview [Text] / Alan Dundes // Toward New Perspectives in Folklore [Text]/ Eds. A. Paredes, R. Bauman. – Austin, London, Texas: Univ. of Texas Press, 1972. – S. 94-103.

139. Mieder, V. Twisted Wisdom, Modern Anti-Proverbs [Text]. – Vermont, 1998. – 396 p.

140. Taylor, A. Selected writings on proverbs [Text] / A. Taylor. – Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1975. – 203 s.

141. 陈建民 文化语言学 北京 语文导报 1987 年 80-91 页。(Чэнь, Цзяньминь. Лингвокультурология [Текст] / Чэнь Цзяньминь. – Пекин: Юйвэнь Даобао, 1987. – С. 80-91.)

142. 陈建民 语言文化社会新探 上海 上海教育出版社 1989 年 264 页。(Чэнь, Цзяньминь. Новое исследование о лингвокультурологии [Текст] / Чэнь Цзяньминь. – Шанхай: Шанхай Цзяоюй Чубаньшэ, 1989. – 264 с.)

143. 陈建民、谭志明主编 语言与文化多学科研究 北京 北京语言学院出版社 1993 年。(Чэнь, Цзяньминь. Междисциплинарное исследование языка и культуры [Текст] / Чэнь Цзяньминь, Тань Чжимин. – Пекин: Издательство пекинского языкового института, 1993.)

144. 杜峻晓、王锡义 谚语简论 山西 山西师大学报 1981 年 13-17 页。(Ду, Цзюньсяо. Краткое обсуждение пословиц [Текст] / Ду Цзюньсяо, Ван Сии. – Шаньси: Шаньси Дасюебао, 1981. – 13-17 с.)

145. 段平 谚语及其艺术特色 兰州 兰州大学学报 1980 年 90-97 页。(Дуань, Пин. Художественные особенности пословиц [Текст] / Дуань Пин. – Ланьчжоу: Ланьчжоу Дасюе Сюебао, 1980. – С. 90-97.)

146. 霍旭东 论“谚语”山东 山东大学学报 1956 年 1-21 页。(Хо, Сюйдун. Рассмотрение пословиц [Текст] / Хо Сюйдун. – Шаньдун: Шаньдун Дасюе Сюебао, 1956. – С. 1-21.)

147. 吕叔湘 中国俗语大辞典 北京 北京语文出版社 1989 年 673 页。(Люй, Шусян. Предисловие [Текст] / Люй Шусян // Большой словарь китайских пословиц [Текст]. – Пекин: Филологическое издательство, 1989. – 673 с.)

148. 彭文钊 俄语世界图景的文化释义：理论与方法 黑龙江 黑龙江大学 2002 年 262-273 页。(Пэн, Вэньчжао. Интерпретация русской языковой картины мира [Текст]: теория и метод / Пэн Вэньчжао. – Хэйлунцзян: Хэйлунцзянский университет, 2002. – С. 262-273.)

149. 申小龙 中国文化语言学 吉林 吉林教育出版社 1990 年 458 页。(Шэнь, Сяолун. Китайская лингвокультурология [Текст] / Шэнь Сяолун. – Цзилинь: Цзилинь Цзяоюй Чубаньшэ, 1990. – 458 с.)

150. 史有为 异文化的使者—外来词 吉林 吉林教育出版社 1991 年。(Ши, Ювэй. Заимствованные слова – посланцы зарубежной культуры [Текст] / Ши Ювэй. – Цзилинь: Цзилинь Цзяоюй Чубаньшэ, 1991.)

151. 宋永培、端木黎 中国文化语言学辞典 四川 四川人民出版社 1993 年。(Сун, Юнпэй. Предисловие / Юнпэй Сун, Мули Дуань // Китайский лингвокультурологический сорварь [Текст]. – Сычуань: Сычуань Жэньминь Чубаньшэ, 1993.)

152. 王书贵 谚语简论 湖北 湖北大学学报 1980 年。(Ван, Шугуй. Краткое обсуждение пословиц [Текст] / Ван Шугуй. – Хубэй: Хубэй Дасюе Сюебао, 1980.)

153. 温端政 谚语大词典 北京 北京语文出版社 2004 年 310 页。(Вэнь, Дуаньчжен. Предисловие / Вэнь Дуаньчжэн // Большой словарь пословиц [Текст]. – Пекин: Филологическое изд-во, 2004. – 310 с.)

154. 温端政 中国谚语大辞典 上海 上海辞书出版社 2011 年 1398 页。(Вэнь, Дуаньчжэн. Предисловие / Вэнь Дуаньчжэн // Большой словарь китайских пословиц [Текст]. – Шанхай: Шанхай Цышу Чубаньшэ, 2011. – 1398 с.)

155. 杨海云、谭林 语言世界图景之管窥 北京 中国俄语教学 2003 年 7-11 页。(Ян, Хайюнь. Наблюдения над языковой картиной мира [Текст] / Ян Хайюнь, Тань Линь. – Пекин: Русский язык в Китае, 2003. – С. 7-11.)

156. 杨喜昌、吴国华 文化语义学 北京 军事译文出版社 2000 年 258 页。(Ян, Сичан. Культурная семантика [Текст] / Ян Сичан, Ву Гохуа. – Пекин: Цзюньши Ивэнь Чубаньшэ, 2000. – 258 с.)

157. 游汝杰 文化语言学答疑 吉林 汉语学习 1989 年。(Ю, Жуцзе. Проблемы лингвокультурологии [Текст] / Ю Жуцзе. – Цзилинь: Изучение китайского языка, 1989.)

158. 游汝杰 中国文化语言学的涵义和界说 上海 复旦学报 1995 年 217-222 页。(Ю, Жуцзе. Понимание и определение китайской

лингвокультурологии [Текст] / Ю Жуцзе. – Шанхай: Вестник Фуданького университета, 1995. – С. 217-222.)

159. 游汝杰、周振鹤 方言与中国文化 上海 上海人民出版社 1985 年 260 页。(Ю, Жуцзе. Диалект и китайская культура [Текст] / Ю Жуцзе, Чжоу Чжэньхэ. – Шанхай: Шанхай Жэньминь Чубаньшэ, 1985. – 260 с.)

160. 张公步 语言的文化价值 北京 民族团结杂志社 1989 年 121-135 页。(Чжан, Гунбу. Культурная значимость языка [Текст] / Чжан Гунбу. – Пекин: Миньцзу Туаньцзе Цзачжишэ, 1989. – С. 121-135.)

161. 郑涛 俄汉谚语语言世界图景中的文化差异 贵州 贵州民族学院学报 2009 年。(Чжэн, Тао. Разница между русской и китайской паремиологическими картинами мира [Текст] / Чжэн Тао. – Гуйчжоу: Гуйчжоу миньцзу сюебао, 2009.)

162. 祝畹瑾 社会语言学译文集 北京 北京大学 1985 年。(Чжу, Ваньцзинь. Сборник переводных статей о социолингвистике [Текст] / Чжу Ваньцзинь. – Пекин: Пекинский университет, 1985.)

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ИСТОЧНИКОВ

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий [Текст] / Под ред. В.Н. Телия. – М.: Аст-Пресс книга, 2006. – 784 с.
2. Вальтер, Х. Антипословицы русского народа [Текст] / Х. Вальтер, В.М. Мокиенко; ОЛМА медиагрупп. – СПб.: Нева, 2005. – 573 с.
3. Гольшух, И.П. Пословицы, поговорки и изречения, или народная мудрость на трех языках: русском, французском и немецком: С прибавлением некоторых на лат. яз. [Текст] / Сост. И.П. Гольшух, преп. Казан. третьей гимназии. – Казань: Тип. Имперского ун-та, 1888. – 103 с.
4. Даль, В.И. Пословицы русского народа [Текст]: Сборник. В 2 т. Т. 1 – 2. / В.И. Даль. – М.: ТЕРРА; «Книжная лавка – РТР», 1996. – 432 с. (Т.1), 424 с. (Т.2).
5. Даль, В.И. Пословицы русского народа [Текст] / В.И. Даль. – СПб. – М.:

Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1879. – 1392 с.

6. Елистратов, В.С. Язык старой Москвы [Текст]: Лингвоэнциклопедческий словарь. Около 4000 единиц / Елистратов В.С.; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Русские словари, 1997. – 704 с.
7. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок [Текст] / В.П. Жуков, В.П. Фелицына. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 535 с.
8. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок [Текст] / В.П. Жуков. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз.,1991. – 534 с.
9. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок [Текст] / В.П. Жуков. 13-е изд., стереотип. – М.: Дрофа: Русский язык, 2007. – 649 с.
10. Захаренко, И.В. Русское культурное пространство [Текст]: Лингвокультурологический словарь / И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков. – М.: Гнозис, 2004. – 318 с.
11. Зимин, В.И. Пословицы и поговорки русского народа [Текст]: Объяснительный словарь / В.И. Зимин, А.С. Спирин. – М.: Сюита, 1996. – 544 с.
12. Зимин, В.И. Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь [Текст] / В.И. Зимин, А.С. Спирин. – Ростов н/Д: Феникс; М.: Цитадель-трейд, 2006. – 543 с.
13. Ковшова, М.Л. Словарь лингвокультурологических терминов [Текст] / М.Л. Ковшова, Д.Б. Гудков; Отв. ред. М.Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2017. – 192 с.
14. Колесников, Н.П. Толковый словарь названий женщин [Текст]: Более 7000 единиц / Н.П. Колесников. – М.: Астрель: АСТ, 2002. – 607 с.
15. Кунин, А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь [Текст] / Лит. ред. М.Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1984. – 944 с.
16. Лексико-фразеологический словарь русского языка [Текст]: Более 1400 фразеологизмов / А.В. Жуков. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 603 с.

17. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / Под ред. В.Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
18. Мифы народов мира [Текст]: Энциклопедия. (В 2 томах.) Т. 2 / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Сов. Энциклопедия, 1982. — 720 с.
19. Мокиенко, В.М. Народная мудрость [Текст] / В.М. Мокиенко. – М.ОЛМА Медиа Групп, 2011. – 416 с.
20. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских пословиц [Текст] / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. – М.: Олма Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
21. Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1989. – 750с.
22. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Текст]: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М.: Издательство АСТ: Мир и Образование, 2018. – 736 с.
23. Пермяков, Г.Л. Избранные пословицы и поговорки народов Востока [Текст]: Систематизир. собр. изречений двухсот народов / Г.Л. Пермяков. – М: Наука, 1968. – 170 с.
24. Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII-XX вв. [Текст] / изд. подг. М.Я. Мельц, В.В. Митрофанова, Г.Г. Шаповалова. – М.; Л: АН СССР, 1961. – 289 с.
25. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов [Текст] / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
26. Россия [Текст]: Большой лингвострановедческий словарь: Около 1000 словарных статей / Под общ. ред. Ю.Е. Прохорова. – М.: Аст-Пресс книга. – 736 с.
27. Руднев, В.П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты [Текст] / В.П. Руднев. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.
28. Руднев, В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века: ключевые

понятия и тексты [Текст] / В.П. Руднев. – М.: Аграф, 2001. – 599 с.

29. Русские народные загадки, пословицы, поговорки [Текст] / Сост., авт. вступ. ст., коммент. и слов. Ю.Г. Круглов. – М.: Просвещение, 1990. – 336 с.
30. Русские народные пословицы и поговорки [Текст] / А.М. Жигулев. – М.: Наука, 1969. – 448 с.
31. Рыбникова, М. А. Русские пословицы и поговорки [Текст] / М.А. Рыбникова; АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 229 с.
32. Саяхова, Л.Г., Тематический словарь русского языка [Текст] / Л.Г. Саяхова, Д.М. Хасанова, В.В. Морковкин; Под ред. В.В. Морковкина. — М.: Рус. яз., 2000. – 560 с.
33. Симони, П.К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII – XIX столетий [Текст]: Вып. 1. / Собр. и пригот. к печати Павел Симони.– СПб.: Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1899. – 216 с.
34. Словарь русского языка [Текст]: в 4 т. / Ред. А.П. Евгеньева. – М.: Русский язык, 1985-1988.
35. Словарь социолингвистических терминов [Текст] / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. – М.: Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.
36. Снегирев, И. Русские народные пословицы и поговорки [Текст] / И. Снегирев. – М.: ТЕРРА, 1995. – 352 с.
37. Соболев, А.И. Народные пословицы и поговорки [Текст] / А.И. Соболев. – М.: Московский рабочий, 1955. – 155 с.
38. Функционально-когнитивный словарь русского языка: (Сфера деятельность) [Текст] / Т.А. Кильдибекова, Г.В. Гафарова, Э.М. Миргаязова, Д.А. Юлдашева; М-во образования РФ, Башкир. гос. ун-т. – Уфа: Башкир. Ун-т, 2001. – 232 с.
39. Mieder, V. Twisted Wisdom, Modern Anti-Proverbs [Text]. – Vermont, 1998. – 396 p.

40.吕叔湘 中国俗语大辞典 北京 北京语文出版社 1989 年 673 页。(Люй, Шусян. Большой словарь китайских пословиц [Текст] / Люй Шусян. – Пекин: Филологическое издательство, 1989. – 673 с.)

41.宋永培、端木黎 中国文化语言学辞典 四川 四川人民出版社 1993 年。(Сун, Юнпэй. Китайский лингвокультурологический сорварь [Текст] / Сун Юнпэй, Дуань Мули. – Сычуань: Сычуань Жэньминь Чубаньшэ, 1993.)

42.温端政 中国谚语大辞典 上海 辞书出版社 2011 年 638 页。(Вэнь, Дуаньчжэн. Большой словарь китайских пословиц [Текст] / Вэнь Дуаньчжэн. – Шанхай: Словарное издательство, 2011. – 638 с.)

43.温端政 谚语大词典 北京 北京语文出版社 2004 年 310 页。(Вэнь, Дуаньчжен. Большой словарь пословиц [Текст] / Вэнь Дуаньчжен. – Пекин: Филологическое изд-во, 2004. – 310 с.)

44.温端政 中国谚语大辞典 上海 上海辞书出版社 2011 年 1398 页。(Вэнь, Дуаньчжэн. Большой словарь китайских пословиц [Текст] / Вэнь Дуаньчжэн. – Шанхай: Шанхай Цышу Чубаньшэ, 2011. – 1398 с.)

СПИСОК ЭЛЕКТРОННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Национальный корпус русского языка. Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru/
2. 中国知网 (Чжишиван): https://www.cnki.net
3. 北大语料库 (Лингвистического корпуса Пекинского университета): http://ccl.pku.edu.cn

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1. Список установок культуры, вербализованных в русских и китайских пословицах

1. Каждому – свое.
2. Что-то незначительное может причинить большой вред/создать проблему.
3. Слабый становится жертвой более сильного.
4. Чтобы добиться успеха, надо набраться терпения.
5. Где проблема, слабые места, там и опасность/угроза.
6. Жажда добычи губительна.
7. И ничтожное существо устроено как все остальные, и оно может быть полезным.
8. Красивое, лакомое привлекает к себе всех.
9. Не надо преувеличивать чьи-либо способности.
10. Из-за малого есть риск потерять большое.
11. Невозможно причинить вред безупречному человеку.
12. Мелкое и незначительное не может противостоять чему-то крупному.
13. Во всяком деле нужна взаимопомощь.
14. Каждый привыкает к своему привычному окружению, среде обитания.
15. Ничто не происходит без причины.
16. Тот, кто обижает более слабых, трус, который боится тех, кто сильнее его.
17. Всё имеет две стороны, важно, на какую из них человек обращает внимание.
18. Чтобы добиться успеха, сначала надо приложить усилия.

Приложение № 2. Список установок культуры, вербализованных только в русских пословицах

1. Необходимо соизмерять усилия с тем делом, которым человек занимается.
2. Не все обладают равными способностями.
3. За неимением лучшего приходится довольствоваться малым.
4. Более сильный легко избавится от беды, более слабый скорее попадет в беду.
5. Чьему примеру последуешь, то с тобой и случится.
6. Чтобы добиться успеха, сначала надо преодолеть трудности.
7. Легко (купить) получить, тяжело (продать) избавиться.
8. Труд имеет большое значение.
9. И у ничтожного существа есть своя значимость.
10. Каков отец, таков и сын.
11. Для достижения цели важен сильный могущественный помощник.
12. Нужно быть оптимистом, зря не грустить, не думать о плохом.
13. Глупость очевидна всем, она не дает возможности противостоять даже мелким неприятностям.
14. Без правителя нарушается порядок.
15. Можно навредить человеку, создав ему небольшую, но мучительную проблему.
16. Нельзя однозначно плохо судить о чем-то (ком-то).
17. Скупость осуждается.
18. Мелкое и незначительное может противостоять чему-то крупному.
19. Даже что-то мелкое может сильно раздражать.
20. Спешка не доводит до добра.
21. О ком-либо, находящемся в состоянии крайней бедности.
22. Все, живущее на Земле, имеет смысл существования, оценки субъективны.

23. Всяк опасен по-своему.
24. Из разряда однопорядковых вещей что-то является более предпочтительным.
25. Некоторые вещи (положения вещей) несовместимы.
26. Желания не всегда совпадают с возможностями.
27. Не нужно преувеличивать опасность.
28. Плохое порождает плохое.
29. Боль можно причинить по-разному.
30. Для всего нужна подходящая обстановка.
31. Чтобы успешно чем-либо заниматься, необходимо быть внимательным и собранным.
32. Польза важнее сопровождающих ее неприятностей.
33. Свой своего не трогает.
34. Даже способный человек может попасть в беду.
35. Что-то может разрешиться само собой, без усилий.
36. О несоответствии (несовпадении) желания и возможности его осуществить.
37. Что-то не страшное с виду может таить большую опасность.
38. От неприятности трудно избавиться.
39. Что-то приходится делать по необходимости, а не по желанию.
40. Человек может обращать внимание на мелочи, а более существенных вещей не замечать.
41. Можно стремиться завладеть далеким, не замечая доступного.
42. Извлечение пользы на своем месте, путем своего ремесла.
43. Человек становится слабым, если у него нет необходимого.
44. Нельзя обвинять человека с физическими недостатками.
45. Жадного человека невозможно удовлетворить.
46. Чтобы реализовать (продать) что-либо, нужно это похвалить.
47. Интенсивное (даже отрицательное) воздействие приводит к положительному результату.

48. Пустословие бессмысленно.
49. От столкновений сильных мира сего страдают обычные люди.
50. Работа может быть выполнена настолько идеально, что в ней невозможно найти ни малейшего изъяна.
51. Всё может измениться.
52. Каждый человек хочет иметь деньги, достаток.
53. О странном поступке.
54. Не нужно создавать благоприятные условия тому, от кого ждешь неприятностей.
55. Человеку трудно понять другого (чужого).
56. Многое видится по-другому, когда есть опыт попадания в сложную ситуацию.
57. За одной неприятностью могут следовать другие.
58. Не надо нарушать границы своего пространства.
59. Проблема может быть глубже, чем кажется.
60. О ком-то, кто нашел для себя хорошие условия.
61. Случается то, во что трудно поверить.
62. Отсутствие значимого результата.
63. О человеке, который не соблюдает правил приличия, не отвечает на приветствия.
64. Все нужно делать вовремя.
65. Не нужно сравнивать незначительное с существенным.
66. Что-либо может не соответствовать реальному положению дел.

Приложение № 3. Список установок культуры, вербализованных только в китайских пословицах

1. Ко всему можно привыкнуть.
2. Большую важность имеет коллективизм.
3. Трудолюбивый служит положительным примером, ленивый является плохим примером.

4. Не стоит недооценивать проблему.
5. Возможности одного человека малы.
6. Существует некая минимальная мера.
7. Нечестные (не чистые на руку) люди чувствуют, где можно обогатиться.
8. Чтобы извлечь пользу, надо иметь храбрость.
9. Каждый боится чего-то определенного.
10. Бедность отталкивает, создает проблемы.
11. У каждого имеется свой противник.
12. Причина и следствие тесно связаны.
13. Нельзя из-за малого терять большое.
14. Для хорошего результата нужно усилие очень многих.
15. Человек, испытавший боль или страх в прошлом, перестраховывается в будущем.
16. Пожилые люди мудры благодаря своему опыту.
17. Ум, сметливость помогут добиться успеха.
18. Зло порождает зло.
19. Должный порядок присутствует в каждом обществе.
20. Из толпы всегда выделяется более способный.
21. Более ленивый скорее попадет в беду, более трудолюбивый легко избавится от беды.
22. Во всяком добре живет зло, все имеет свою оборотную сторону.
23. Нужно быть благодарным за добро.
24. Более слабый не может причинить вред более сильному.
25. Возможности коллектива безграничны.
26. Где проблема, слабые места, там и ищи причину.
27. Где проблема, слабые места, там появляются определенные признаки.
28. Все плохое где-то прячется.
29. Если у человека много проблем, то он везде чувствует себя плохо.
30. У бедных людей много горя.

31. Если человек морально нечистоплотный, то он и совершает плохие поступки.
32. Незначительное не может быть важным.
33. От проблем трудно полностью избавиться.
34. У богатого все лучше.
35. Талантливый занимается делом – бездарный бездельничает.
36. У того, кто занимает более высокое социальное положение, тоже есть проблемы.
37. Чем больше количество чего-либо, тем больше проблем.
38. Беда/опасность не коснутся трудолюбивого человека.
39. Нет повода – нет действия.
40. Более ловкий легко избавится от опасности/угрозы.
41. О чем-то легко осуществляемом.
42. В некоторых случаях размер не важен.
43. О чем-либо принципиально невозможном.
44. Не стоит тратить силы на что-то в данный момент не главное.
45. Залог победы в соединении усилий многих.
46. Любой, кто попадает в трудное положение, уязвим.
47. У каждого свое предназначение.
48. Для каждого свои дети самые лучшие.
49. Похвала ценна, когда она исходит от других.

Приложение № 4. Тематическая классификация ассоциатов китайских респондентов на стимулы – наименования насекомых

МУХА

Ассоциации китайских респондентов на стимул «муха» (265 единиц):

1. **Нечто грязное, гниющее, разлагающееся** – 66 ассоциаций: 脏 грязь (21), 粪便 навоз (9), 腐烂的食物 протухшая еда (8), 垃圾堆 мусорка (6), 难闻的味道 плохие запахи (5), 垃圾 мусор (4), 腐烂 испорченный (4), 不干净

нечистая (2), 不讲卫生 нечистоплотная, 臭鸡蛋 протухшие яйца, 粪坑 навозная яма, 尸体 труп, 腐烂的东西 протухшая вещь, 腐肉 тухлое мясо, 下水道 канализация.

2. **Вызываемые эмоции, ощущения и оценки** – 32 ассоциации: 恶心 отвращение (23), 麻烦事 хлопотное дело, 不雅观 некрасивая, 有害 вредная, 憎恨 ненависть, 难捉 трудно поймать, 消灭它 убить ее, 远离 держаться вдали, 驱赶 выгонять, 呕吐 тошнить.
3. **Наименования зоонимов** – 15 ассоциаций: 蛆 личинка мухи (11), 害虫 насекомое-вредитель, 臭虫 клоп, 仓鼠 хомяк, 昆虫 насекомое.
4. **Наименования мест обитания** – 13 ассоциаций: 厕所 туалет (9), 贫民窟 трущобы (2), 农村 деревня, 养猪场 свиноферма.
5. **Наименования приспособлений для отпугивания или уничтожения насекомых** – 13 ассоциаций:苍蝇拍 мухобойка (8), 喷雾 спрей (3), 杀虫剂 средство от насекомых, 电蚊拍 электрическая комаробойка.
6. **Свойства мухи** – 12 ассоциаций: 烦人 надоедливая (10), 灵活 гибкая,飞得快 быстрая.
7. **Последствия, вызываемые наличием мух** – 12 ассоциаций: 传播病菌 переносчик заболеваний (3), 细菌 бактерия (3), 传染病 инфекционная болезнь (2), 疾病 болезни (2), 拉肚子 понос, 卫生 санитария.
8. **Обозначения звуков** – 11 ассоциаций: 嗡嗡 жужжит (6), 吵 шум (2), 吵地 шумно (2), 啰嗦 болтает.
9. **Наименования отдельных частей тела** – 10 ассоциаций: 大眼 большие глаза (4), 复眼 фасеточный (сложный) глаз (3), 翅膀 крылья, 红眼 красные глаза, 绿头苍蝇 муха с зеленой головой.
10. **Поведение и типичные действия** – 9 ассоциаций: 飞 летает (5), 繁殖能力强 быстро размножается, 喜欢脏 любит грязь, 吸血 сосет, 吃肉 ест мясо.

11. **Наименования человека** – 7 ассоциаций: 令人讨厌的人 надоедливый человек (2), 不喜欢的人 человек, который мне не нравится, 坏人 плохой человек, 人渣 отбросы общества, 流浪汉 бомж, 小偷 вор.
12. **Обозначения размера** – 5 ассоциаций: 小的 мелкая (5).
13. **Наименования пищевых продуктов** – 3 ассоциации: **蛋** яйцо, 海鲜 морепродукты, 臭豆腐 вонючий тофу.
14. **Названия временных периодов** – 2 ассоциации: 夏天 лето (2).
15. **Наименования начертания иероглифа** – 2 ассоциации: 蝇头小楷 кайшу (почерк) похож на мушиную головку (2).
16. **Обозначения количества** – 2 ассоциации: 数量多 большое количество, 多 много.
17. **Наименования бытовых реалий** – 2 ассоциации: 太阳镜 солнечные очки, 马桶 унитаз.
18. **Названия оружия** – 1 ассоциация: 生物武器 биологическое оружие.
19. **Наименования цветообозначений** – 1 ассоциация: 黑色 черная.
20. **Наименования наук** – 1 ассоциация: 仿生学 бионика.
21. **Прецедентные феномены** – 46 ассоциаций:

1) **чэнъюй (фразеологизмы)** – 33 ассоциации: 蝇头小利 Выгода похожа на мушиную головку (11); 无头苍蝇 безголовая муха – ‘человек не находит выходы, чтобы решить какую-то проблему’ (7); 蝇营狗苟 увиваться как муха, пресмыкаться как собака (6); 不堪入目 заставляющий отвести взгляд (3); 蝇名蜗利 известность похожа на мушиную головку, выгода похожа на улитку (2); 蚓窍蝇鸣 звук земляного червя, жужжание мухи, 臭肉来蝇 на тухлое мясо мухи летят; 偷偷摸摸 тайком действовать; 见不得人 стыдно показаться людям на глаза (во фразеологизмах *заставляющий отвести взгляд, тайком действовать* и *стыдно показаться людям на*

глаза компонент «муха» отсутствует, но вербализуется тайное поведение мухи и вызываемые негативные эмоции человека).

2) **яньюй (пословицы)** – 8 ассоциаций: 苍蝇不叮无缝蛋 На яйцо без трещин муха не сядет (7); 老虎好打，苍蝇难捉 Тигра легко убить, а муху трудно поймать.
3) **наименования политических движений** – 3 ассоциации: 除四害 движение (кампания) по уничтожению «четырёх зол» (мух, комаров, мышей и клопов; до 1960 г. также воробьев вместо клопов) (3).
4) **наименование телепрограммы** – 1 ассоциация: 动物世界 «Животный мир».
5) **гуаньюнъюй (идиоматические выражения/привычные выражения)** – 1 ассоциация: 脏乱差 грязь, отсутствие дисциплины и низкий уровень обслуживания; (гуаньюнъюй **(**идиоматическое выражение) отличается от фразеологизма тем, что оно является элементом китайских паремий, обычно оно состоит из 3 иероглифов, имеет отрицательную коннотацию).

ПЧЕЛА

Ассоциации китайских респондентов на стимул «пчела» (267 единиц):

1. **Вызываемые эмоции, ощущения и оценки** – 67 ассоциаций: 勤劳 трудолюбие (35), 忙碌的 усердная (6), 美丽的 красивая (4), 危险 опасность (3), 无私的 бескорыстная (3), 喜爱的 любимая (2), 有益的 полезная (2), 幸福 счастье (2), 忠诚 верность, 认真的 внимательная, 勤劳勇敢的 трудолюбивая и смелая, 努力 усердно, 聪明的 умная, 积极的 активная, 乐观的 оптимистичная, 漂亮 красота, 健康 здоровье, 热爱生活 любит жизнь.
2. **Наименования пищевых продуктов** – 36 ассоциаций: 蜂蜜 мед (35), 蜂王浆 пчелиное молочко.
3. **Поведение и типичные действия** – 33 ассоциации: 蛰人 жалит (15), 传授花粉 опыление (10), 采蜜 собирать мед (5),飞 летает (2), 咬 кусает.

4. **Свойства пчелы** – 15 ассоциаций: 团结 сплоченность (4), 无私奉献 бескорыстно почтительно преподнести (3), 辛苦劳动 тяжело трудиться (3), 杀人 убийство, 跳舞 танцует, 舞蹈 танец, 付出 тратить, 付出与收获 тратить и получать.
5. **Наименования зрительных, тактильных и вкусовых ощущений** – 14 ассоциаций: 甜的 сладкий (14).
6. **Наименования растений и их частей** – 14 ассоциаций: 花 цветы (14).
7. **Наименования мест обитания** – 12 ассоциаций: 蜂巢 пчелиное гнездо (11), 山 гора
8. **Наименования зоонимов** – 11 ассоциаций: 蜂后 пчелиная матка (5), 蝴蝶 бабочка (2), 蜂鸟 колибри-пчелка, 黄蜂 оса, 熊 медведь, 工蜂 рабочая пчела.
9. **Наименования цветообозначений** – 6 ассоциаций: 黄色的 желтая (2), 黄色和黑色的 желтый и черный, 斑纹 полосатая, 鲜艳 яркая, 五彩斑斓 разноцветная.
10. **Наименования человека** – 5 ассоциаций: 养蜂人 пчеловод (3), 园丁 садовник, 农民 крестьянин.
11. **Наименования бытовых явлений и реалий** – 4 ассоциации: 金子 золото, 钱 деньги, 蜂窝移动通信 базовые станции сотовой связи, 六角形 шестиугольник (форма пчелиного гнезда).
12. **Наименования отдельных частей тела зоонимов** – 4 ассоциации: 刺 жало (4).
13. **Последствия, вызываемые укусами пчел** – 4 ассоциации: 红肿 красная опухоль (2), 痛 боль (2).
14. **Названия и восприятие временных периодов** – 2 ассоциации: 春天 весна (2).

15. **Наименования совокупностей насекомых** – 2 ассоциации: 群居 семейная (2).
16. **Обозначения звуков** – 2 ассоциации: 嗡嗡 жужжит (2).
17. **Названия видов человеческой деятельности** – 1 ассоциация: 养蜂业 пчеловодство.
18. **Научные понятия** – 1 ассоциация: 生态功能 экологическая функция.
19. **Прецедентные феномены** – 34 ассоциации:

1) **чэнъюй (фразеологизмы)** – 23 ассоциации: 蜂拥而上 роиться как пчелы (8); 蜂腰鹤膝 пчелиная талия, журавлиные коленки (3); 蜂目豺声 глаза пчелы и вой шакала (2); 任劳任怨 не уклоняться от трудностей и не страшиться обид (2); 蜂拥而起 подняться, как пчелиный рой (2); 蜂合蚁聚 сбиваться пчелиным роем, собираться в кучу, как муравьи; 吃苦耐劳 быть выносливым и трудолюбивым; 同归于尽 погибнуть вместе; 成群结队 собираться толпами и группироваться в отряды; 口蜜腹剑 на устах мёд, а за пазухой меч.
2) **названия фильмов и мультфильмов, имена их героев** – 6 ассоциаций: 大黄蜂 Бамблби (Шершень) [1] (4); 变形金刚 фильм «Вселенная Трансформеров», 擎天柱 (Оптимус Прайм)[2].
3) **яньюй (пословицы)** – 4 ассоциации: 只有冻死的苍蝇，没有累死的蜜蜂。 От мороза муха погибнет, от усталости пчела не умрет. (посл.) (4).
4) **сехоуюй (недоговорки-иносказания)** – 1 ассоциация: 哑巴吃蜜蜂－有苦难言。 Буквально: Немой ест пчелу – так плохо, что словами не передать.

КОМАР

Ассоциации китайских респондентов на стимул «комар» (всего 256 ассоциатов):

[1]大黄蜂 [Бамблби (Шершень)] - персонаж «Вселенной Трансформеров».
[2]擎天柱 (Оптимус Прайм) - персонаж из «Трансформеров».

1. **Последствия, вызываемые наличием комара** – 59 ассоциаций: 疙瘩、包 чесотка (10), 痒 зуд (18), 传染病 инфекционная болезнь (8), 传播病菌 переносчик заболеваний (6), 疾病 болезни (6), 疟疾 малярия (3), 挠痒 чешется (3), 红肿 красная опухоль, 失眠 бессонница, 又痛又痒 боль и зуд, 不舒服 неудобно, 难受 нестерпимый.
2. **Поведение и типичные действия** – 43 ассоциации: 吸血 сосет (26), 咬人 кусает (15), 飞 летает (2).
3. **Наименования приспособлений для защиты от насекомых и для их уничтожения** – 37 ассоциаций: 苍蝇拍 мухобойка (8), 蚊香 средства от комаров (7), 蚊帐 москитная сетка (5), 花露水 одеколон (5), 灭害灵 спрей (4), 风油精 натуральный бальзам (3), 窗纱 оконная сетка (2), 灭蚊灯 инсектицидная лампа, 防疫 борьба с эпидемией, 电蚊拍 электрическая комаробойка.
4. **Названия и восприятие временных периодов** – 14 ассоциаций: 夏天 лето (9), 热 жара, **潮湿** сырость, **秋天** осень, 夜 ночь, 很热 очень жарко.
5. **Обозначения звуков** – 11 ассоциаций: 嗡嗡 жужжит (7), 吵 шумно (3), 吵的 шумный.
6. **Наименования отдельных частей тела человека и зоонимов** – 11 ассоциаций: 血 кровь (3), O 型血 группа крови O (2), 人的血 кровь человека, DNA, 尖嘴 острый нос, **牛尾巴** бычий хвост, 翅膀 крылья, 又白又嫩 белая и нежная кожа.
7. **Свойства комара** – 10 ассоциаций: 烦人 надоедливый (9), 很快 очень быстрый.
8. **Вызываемые эмоции и оценки** – 8 ассоциаций: 让人厌恶 отвращение (5), 晚上很难寻找 ночью трудно поймать, 捏死 раздавить, 憎恨 ненависть.

9. **Наименования зоонимов** – 8 ассоциаций: 苍蝇 муха (2), 花蚊子 цветной комар[1] (2), 害虫 насекомое-вредитель (2), 蝙蝠 летучая мышь, 细菌 бактерия.
10. **Наименования бытовых реалий** – 7 ассоциаций: 吸管 трубка (4), 灯 лампа, 针 игла, **破**帐 рваный полог.
11. **Обозначения количества** – 5 ассоциаций: 多 много (3), 数量多 большое количество (2).
12. **Обозначения размера** – 5 ассоциаций: 小 мелкий (5).
13. **Нечто грязное, гниющее, разлагающееся** – 5 ассоциаций: 脏 грязь (2), 脏水 грязная вода, 垃圾堆 мусорка, 粪堆 навозная куча.
14. **Наименования мест обитания** – 5 ассоциаций: 臭水沟 канализация (2), 厕所 туалет, 农场 ферма, **公园** парк.
15. **Наименования человека** – 2 ассоциации: 杀手 убийца, 利己主义者 эгоист.
16. **Наименования цветообозначений** – 2 ассоциации: **黑色** черный, 黑绿色 тёмно-зелёный цвет.
17. **Прецедентные феномены** – 17 ассоциаций:

1) **чэнъюй (фразеологизмы)** – 12 ассоциаций: 聚蚊成雷 писк множества комаров бывает равносилен грому (фраз.) (4); 鹪巢蚊睫 гнездо крапивника, ресничка комара (фраз.) (2); 使蚊负山 заставить комара нести на спинке гору (фраз.) (2;, 蜗角蚊睫 рожки улитки, ресничка комара (фраз.); 咬牙切齿 скрежетать зубами (фраз.); 人人喊打 каждый старается ударить (фраз.); 一针见血 кровь с первого укола (фраз.).
2) **названия фильмов, имена их героев** – 1 ассоциация: 电影《暮光之城》фильм ("Сумеречная сага").

[1] 花蚊子 (цветной комар) – бело-пёстрый, азиатский тигровый комар.

3) **гуаньюнъюй (идиоматические выражения/привычные выражения)** – 1 ассоциация: 脏乱差 отсутствие дисциплины и низкий уровень обслуживания.
4) **яньюй (пословицы)** – 1 ассоциация: 蝇成市于朝，蚊成市于暮。 По утрам мухи собираются, по вечерам комары собираются.
5) **названия художественных фильмов** – 1 ассоциация: 《吸血鬼日记》 «Дневники вампира»[1].
6) **наименования политических движений** – 1 ассоциация: 除四害 движение (кампания) по уничтожению «четырёх зол».

БЛОХА

Ассоциации китайских респондентов на стимул «блоха» (всего 243 единицы):

1. **Последствия, вызываемые наличием блох** – 45 ассоциаций: 痒 зуд (27), 疾病 болезни (6), 挠痒 чешется (4), 难受 нестерпимая (3), 疙瘩、包 чесотка (2), 又疼又痒 боль и зуд, 传播病菌 переносчик заболеваний, 红肿 красная опухоль.
2. **Поведение и типичные действия** – 42 ассоциации: 跳跃 прыжок (25), 咬人 кусает (7), 跳高 прыжки в высоту (2), 隐藏 прячется (2), 吸血 сосет (2), 跳 прыгает, 爬 ползает, 怕水 боится воды, 繁殖快 быстро размножается.
3. **Наименования зоонимов** – 38 ассоциаций: 狗 собака (9), 猫 кошка (8), 动物 животное (5), 寄生虫 паразит (3), 宠物 домашнее животное (2), 细菌 бактерия (2), 当地的跳蚤 местная блоха, 虱子 вошь, 老鼠 крыса, 蝗虫 саранча, 虱子 вошь, 蚊子 комар, 家禽 домашняя птица, 羊 баран, 害虫 насекомое-вредитель.

[1] 《吸血鬼日记》"Дневники вампира" - американский сериал.

4. **Обозначения размера** – 22 ассоциации: 渺小的 мелкая (20), 小的 маленькая, 看不见 не видно.
5. **Вызываемые эмоции и оценки** – 16 ассоциаций: 让人厌恶 отвращение (5), 不漂亮的 некрасивая (2), 杀死它 ее убить, 远离 держаться вдали, 压死 раздавить, 打不死 ударить не до смерти, 不舒服 неудобно, 非常不舒服 очень неудобно, 憎恨 ненависть, 不喜欢 не нравится, 生气 сердиться.
6. **Нечто грязное** – 12 ассоциаций: 脏 грязь (8), 不讲卫生的 нечистоплотная (2), 臭的 вонючая, 不洗澡 не купаться.
7. **Свойства блохи** – 12 ассоциаций: 烦人 надоедливая (6), 快 быстрый (4), 灵活 гибкая (2).
8. **Наименования приспособлений для уничтожения насекомых** – 6 ассоциаций: 杀虫剂 средство от насекомых (3), 灭害灵 спрей (2), 666 农药 Гексахлоран C6H6Cl6.
9. **Наименования отдельных частей тела человека** – 6 ассоциаций: 头发 волосы (3), 血 кровь (2), 皮肤 кожа.
10. **Наименования бытовых реалий** – 5 ассоциаций: 乒乓球 мяч для пинг-понга, 梳子 расчёска, 被子 одеяло, 蹦床 батут, 地毯 ковер.
11. **Профилактические мероприятия** – 4 ассоциации: 晒 сушить на солнце, 洗澡 купаться, 卫生 санитария, 大扫除 генеральная уборка.
12. **Наименования человека** – 3 ассоциации: 坏人 плохой человек, 人 человек, 穷人 бедный человек.
13. **Наименования мест обитания** – 2 ассоциации: 农村 деревня (2).
14. **Названия временных периодов** – 1 ассоциация: 夏天 лето.
15. **Обозначения количества** – 1 ассоциация: 多 много.
16. **Прецедентные феномены** – 28 ассоциаций:
    1) **заимствованные слова** – 11 ассоциаций: 跳蚤市场 блошиный рынок (11).

2) **названия фильмов и мультфильмов, имена их героев** – 7 ассоциаций: 鼓上蚤 Гу Шанцзао[1] (4); «怪兽在巴黎» «Монстр в Париже» (мультфильм); 动画片 мультик, 美羊羊 Мэй Янян[2].
3) **чэнъюй (фразеологизмы)** – 5 ассоциаций: 暴跳如雷 метать громы и молнии; 不痛不痒 не болит и не чешется; 隔靴搔痒 чесать ногу через сапог; 活力四射 излучать вокруг себя жизненную силу; 抓耳挠腮 хвататься за уши и чесать щеки.
4) **названия художественных произведений** – 2 ассоциации: «水浒传» «Речные заводи»[3] (2).
5) **яньюй (пословицы)** – 1 ассоциация: 十个指头按不住一个跳蚤。 Даже десять пальцев не задавят одну блоху.
6) **наименования политических движений** – 1 ассоциация: 除四害 движение (кампания) по уничтожению «четырёх зол».
7) **названия песен** – 1 ассоциация: «跳蚤»（歌曲） «Песня о блохе».

ВОШЬ

Ассоциации китайских респондентов на стимул «вошь» (всего 230 ассоциатов):

1. **Наименования зоонимов** – 37 ассоциаций: 猴子 обезьяна (17), 狗 собака (4), 狮子 лев (4), 跳蚤 блоха (2), 动物 животное (2), 虫卵 яички насекомых, 野生动物 дикие животные, 细菌 бактерия, **猫** кошка, 害虫 насекомое-вредитель, **家禽和野生动物** домашние птицы и дикие животные, **牛** бык, **猪** свинья.
2. **Последствия, вызываемые наличием вшей** – 29 ассоциаций: 痒 зуд (16), 挠痒 чешется (6), 难忍的痛 нестерпимая боль (2), 疾病 болезни (2), 传播病菌 переносчик заболеваний, 疙瘩、包 чесотка, 鸡皮疙瘩 мурашки.

[1] Гу Шанцзао – один из главных героев в китайском романе «Речные заводи».
[2] Мэй Янян – персонаж в китайском мультике «Си Янян и Хуэй Тайлан».
[3] «Речные заводи» – китайский роман XIV века, автор – Ши Найань.

3. **Поведение и типичные действия насекомого** – 25 ассоциаций: 咬 кусает (10), 吸血 сосет (9), 跳 прыжок (3), 爬 ползает (2), 繁殖快 быстро размножается.
4. **Наименования отдельных частей тела человека и животного** – 19 ассоциаций: 头发 волосы (15), 眉毛 бровь, 血 кровь, 毛 шерсть, **毛皮** шерсть и кожа.
5. **Нечто грязное** – 18 ассоциаций: 脏 грязь (8), 不讲卫生 нечистоплотная (3), 不洗澡 не купаться (2), 不洗头 не мыть голову, 脏头发 грязные волосы, 不干净 нечистая, 发霉 покрыться плесенью, 剩饭 остатки еды.
6. **Обозначения размера** – 16 ассоциаций: 小的 мелкая (14), 肉眼看不见 не видеть глазами, 大的 большая.
7. **Вызываемые эмоции и оценки** – 13 ассоциаций: 让人厌恶 отвращение (4); 杀死它 убить ее; 远离 держаться вдали; **不**想看见它 не хочу ее видеть; 捏死 раздавить; 不清楚 неизвестно (это, видимо, человек никогда не видел вошь); 从来没有见过 никогда не видел; 只听说过 только слышал; 烦恼 быть раздраженным; 憎恨 ненависть.
8. **Наименования человека** – 12 ассоциаций: 流浪汉 бомж (5), 不讲卫生的人 нечистоплотный человек (2), 农村的小孩 дети в деревне, **胖人** толстый человек, 农民工 временные (сезонные) рабочие из крестьян, 姑娘 девушка, 纳**粹份子** нацист.
9. **Наименования бытовых реалий** – 10 ассоциаций: 篦子 гребешок (5), 梳子 расчёска (3), 床 кровать (2).
10. **Профилактические мероприятия** – 6 ассоциаций: 洗澡 купаться (3), 理发 стричься, 换衣服 переодеваться, 剃毛 бритьё.
11. **Наименования мест обитания** – 4 ассоциации: 农村 деревня (2), 监狱 тюрьма, 贫民窟 кварталы бедноты.

12. **Обозначения количества** – 4 ассоциации: 多 много (2), 一串 связка, 数量多 большое количество.
13. **Наименования явлений природы** – 4 ассоциации: 雨 дождь (2), 暖 тепло, 潮湿 сырость.
14. **Свойства блохи** – 2 ассоциации: 烦人 надоедливая (2).
15. **Наименования приспособлений для уничтожения насекомых** – 2 ассоциации: 灭害灵 спрей (2).
16. **Периоды жизни человека** – 2 ассоциации: **童年** детство (2).
17. **Наименования цветообозначений** – 2 ассоциации: 红 красная, 黑 черная.
18. **Прецедентные феномены** – 25 ассоциаций:
    1) **яньюй (пословицы)** – 10 ассоциаций: 虱多不痒，债多不愁。 Вшей много – не чешется, долгов много – не беспокоится (посл.) (5); 虱子多了不怕咬。 Вшей много – не боится укусов (посл.) (5).
    2) **названия фильмов и мультфильмов, имена их героев** – 7 ассоциаций: 辛巴 Симба (3), 阿 Q А-Кью, 济公 монах Цзигун, 孔乙己 Кун Ицзи, «狮子王» американский мультик «Король Лев».
    3) **чэнъюй (фразеологизмы)** – 3 ассоциации: 抓耳挠腮 хвататься за уши и чесать щеки (фраз.) (2); 虎头捉虱 ловить вшей на голове тигра (фраз.).
    4) **гуаньюнъюй (идиоматические выражения/привычные выражения)** – 2 ассоциации: 脏乱差 грязь, отсутствие дисциплины и низкий уровень обслуживания (2).
    5) **названия художественных произведений и прецедентные высказывания** – 2 ассоциации: прецедентное высказывание 生命是一袭华美的袍子 жизнь – красивая одежда, на которой везде вши; (название монографии) 上面爬满了虱子 попадать (стрелой) в вошь (2).
    6) **наименования политических движений** – 1 ассоциация: 除四害 движение (кампания) по уничтожению «четырёх зол».

ЖУК

Ассоциации китайских респондентов на стимул «жук» (222 единицы):

1. **Вызываемые эмоции, ощущения и оценки** – 63 ассоциации: 臭 вонь (18), 让人厌恶 отвращение (8), 勤劳 трудолюбие (8), 力量大 сильный (4), 生命力顽强 живучий (3), 倔强 упорный (2), 社会底层 социальное дно (2), 反胃 тошнота (2), 无用 бесполезный (1), **好的** добрый (1), 力量 сила (1), 美丽的 красивый (1), 认真的 внимательный (1), 勤勤恳恳的 усердный (1), 努力 усердно (1), 吊儿郎当 безответственный (1), 不慕虚荣 нет страсти к роскоши (1), 有益的 полезный (1), 憎恨 ненависть (1), 低的社会地位 низкое социальное положение (1), 容易杀死它 легко его убить (1), 喜欢工作 любит работать (1), 呕吐 тошнить (1) , 口味独特 странный аппетит (1).
2. **Нечто грязное, гниющее, разлагающееся** – 52 ассоциаций: 粪球 навозный шар (18), 粪便 навоз (17), 脏 грязь (9), 牛粪 коровий навоз (2), 驴粪 ослиный помет (1), 牲口粪 навоз животных (1), 粪堆 навозная куча (1), 圆粪球 круглый навозный шар (1), 大便池 клозетная чаша (1), 垃圾 мусор (1).
3. **Наименования зоонимов** – 17 ассоциаций: 屎壳郎 жук-навозник (10), 驴 осел (1), 羊群 баранье (овечье) стадо (1), 羊 баран (1), 圣甲虫 скарабей (1), **甲虫** жук (1), **益虫** полезные насекомые (1), **狗** собака (1).
4. **Наименования мест обитания** – 15 ассоциаций: 洞 дырки (4), 厕所 туалет (3), 埃及 Египет (3), 农村 деревня (1), 农场 ферма (1), 地 земля (1), 澳大利亚 Австралия (1), 草原 степь (1).
5. **Наименования человека** – 14 ассоциаций: 清道夫 дворник (8), 坏人 плохой человек (1), 日本人 японская армия (1), 大力士 сильный человек (1), 将军 генерал (1), 工程师 инженер (1), 法老 фараон (1).
6. **Поведение и типичные действия насекомого** – 11 ассоциаций: 飞 летает (5), 向后滚粪球，用后退推球 катит шарик навоза задом наперед, толкает

шарик задними лапками (1), 咬人 кусать (1), 夜晚飞行 ночью летает (1), 爬 ползает (1), 倒退 пятиться (1), 奇怪的生存方式 странный образ жизни (1).

7. **Наименования бытовых реалий** – 12 ассоциаций: **球** шар (5), 玻璃 стекло (1), 推土机 бульдозер (1), 坦克 танк (1), 黑球 черный шар (1), **甲壳虫汽**车 автомобиль «Жук» (1).
8. **Наименования цветообозначений** – 8 ассоциаций: 黑的 черный (8).
9. **Наименования отдельных частей тела животного** – 9 ассоциаций: 有壳的虫 с панцирем (6), 硬壳 твёрдый панцирь (2), 角 рога (1).
10. **Обозначения формы –** 2 ассоциации: 圆的 круглый (2).
11. **Фитонимы** – 2 ассоциации: 菠菜 шпинат (1), 草 трава (1).
12. **Значимость жука в природе** – 2 ассоциации: 治理土壤 улучшать структуру почвы (1), 环保 защита окружающей среды (1).
13. **Свойства жука** – 1 ассоциация: **慢的** медленный (1).
14. **Названия и восприятие временных периодов** – 1 ассоциация: 夏天 лето (1).
15. **Лекарственное вещество** – 1 ассоциация: 药材 лекарственное сырьё (1).
16. **Прецедентные феномены** – 13 ассоциаций:
    1) **чэнъюй (идиомы)** – 5 ассоциаций – в буквальном переводе: **臭味相投** сходство по неприятному вкусу (3); 力大无穷 несравнима сила (1); **任劳任怨** не уклоняться от трудностей и не страшиться обид (1).
    2) **названия художественных произведений, их фрагменты и жанры** – 2 ассоциации – буквально: 不积跬步无以至千里。Не сделав и полшага, не пройдёшь тысячу ли (древняя китайская литература) (1); 笑话 анекдот (1).
    3) **сехоуюй (недоговорки-иносказания)** – 2 ассоциации – буквально: 茅坑里的石头 – 又丑又硬。Камень в выгребной яме – вонючий и твёрдый (2).

4) **названия телепередач** – 2 ассоциации: «动物世界» «Животный мир».

5) **названия мультфильмов** – 1 ассоциация: 动画片 мультик (1).

6) **прозвище** – 1 ассоциация: 用作骂人的词 обзывательство (1).

Приложение № 5. Русские пословицы в «Национальном корпусе русского языка»

Русские пословицы	**Жанры текстов**	**Варианты пословиц**	**Век**	**Кол-во**
За мухой (мухою) не с обухом, за комаром не с топором	В художественном тексте	В усеченном варианте и без отрицания. В усеченном варианте также без отрицания и с заменой компонента «муха» на «комар». В усеченном варианте с расширением первой части	XIX	4
Орел мух не ловит	В художественном тексте	Полностью	XX	1
И муха не без брюха	В художественном тексте	Полностью	XX	1
Закон как (что) паутина: шмель проскочит (пробьется), а муха увязнет	В художественном тексте	В усеченном варианте без сравнительного союза	XIX	1
Не погнетши пчел, меду не едать (не есть, не добудешь)	В художественном тексте	Полностью. С заменой компонента «*не погнетши*» на «*не передавивши*»	XIX – XX	2
Чтобы спокойно есть медовый сот, надобно задавить пчел	В художественном тексте	Полностью	XIX	1
И пчелки без матки – пропащие детки	В художественном тексте	Полностью	XIX	1
Пчелка и та взятку берет	В художественном тексте	Полностью	XIX	1
Слоны трутся, а между (меж) собой комаров давят	В художественном тексте	В усеченном варианте	XX	2
За комаром не с топором	В художественном тексте	Полностью	XIX	1
И комар лошадь свалит, коли волк пособит	В художественном тексте	С заменой компонента	XIX	1
Комар носа не подточит	В художественном тексте и периодике	Полностью	XXI	74
Осердясь на блох	В художественном	Полностью	XIX	1

(блоху), да и шубу в печь	тексте			
Просто и блоха не кусает	В художественном тексте	Полностью	XX	1
Торопом только блох ловить	В художественном тексте	С заменой компонента	XX	1
Рассердясь на вшей, да шубу в печь	В художественном тексте	Полностью. С заменой компонента «*вшей»* на «*вши»*	XIX – XX	2
Купить – как вошь убить, продать – блоху поймать	В художественном тексте	Полностью	XX	2
Быстрая вошка первая на гребешок попадет (попадает)	В художественном тексте	В усеченном варианте. С расширением компонентного состава за счет лексемы «всегда»	XX	2
В поле и жук мясо	В художественном тексте	Полностью. в усеченном варианте	XIX – XX	2

Приложение № 6. Китайские пословицы в «Национальном корпусе китайского языка»

Китайские пословицы	**Жанры текстов**	**Варианты пословиц**	**Век**	**Кол-во**
苍蝇不叮无缝的蛋 – Муха не кусает яйцо без трещин	В художественном тексте и периодике	Полностью. С заменой компонента «муха» на «комар».	XX – XXI	3
打苍蝇不打老虎 – Бить только муху, а не тигра	В периодике	Полностью	XX – XXI	3
臭肉才会招来苍蝇 – Только протухшее мясо может призывать мух к себе	В художественном тексте	Полностью	XX	1
一个苍蝇坏了一锅汤 – Одна муха может испортить всю кастрюлю супа	В периодике	Полностью	XX	1
只有冻死的苍蝇，没有累死的蜜蜂 – От мороза муха погибнет, от усталости пчела не умрет	В художественном тексте	Полностью	XX	1
十个指头按不住一个跳蚤 – Даже десять пальцев не задавят одну блоху	В художественном тексте	Полностью	XXI	1
虱多不痒，债多不愁 – Вшей много – не чешется, долгов	В художественном тексте	Полностью	XX	1

много – не беспокоится				
虱子多了不怕咬 – Вшей много – не боится укусов	В периодике	Полностью	XXI	1
穷生虱子富生疥 – У бедных разводятся вши, у богатых появляются чесоточные сыпи	В художественном тексте	Полностью	XX	1

Приложение № 7. Образцы словарных статей

КОМАР

СП: Комар – это мелкое, незначительное насекомое, он пьет кровь человека и животных, типичные места обитания насекомого – это сырые помещения. Комар издает тонкий, но звонкий раздражающий человека звук, у него тоненькое жало (нос), это надоедливое насекомое.

И КОМАР ЛОШАДЬ СВАЛИТ, КОЛИ ВОЛК ПОСОБИТ. ВАР.: ***Комар лошадь свалит, коли волк пособит*.**

☼: *Свалить* – ударом, толчком сбросить вниз; *пособить* – помочь.

Т. Для достижения успеха важно иметь сильного союзника.

С. Говорится в ситуации, когда человек сделал дело, которое ему явно не по силам одному, с помощью кого-то более сильного, влиятельного.

УК Для достижения цели важен сильный могущественный помощник.

🕮 С заменой компонента: «Ну, и выходит, что они над тобой свою мужицкую фантазию разыгрывают, а ты стой да молчи… Горько! Свиньи, брат, они все! Того и не поймет, подлец, что *и комар лошадь повалит, коли медведь подсобит*, а я видал-таки на своем веку медведей-то!..» [М.Е. Салтыков-Щедрин. Два отрывка из «Книги об умирающих» (1857-1865)].

СИН. *И комар лошадь свалит, если волк поможет*.

См.: *И комар лошадь свалит, если волк поможет*.

ЗА КОМАРОМ НЕ С ТОПОРОМ

Т. Нужно соизмерять свои усилия с поставленной целью.

С. Говорится в ситуации, когда человек растрачивает большие таланты по пустякам.

УК. Необходимо соизмерять усилия с тем делом, которым человек занимается.

🕮 «Наконец, я его поймал, и мы часов до 3-х просидели. Что за славный человек этот Оболенский! Насчет моих стихов скажу вам только, что выражение: *за комаром с топором* и пр.» [И.С. Аксаков. Письма родным (1849-1856)].

СИН. *За мухой не с обухом, за комаром не с кнутом*; *За комаром не с топором, с чекушкой – за пичужкой*.

См. *За мухой не с обухом, за комаром не с топором*; *За каждой мухой не нагоняешься с обухом*; *За мухой не нагоняешься с обухом; За мухой (мухою) не с обухом*; *За мухой не угоняешься с обухом*; *За мухой с обухом не нагоняешься (не угонишься)*; *За мухой не с обухом, за комаром не с кнутом*; *За комаром не с топором, с чекушкой – за пичужкой*.

КОМАР НОСА НЕ ПОДТОЧИТ

☼: *Подточить*. Здесь: подсунуть, вставить в маленькую щелочку.

Т. О чем-либо, выполненном так, что невозможно придраться.

С. Говорится в ситуации, когда человек смог всё предусмотреть, чтобы все выглядело идеально.

УК Дело может быть выполнено внешне настолько идеально, что в нем невозможно найти ни малейшего изъяна.

🕮 «Прогнали из фирмы, где она работала товароведом. Ее шеф по фамилии Жукинс растратил больше половины денег фирмы и все списал на мать, причем так ловко, что *комар носа не подточит*. Жукинс потребовал, чтобы она выплатила долг. Из квартиры в оплату долга ушло почти все более или менее ценное» [Максим Милованов. Естественный отбор (2000)]; «Подделки поражали высоким уровнем. С виду— *комар носа не подточит*, в реальности же полная липа. За фирмой организовали наблюдение. Выяснили,

что у нее целых пять офисов в центре Москвы» [Владимир Перекрест. Отпетые уголовники стали чиновниками Минюста // Известия, 2004.05.20]; «Многократная победительница турниров "Большого шлема" Мартина Навратилова утверждает, что поймать теннисиста на подтасовке результата матча очень сложно. – Если я захочу проиграть встречу, то сделаю это так, что *комар носа не подточит*, – сказала Мартина. – Поэтому есть только один способ пресечь это зло— пожизненная дисквалификация нечестных игроков. По-моему, это единственный метод борьбы с коррупцией в теннисе» [Налбандян Зураб. Скотленд-ярд занялся теннисом // Труд-7, 2008.06.24].

ЖУК

СП: Жук любит навоз, типичные места обитания – это навоз, нора. В отличие от китайских пословиц, в пословицах русского языка жук представляется как насекомое, имеющее рога. Характерная особенность жука – способность летать. С жуком русские ассоциируют хитрого человека. (В отличие от китайцев, для которых жук – опасный человек).

ЖУКУ НОРА ЗА ОБЫЧАЙ

☼ *За обычай*: привычно.

Т. У каждого свои привычные места обитания.

С. Говорится в ситуации, когда важно подчеркнуть выбор чего-либо по своему вкусу.

УК Каждый привыкает к своему обычному окружению, среде обитания.

См.: *Только жук, в навозе живучи, да чисто обихаживается*; *Мухи к свету, а мышь во тьму*; *Муха по подполочью, кошка по подлавочью*.

Ср. кит. *龙寻龙，凤寻凤，屎壳螂最爱牛马粪。– Дракон ищет дракона, феникс ищет феникса, навозный жук обожает коровий и лошадиный навоз*; *屎壳螂离不开牛粪堆。– Навозный жук никак не может*

покинуть навозную кучу; *癞头蛤蟆配鲇鱼，屎壳螂配拉拉蛄。– Жаба составит пару сому, навозный жук составит пару медведке*.

В ПОЛЕ И ЖУК МЯСО

Т. Если нет выбора, то нужно довольствоваться малым.

С. Говорится в ситуации, когда у человека ничего нет, ему важен даже пустяк.

УК За неимением лучшего приходится довольствоваться малым.

🕮 «– Ну да, разумеется, ха-ха-ха! Я ведь и говорю, что *в поле и жук мясо*, а на безлюдье и Фома дворянин…, ха-ха-ха! Карпуша, слышишь, что я говорю? а?» [В.И. Даль. Павел Алексеевич Игривый (1847)]; В усеченном варианте: «Мне ребята и говорят: «Брось, Ваня, что есть такое Гаврилов? Рук не стоит марать». – «Нет, говорю, *и жук – мясо*. Почему Гаврилову жить?…»» [Б.В. Савинков (В. Ропшин). То, чего не было (1918)].

СИН. *В чужих людях жук – и то мясо*; *В межень жука посоли – и то мясо*; *Как нет мяса – и жук мясо*; *На пустом огороде (городе) и жук – говядина*; *На чужой стороне и жук мясо*.

См. *В чужих людях жук – и то мясо*; *В межень жука посоли – и то мясо*; *Как нет мяса – и жук мясо*; *На пустом огороде (городе) и жук – говядина*; *На чужой стороне и жук мясо*.